ИЗДАТЕЛЬ И УЧРЕДИТЕЛЬ
НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ДЕЛОВОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В СФЕРЕ БИЗНЕСА

2306-1286 (Print)

2541-7614 (Online)

ВОПРОСЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Выпуск 4 (60)

Москва

2025

ВОПРОСЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Образовательный журнал
2025
Выпуск 4 (60)
Основан в 2007 году
Выходит 4 раза в год

Издатель и учредитель:
«Некоммерческое партнерство «Национальное Объединение Преподавателей Иностранных Языков Делового и Профессионального Общения в сфере бизнеса», созданное при поддержке РУДН
Адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Малюга Е.Н., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор (ответственный редактор, Москва, РУДН),
Бауэр Карин, доктор, профессор (Канада, университет Макгилла),
Битти Кен, доктор, профессор (США, Университет Анахайм)
Доллеруп Кай, доктор, профессор (Дания, Копенгагенский ун-т),
Клюканов И.Э., доктор филологических наук, профессор (США, Восточно-Вашингтонский университет)
Круглов Алекс, доктор филологических наук, профессор (Великобритания, Университетский колледж Лондона),
О'Дауд Роберт, доктор, профессор (Испания, Леонский университет),
Томалин Барри, профессор (Великобритания, Лондонская дипломатическая академия),
Ханзен Фолькмар, доктор, профессор (Германия, ун-т Дюссельдорфа),
Александрова О.В., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор (Москва, МГУ),
Дмитренко Т.А., академик МАНПО, доктор педагогических наук, профессор (Москва, МПГУ),
Лебедева И.С., кандидат филологических наук, доцент (Москва, МГИМО),
Михеева Н.Ф., академик МАН ВШ, доктор филологических наук, профессор (Москва, РУДН),
Назарова Т.Б., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГУ),
Пономаренко Е.В., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор (Москва, МГИМО (Университет) МИД России)
Храмченко Д.С., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГИМО (Университет) МИД России),
Шевлякова Д.А., доктор культурологии, профессор (Москва, МГУ).

Материалы посвящены актуальным проблемам преподавания иностранного языка делового общения, современным тенденциям профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам, использованию новых информационных технологий в учебном процессе, стратегиям обучения переводу в неязыковом ВУЗе, актуальным проблемам современной лингвистики. Тексты материалов печатаются в авторской редакции. Журнал индексируется ВАК, РИНЦ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals, Crossref, EBSCO.
Некоммерческое партнерство НОПДиПО создано при поддержке РУДН.

2306-1286 (Print)
2541-7614 (Online)

© Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Издательство, 2025
© Коллектив авторов, 2025

PUBLISHER AND FOUNDER
THE BUSINESS AND VOCATIONAL FOREIGN LANGUAGES TEACHERS NATIONAL ASSOCIATION

2306-1286 (Print)

2541-7614 (Online)

ISSUES OF APPLIED LINGUISTICS

Issue 4 (60)

Moscow

2025

ISSUES OF APPLIED LINGUISTICS

Educational Journal
2025
Issue 4 (60)
Established in 2007
4 times a year

Publisher and founder:
Non-profit organization "The Business and Vocational Foreign Languages Teachers National Association" created with the support of RUDN University
Address: 117198, Moscow, Miklukho-Maklaya, 6

EDITORIAL BOARD MEMBERS:

Malyuga E.N., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology, Prof. (Editor-in-chief. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia),
Bauer Karin PhD Prof. (Canada, University McGill),
Beatty Ken Prof. Dr. (USA, Anaheim University)
Dollerup Cay PhD Prof. (Denmark, University of Copenhagen),
Klyukanov Igor Prof. (USA, Eastern Washington University),
Krouglov Alex, Prof. Dr. (Great Britain, University College London),
O'Dowd Robert Prof. Dr. (Spain, University of León)
Tomalin Barry Prof. (Great Britain, London Academy of Diplomacy),
Hansen Volkmar Prof. Dr. (Germany, University of Duesseldorf),
Alexandrova O.V., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Moscow State University),
Dmitrenko T.A., Academician of International Academy of Science and Higher School, Dr. of Pedagogy, Prof. (Moscow, Moscow State Pedagogical University),
Lebedeva I.S., Cand. of Sc. (Philology), Assoc. Prof. (Moscow, MGIMO University)
Mikheeva N.F., Academician of International Academy of Science and Higher School, Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Peoples' Friendship University of Russia),
Nazarova T.B., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Moscow State University),
Ponomarenko E.V., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology, Prof. (Moscow, MGIMO University),
Khramchenko D.S., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, MGIMO University),
Shevlyakova D.A., Dr., Prof. (Moscow, Moscow State University).

The Journal is indexed by Higher Attestation Commission, Russian Science Citation Index, Google Scholar, Ulrich's Periodicals, Crossref, EBSCO.
The non-profit partnership BVFLTNA was created with the support of Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba.

2306-1286 (Print)
2541-7614 (Online)

© Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Publishing house, 2025
© Authors, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

МАЛЮГА Е.Н., ХАПЕРСТКОВА А.А. 7
Лингвопрагматические функции метасообщений в профессиональном дискурсе

РОДИОНОВ К.К. 40
Характеристика ораторской речи как объекта лингвокультурного анализа: структурно-просодический и когнитивный аспекты

АКОПОВА А.С. 66
Устойчивые интенсификаторы в академическом дискурсе: частотное распределение и коллокационная стабильность

ИВУШКИНА Т.А. 97
К вопросу о «высоком» языке: кросс-культурный аспект

ХАБАРОВА И.А. 118
Изменения медиариторики Франции: стилистические особенности

СВЕТОНОСОВА Т.А. 147
Инаугурационные обращения американских президентов: топосы

CONTENTS

Scientific articles

MALYUGA E.N., KHAPERSTKOVA A.A. 7
Linguopragmatic functions of metamessages in professional discourse

RODIONOV K.K. 40
Characteristics of oratorical speech as an object of linguocultural analysis: structural-prosodic and cognitive aspects

AKOPOVA A.S. 66
Recurrent intensifiers in academic discourse: frequency distributions and collocational stability

IVUSHKINA T.A. 97
On the question of «high» language: cross-cultural approach

KHABAROVA I.A. 118
Changes in French media rhetoric: stylistic peculiarities

SVETONOSOVA T.A. 147
American presidents' inaugural addresses: topoi

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

УДК 811
https://doi.org/10.25076/vpl.60.01
Е.Н. Малюга,
А.А. Хаперсткова[1]
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МЕТАСООБЩЕНИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

В исследовании рассматриваются метасообщения как неэксплицитные компоненты высказывания, влияющие на интерпретацию профессионального дискурса. Несмотря на активное развитие прагмалингвистики, роль метасообщений в профессиональном дискурсе остаётся недостаточно изученной, что затрудняет их разграничение с другими типами неэксплицитных компонентов высказывания. Цель работы состояла в выявлении функций метасообщений и определении риторических средств, посредством которых эти функции реализуются. Материалом исследования выступил корпус из 152 текстов деловых изданий Южной Африки за 2021–2024 годы. Вручную аннотированы 427 метасообщений, классифицированных по четырём функциям: манипулятивной, оценочной, регулятивной и апеллятивной. Количественный анализ показал доминирование манипулятивной функции. Преобладание манипулятивной функции метасообщений объясняется структурной близостью манипуляции к самой сути метасообщения, которое скрыто направляет интерпретацию, сохраняя внешнюю нейтральность. Качественный анализ позволил выделить четыре риторических

[1] © **Малюга Е.Н., Хаперсткова А.А.** 2025
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License https://creativecommons.org/licenses/by/4.0

средства, реализующих выявленные функции метасообщений: метафору, эвфемизм, персонификацию и антитезу. Каждое из идентифицированных риторических средств участвует в реализации всех четырёх функций. Полученные результаты уточняют теоретический статус метасообщения и демонстрируют его значимость для анализа профессионального дискурса.

Ключевые слова: профессиональный дискурс, метасообщение, метакоммуникация, лингвопрагматическая функция, прагмалингвистика

UDC 811
https://doi.org/10.25076/vpl.60.01
E.N. Malyuga,
A.A. Khaperstkova
RUDN University

LINGUOPRAGMATIC FUNCTIONS OF METAMESSAGES IN PROFESSIONAL DISCOURSE

The study examines metamessages as non-explicit components of an utterance that influence the interpretation of professional discourse. Despite the active development of pragmalinguistics, the role of metamessages in professional discourse remains insufficiently explored, which complicates their distinction from other types of non-explicit elements in an utterance. The aim of the study was to identify the functions of metamessages and to determine the rhetorical devices through which these functions are realised. The material consisted of a corpus of 152 texts from South African business media published between 2021 and 2024. A total of 427 metamessages were manually annotated and classified into four functions: manipulative, evaluative, regulative, and appellative. Quantitative analysis showed a clear dominance of the manipulative function. The predominance of the manipulative function of metamessages is explained by the structural closeness of manipulation to the very essence of the metamessage, which secretly directs the interpretation while maintaining external neutrality. Qualitative analysis made it possible to identify four rhetorical devices used to realise the functions of metamessages: metaphor, euphemism,

personification, and antithesis. Each of the identified devices contributes to the realisation of all four functions. The findings refine the theoretical status of the metamessage and demonstrate its relevance for the analysis of professional discourse.

Keywords: professional discourse, metamessage, metacommunication, linguopragmatic function, pragmalinguistics

Введение

В профессиональном дискурсе интерпретация сообщения осуществляется на основе не только эксплицитно выраженного содержания, но и компонентов, которые не получают прямой вербализации, но тем не менее оказывают влияние на восприятие информации адресатом. К таким компонентам относятся метасообщения – элементы высказывания, не закреплённые в явной лексико-грамматической форме, но влияющие на то, какие аспекты содержания становятся для адресата значимыми в процессе его интерпретации. Другими словами, через метасообщения уточняется способ соотнесения высказывания с его контекстом, что влияет на осмысление представленных сведений в рамках профессионального дискурса.

Несмотря на продолжительный научный интерес к вопросам метакоммуникации, описание метасообщений в научной литературе остаётся фрагментарным, что затрудняет их концептуальное разграничение с другими типами неэксплицитных компонентов высказывания. Вследствие этого существующие наблюдения о метасообщениях остаются малоизученными: не прояснены их функциональное распределение, используемые средства реализации и специфика функционирования в различных типах дискурса. Данная лакуна создаёт методологическую неопределённость, которая проявляется в недостаточном теоретическом описании и прикладном анализе данного феномена.

Цель настоящего исследования заключается в устранении установленной лакуны через выявление функций метасообщений в профессиональном дискурсе южноафриканских англоязычных СМИ и определение риторических средств, посредством которых эти функции реализуются. Выбор южноафриканского профессионального дискурса в качестве материала исследования обусловлен тем, что он демонстрирует сочетание факторов,

повышающих значимость неэксплицитных компонентов высказывания, влияющих на его интерпретацию. Экономическая нестабильность, тесная взаимосвязь управленческих и политических процессов, а также существенная роль медиа в формировании оценочных представлений создают условия, при которых метасообщения становятся устойчивым элементом южноафриканского профессионального дискурса. В таких условиях порождаемые высказывания функционируют в контексте, где даже формально нейтральные сообщения приобретают дополнительную прагматическую маркированность, что делает южноафриканский профессиональный дискурс эмпирически продуктивным материалом для анализа метасообщений.

Научная новизна исследования состоит в уточнении теоретического статуса метасообщения как компонента профессионального дискурса и определении ключевых метакоммуникативных функций, реализующихся через установленный набор риторических средств.

Материалы и методы

Материалом исследования выступил корпус текстов южноафриканских англоязычных СМИ, освещающих вопросы, относящиеся к профессиональному дискурсу в сфере экономики и деловой коммуникации. В выборку вошли публикации из *Financial Mail, Business Day, Sunday Times Business* и ряда других изданий, регулярно формирующих информационную повестку в этой области. Корпус охватывает период с 2021 по 2024 год, что обеспечивает репрезентативность анализа. Всего рассмотрено 152 текста, отобранных по тематическому признаку и соответствующих жанровым характеристикам профессионального дискурса.

Единицей анализа выступает текстовый фрагмент, содержащий компонент, который не выражен эксплицитно, но при этом влияет на интерпретацию сообщения и обладает функциональной направленностью в рамках профессионального дискурса. При выделении таких фрагментов учитывались два критерия: отсутствие эксплицитной лексико-грамматической вербализации и наличие прагматической функции, реализующейся в интерпретационном или воздействующем потенциале текста. Элементы, демонстрирующие лишь структурную

неэксплицитность без функциональной значимости, в анализ не включались.

Рабочее определение метасообщения, применяемое в исследовании и уточняемое далее в теоретической части статьи, трактует его как компонент высказывания, не выраженный эксплицитно, но воздействующий на интерпретационную направленность текста и выполняющий одну из прагматических функций профессионального дискурса. Это определение обеспечивает согласованность классификации и позволяет разграничивать метасообщения и другие формы неэксплицитных элементов текста.

Аннотирование корпуса проводилось вручную. Каждый текст анализировался последовательно, и фрагменты, соответствующие рабочему определению метасообщения, фиксировались и относились к одной из четырех выделяемых функций: манипулятивной, регулятивной, оценочной или апеллятивной. При классификации учитывались коммуникативная направленность и контекстуальные особенности текста. В случаях возможного пересечения функций учитывался доминирующий признак.

Для обработки материала использовался комплекс методов, позволяющий описать как функциональные характеристики метасообщений, так и способы их риторической реализации. Лингвопрагматический подход применялся в качестве главного аналитического инструмента и использовался для определения функций метасообщений как неэксплицитных компонентов профессионального дискурса. Качественный контент-анализ был направлен на выявление и систематизацию риторических средств, посредством которых реализуются функции метасообщений. Количественный анализ применялся для определения частотности функций и риторических средств и для выявления доминирующих тенденций в распределении метасообщений в профессиональном дискурсе.

Надёжность результатов обеспечивалась (1) тематической репрезентативностью корпуса, охватывающего значимый временной период и включающего материалы ведущих СМИ; (2) использованием стабильных критериев аннотирования, сформулированных до начала анализа; и (3) повторной проверкой классификации, что позволило минимизировать влияние

субъективного фактора при отнесении фрагментов к функциональным категориям.

Теоретические основания исследования

Происхождение и развитие понятия «метасообщение»

Первые описания явлений, которые сегодня соотносятся с понятием метасообщения, появились в работах Г. Бейтсона середины 20-го века. В своих исследованиях коммуникации в антропологическом и психотерапевтическом контексте Бейтсон исходил из того, что любое высказывание не сводится к передаче информации в прямом значении. Оно всегда сопровождается указаниями о способе его интерпретации, которые формируют дополнительный, не выраженный напрямую уровень содержания. Именно этот уровень Г. Бейтсон обозначал как сферу метакоммуникации (Bateson 1972). Он рассматривал её как обязательную составляющую коммуникативного процесса, поскольку интерпретация высказывания невозможна без сигналов, обозначающих отношение говорящего к собственному сообщению или к адресату.

Идея о двухуровневой структуре коммуникации получила дальнейшее развитие в теории, предложенной П. Ватцлавиком и его коллегами. Их исследования подчёркивали различие между содержательным компонентом сообщения и компонентом, который задаёт его интерпретационный статус (Watzlawick, Beavin, Jackson 1967). В понимании исследователей метакоммуникация не представляла собой надстройку, возникающую лишь в отдельных случаях; напротив, она рассматривалась как структурная характеристика любого взаимодействия. Именно это положение фактически создаёт основу для современного понимания метасообщения как элемента, определяющего направленность интерпретации текста и дискурса.

В дальнейшем понятие метасообщения стало получать интердисциплинарные трактовки. В исследованиях организационной коммуникации внимание уделялось тому, как скрытые сигналы определяют восприятие управленческих решений и корпоративной политики (Putnam, Fairhurst 2015; Castor 2017). В работах по политическому дискурсу указывалось на роль непрямых интерпретационных компонентов в формировании общественных установок и консенсусов (Esser, Reinemann, Fan 2001; Brüggemann

2014). Исследования цифровой коммуникации показали, что в онлайн-среде метасообщения часто формируются через выбор форматов подачи, графические элементы или композиционные особенности сообщения, а не только через языковое выражение (Hristova, Jovicic, Göbl 2022; Page, Barton, Lee 2022). Несмотря на различие исследовательских задач, все эти работы подчёркивают, что значимую роль в интерпретации сообщения играют элементы, которые не имеют прямой вербализации, но воздействуют на содержание, определяя характер соотнесения высказывания с его контекстом.

Лингвистический интерес к метасообщениям усилился в связи с развитием прагматических исследований. В современной прагмалингвистике метасообщение рассматривается как особый тип коммуникативного сигнала, влияющего на выбор интерпретационной стратегии адресата (Tannen 2013; Hames, Haugh, Musgrave 2025). В работах по дискурсивной прагматике отмечается, что метасообщения формируют специфические условия для интерпретации текста, воздействуя на восприятие не через эксплицитные языковые средства, а через элементы, определяющие оценочную, коммуникативную или аргументативную перспективу высказывания (Kádár, House 2021; Fialkoff, Pinchevski 2024).

Таким образом, развитие понятия метасообщения отражает постепенный переход от его первоначальной трактовки как психологического феномена к его лингвистическому осмыслению. Современные исследования рассматривают метасообщение как неэксплицитный компонент высказывания, который оказывает направляющее воздействие на интерпретацию текста и участвует в структурировании коммуникативной ситуации. Именно в этом значении понятие используется в настоящем исследовании, где объектом анализа выступает функционирование метасообщений в профессиональном дискурсе.

Различие метасообщений и родственных понятий

Поскольку в современной лингвистике различные типы неэксплицитных элементов высказывания нередко описываются через пересекающиеся терминологические поля, необходима чёткая дифференциация метасообщений и иных категорий, участвующих в формировании интерпретации текста. Отсутствие

такой дифференциации упоминается как одна из наиболее частых проблем в современных исследованиях прагматики и дискурсивного анализа (Lewis, Rienties, Rets 2022; Tajsin, Gurianov 2021). Ниже рассматриваются основные сопоставления, позволяющие определить статус метасообщения в рамках профессионального дискурса.

Метасообщение и имплицитность

Имплицитность традиционно понимается как широкий класс явлений, включающий пресуппозиции, импликатуры, различные формы умолчания, эллипсис, а также ассоциативные значения, возникающие по линии контекста (Levinson 1983; Alejandro, Zhao 2024). В лингвистической литературе имплицитность обозначает способ организации содержания, при котором часть информации не выражена эксплицитно, но может быть восстановлена адресатом при опоре на знания языка и контекста.

Метасообщение, при всей его неэксплицитности, не совпадает с имплицитностью как классом явлений. В отличие от имплицитных элементов, которые могут быть нейтральными по своей функции и не обладать воздействующим потенциалом, метасообщение характеризуется прагматической направленностью: оно формирует условия интерпретации и задаёт вектор смыслового воспроизведения текста. Это сближает его не столько с формально-структурными проявлениями имплицитности, сколько с прагматическими механизмами, описывающими распределение интерпретационных ролей в дискурсе (Clark 2013).

Таким образом, имплицитность представляет собой тип способа выражения, тогда как метасообщение – тип коммуникативной функции внутри этого способа.

Метасообщение и подтекст

Подтекст традиционно связывают с художественным и публицистическим дискурсом, где он выступает механизмом создания дополнительных значений, возникающих на пересечении авторской интенции и контекстуальных ассоциаций (Hansen 2024). Подтекст может реализовываться через интертекстуальные отсылки, коннотативные оттенки или стилистические средства, и его цель часто заключается в усложнении смысла или создании художественного эффекта.

В профессиональном дискурсе метасообщение не нацелено на создание дополнительных смысловых пластов. Оно обеспечивает ту форму организации восприятия, которая определяет, какие элементы содержания становятся значимыми для адресата. В отличие от подтекста, который может иметь условно «пассивный» характер и не направляться на конкретный коммуникативный результат, метасообщение всегда функционально: оно ориентировано на воздействие, перераспределение смысловой значимости элементов текста и уточнение отношений между адресантом, адресатом и сообщением.

Метасообщение и импликатура

Импликатуры, описанные П. Грайсом и активно развиваемые в последующих работах по прагматике (Grice 1975; Yulianti, Arafah, Rofikah 2022; Gershman, Ullman 2023), представляют собой значения, выводимые адресатом на основе принципа кооперации и нарушения его максим. Они возникают как результат логического вывода и в ряде случаев не привязаны к воздействующей функции: многие импликатуры выполняют лишь уточняющую или информативную роль.

Метасообщения, напротив, не обязательно основаны на логическом выводе и не требуют нарушения максим. Они могут возникать из выбора лексики, порядка подачи информации, интонационно-композиционных решений текста или других элементов, которые не обеспечивают единственно возможного логического вывода. В отличие от импликатуры, метасообщение может иметь социально мотивированный характер и реализовывать коммуникативные задачи, связанные с интерпретационной ориентацией текста (Haiman 2011; Tannen 2012).

Тем самым импликатура связана прежде всего с логикой взаимодействия, тогда как метасообщение – с интерпретационной функцией в структуре дискурса.

Метасообщение и пресуппозиция

Пресуппозиции относятся к тем элементам содержания, которые встроены в языковую структуру и активируются определёнными лексическими и грамматическими средствами (Moldovan 2023; Aravind, Fox, Hackl 2023). Они обладают устойчивым семантическим статусом: при использовании определённых

предикатов или реляционных структур соответствующее знание предполагается в сознании адресата.

Метасообщение не опирается на формальные языковые триггеры. Оно может отсутствовать на уровне синтаксической или семантической структуры и проявляться исключительно в прагматическом выборе средств, включая лексику, порядок изложения, композиционную организацию текста и риторические приемы. В отличие от пресуппозиций, которые имеют устойчивый статус в структуре значения, метасообщения относятся к способу соотнесения содержания с контекстом и не являются обязательным компонентом высказывания.

Рабочая дефиниция метасообщения

Сопоставление метасообщения с другими неэксплицитными элементами высказывания позволяет определить его как самостоятельную лингвопрагматическую категорию, не совпадающую с имплицитностью, подтекстом, импликатурой или пресуппозицией как способами выражения содержания. В отличие от имплицитности, представляющей собой широкий класс явлений, связанных с частичной невыраженностью содержания, метасообщение не относится к способам его кодирования, а характеризуется функциональной направленностью: оно ориентирует интерпретацию текста и участвует в перераспределении смысловой релевантности в пределах конкретного высказывания. Не совпадая с подтекстом, который может выполнять эстетические или интертекстуальные задачи и не обязательно обладает прагматической целенаправленностью, метасообщение формируется в рамках коммуникативной задачи и влияет на интерпретационную перспективу адресата. Метасообщение также не сводится к импликатуре, поскольку не основано на логической процедуре вывода и не требует соотнесения с принципом кооперации: оно может возникать из выбора языковых средств, порядка подачи информации или композиционных и риторических решений, не предполагающих единственной интерпретационной траектории. Оно также не является разновидностью пресуппозиции, так как не связано с формальными языковыми триггерами и не представляет собой обязательного элемента значения.

С учётом выявленных различий в настоящем исследовании под метасообщением понимается неэксплицитный прагматический компонент высказывания, возникающий не из языковой структуры или процедур логического вывода, а из выбора композиционных и риторических средств, и выполняющий функцию ориентации интерпретации высказывания в пределах конкретного коммуникативного акта профессионального дискурса.

Такое понимание позволяет фиксировать четыре свойства метасообщения, отличающие его от других неэксплицитных элементов высказывания. Во-первых, ему присущ неэксплицитный характер, не связанный с формальными механизмами имплицитности. Во-вторых, метасообщение обладает интерпретационной направленностью, влияя на то, какие значения адресат считает релевантными при восприятии сообщения. В-третьих, оно имеет прагматическую функцию, обусловленную задачами соответствующего типа дискурса. И, в-четвёртых, ему свойственна локальность функционирования, поскольку метасообщение связано с отдельным высказыванием и не относится к уровню общей организации текста.

В таком понимании метасообщение выступает самостоятельным аналитическим объектом, позволяющим описывать механизмы интерпретационной ориентации текста в профессиональном дискурсе.

Прагматика метасообщений в профессиональном дискурсе

Исследования скрытых прагматических компонентов высказывания демонстрируют, что метасообщения могут участвовать в организации профессионального дискурса по ряду интерпретационных и воздействующих направлений. При этом в научной литературе отсутствует единая классификация таких функций: различные авторы описывают метасообщения через разные аналитические призмы, связывая их либо с механизмами оценки, либо с управлением вниманием адресата, либо с перераспределением интерпретационной значимости текста (Castor 2017; Esser, Reinemann, Fan 2001; Tannen 2013). Для настоящего исследования важно не зафиксировать готовую типологию, а определить те направления, в рамках которых современные работы рассматривают скрытые прагматические сигналы профессионального дискурса.

Одним из таких исследовательских направлений является анализ скрытого воздействия. В ряде публикаций подчёркивается, что неэксплицитные элементы текста могут направлять интерпретацию описываемых событий или решений, создавая предпочтительную интерпретационную траекторию без прямой вербализации воздействующего намерения (Fialkoff, Pinchevski 2024; Haiman 2011). В этом контексте метасообщения рассматриваются как механизм формирования интерпретационной перспективы, которая выглядит естественной или самоочевидной для адресата.

Другим значимым направлением является оценочная составляющая скрытых прагматических сигналов. В рамках критического дискурс-анализа отмечается, что профессиональные тексты часто формируют оценочные позиции автора именно за счёт неэксплицитных средств, поскольку прямое выражение оценки может не соответствовать жанровым требованиям (Schnurr 2024). В данной перспективе метасообщения связаны с распределением оценочной нагрузки в пределах высказывания.

Некоторые исследования рассматривают скрытые элементы как механизм координации профессиональных ролей и норм. Так, в работах по прагматике институциональной коммуникации подчеркивается, что неэксплицитные сигналы могут задавать ощущение нормативности определённых действий или легитимности определённого способа интерпретации событий, при этом оставаясь неоформленными на уровне прямых инструкций (Храмченко 2010; Malyuga, Maksimova, Ivanova 2019). Данное направление исследований связывает метасообщения с регулятивными аспектами профессионального взаимодействия.

В литературе также отмечается, что скрытые компоненты могут усиливать обращённость текста к адресату. Эта интерпретационная направленность описана в исследованиях медиакоммуникации, где внимание уделяется тому, как тексты создают эффект участия адресата в оценке ситуации или побуждают его к определённой реакции при отсутствии прямого побуждения (Page, Barton, Lee 2022; Tajsin, Gurianov 2021).

Отдельное направление связано с участием скрытых сигналов в организации дискурсивной структуры. Ряд работ показывает, что неэксплицитные элементы могут влиять на последовательность подачи информации, способ связывания смысловых блоков или

продвижение аргументации, действуя параллельно эксплицитным элементам метадискурса (Hyland, Jiang 2024; Hyland 2023). В этой перспективе метасообщения рассматриваются как дополнительные средства обеспечения связности профессионального текста.

Перечисленные направления не образуют единой системы и не представляют собой окончательной типологии. Они отражают то многообразие интерпретационных и прагматических задач, которые скрытые компоненты высказывания могут выполнять в профессиональном дискурсе. Изложенные теоретические положения служат основой для дальнейшей эмпирической части настоящего исследования, где функции метасообщений будут выделяться непосредственно на основе анализа корпуса текстов.

Южноафриканские СМИ как дискурсивное пространство

Южноафриканские англоязычные СМИ функционируют в профессиональном контексте, который определяется высокой экономической волатильностью, политической неоднородностью и значительной зависимостью бизнеса от регуляторных решений. Эти параметры внешней среды формируют специфику дискурсивного пространства, в котором профессиональная коммуникация неизбежно приобретает интерпретационный характер и включает значительное количество неэксплицитных прагматических сигналов. В научной литературе неоднократно отмечалось, что в подобных условиях медиадискурс выполняет не только информирующую, но и интерпретационно-координирующую функцию: он участвует в распределении ответственности и формировании ожиданий участников профессионального взаимодействия (Малюга, Попова 2018; Малюга, Банщикова 2011). Дискурсивное пространство южноафриканских медиа, таким образом, не ограничивается фиксацией социально-экономических процессов, а представляет собой область, в которой формируются устойчивые способы их представления.

Высокая неопределённость южноафриканской экономической повестки усиливает значимость скрытых интерпретационных сигналов, используемых для уточнения взаимосвязей между регуляторной политикой, корпоративными процессами и ожиданиями аудитории. Исследования медиакоммуникации указывают, что в условиях нестабильности именно неэксплицитные элементы дискурса становятся ключевыми инструментами

формирования оценки и интерпретации, поскольку прямые высказывания нередко ограничены требованиями формальной нейтральности (Hřebačková 2019; Popova 2018).

Для профессионального дискурса это особенно значимо: аудитория, ориентированная на принятие решений, чувствительна к смысловым сдвигам и к тем нюансам подачи информации, которые корректируют восприятие рисков, легитимности действий или степени надёжности источника (Danilina, Kizyan, Maksimova 2019; Vishnyakova, Polyakova 2017). В таком контексте дискурсивное пространство южноафриканских СМИ формирует совокупность условий, в которых метасообщения оказываются не побочным явлением, а важным инструментов смысловой ориентации.

Работы, посвящённые медийным системам стран с высокой политико-экономической изменчивостью, подчёркивают, что именно в таких дискурсивных пространствах возрастает прагматическая нагрузка неэксплицитных элементов: они выступают средствами поддержания доверия, структурирования неопределённости и согласования ожиданий между профессиональными акторами (Гришечко 2023).

Именно поэтому южноафриканское дискурсивное пространство представляет собой особенно релевантный материал для изучения метасообщений. Оно сочетает насыщенность скрытыми прагматическими сигналами, высокую интерпретационную чувствительность аудитории и постоянную необходимость согласовывать противоречивые факторы – политические, экономические и институциональные. В таких условиях метасообщения приобретают особую значимость, поскольку воздействуют на то, как адресат соотносит представленную информацию с контекстом профессионального дискурса и каким образом структурирует её понимание.

Результаты и обсуждение

Выявленные функции метасообщений в корпусе

В ходе анализа корпуса было выявлено 427 метасообщений, и их распределение по функциям оказалось заметно неравномерным (Рисунок 1).

Наибольшее число метасообщений – 204, что составляет 48% – выполняют манипулятивную функцию. Она доминирует настолько

устойчиво, что фактически задаёт общий функциональный профиль корпуса: почти каждое второе метасообщение связано с попыткой направить интерпретацию, сместить фокус риска или иначе скорректировать восприятие описываемой ситуации.

Второй по частотности оказалась оценочная функция, которая была реализована в 118 метасообщениях (28%), зарегистрированных в корпусе. Данная функция заметно уступает манипулятивной по количественной репрезентации: оценочные элементы присутствуют регулярно, но не определяют общую динамику дискурса.

Регулятивные метасообщения выявлены реже – 69 случаев (16%). Их присутствие стабильно, но не выразительно: они появлялись преимущественно в материалах, где журналистская подача пересекается с обсуждением институциональных норм, решений или политик.

Апеллятивная функция проявилась в 36 метасообщениях (8%). Данная группа высказываний оказалась сравнительно малочисленной и формирует периферию функционального распределения.

Количественное распределение функций метасообщений показывает, что почти половина всех зафиксированных метасообщений выполняет манипулятивную функцию. Доминирование манипулятивной функции подтверждает, что в условиях профессионального дискурса метасообщение не просто «сопровождает» основное содержание, но становится самостоятельным инструментом управления интерпретацией. Менее выраженные функции (оценочная, регулятивная и апеллятивная) распределяются таким образом, что каждая из них сохраняет значимость, но не определяет общего функционального профиля корпуса.

Функциональное распределение подтверждает, что именно скрытые интерпретационные инструменты составляют основу прагматической нагрузки южноафриканского профессионального дискурса.

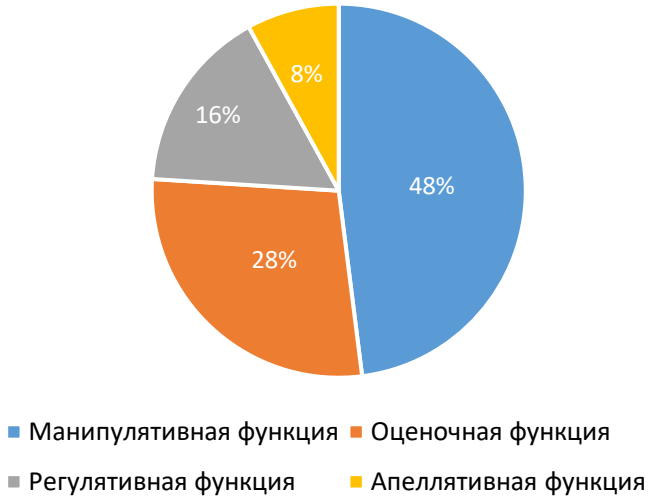

Рисунок 1. Количественное распределение функций метасообщений в корпусе

Выявленные риторические средства реализации функций метасообщений

Анализ корпуса показал, что метасообщения опираются на ограниченный, но устойчиво повторяющийся набор риторических средств, каждое из которых способно участвовать в формировании любой из четырёх выделенных функций. Всего зафиксировано 684 риторических реализации; отдельные фрагменты часто включали несколько одновременно задействованных риторических средств. При этом распределение средств по корпусу демонстрирует определённую закономерность, позволяющую проследить, какие именно риторические средства формируют интерпретационные сдвиги в профессиональном дискурсе.

Наиболее частотным риторическим средством оказалась метафора: в корпусе зафиксировано 211 случаев её употребления (31%). Она используется для репрезентации экономических процессов через образные модели, в которых явления описываются как движение, давление, нарастающая нестабильность или постепенное расширение зоны риска. Метафорические выражения активно задействуются с целью реализации манипулятивной

функции, когда метафора служит способом косвенного обозначения неопределённости или угрозы в связи с регуляторными или рыночными изменениями. В оценочной функции метафора используется как средство имплицитного приписывания характеристик участникам событий: выбранная метафорическая модель формирует для адресата определённый способ их восприятия, не прибегая к прямой оценочной лексике. В регулятивной и апеллятивной функциях метафорические обозначения используются для маркирования желательных или нежелательных траекторий развития событий, создавая у адресата представление о предпочтительном способе их интерпретации. Таким образом, метафора выступает универсальным риторическим средством, применяемым в контексте всех четырёх функций и обеспечивающим широкий спектр прагматических эффектов в профессиональном дискурсе.

Вторым по частотности оказался эвфемизм – 176 случаев (26%). Эвфемистические замены использовались для сглаживания потенциально конфликтных тем, снижения интенсивности негативных формулировок и перераспределения ответственности за неудачные решения. Эвфемизмы одинаково активны в манипулятивных метасообщениях (когда смягчение служит способом скрытой коррекции интерпретации), в оценочных (где замена снижает эксплицитность негативной оценки), в регулятивных (где формулировки создают иллюзию объективности или неизбежности), и в апеллятивных (когда смягчённый тон превращает скрытый призыв в ненавязчивое «рекомендательное» сообщение). Эвфемизм демонстрирует функциональную многозадачность, а не принадлежность к одному типу воздействия.

Персонификация, зафиксированная в 150 случаях (22%), оказалась одним из ключевых средств скрытого перераспределения агентности. Финансовые процессы «реагируют», рынки «нервничают», экономика «оживает» или «буксует» — такие переносы создают впечатление, что абстрактные явления обладают собственной волей, что существенно меняет интерпретационный вектор. Персонификация равномерно встречается во всех функциях: в манипулятивных метасообщениях она создаёт иллюзию естественности происходящего, в оценочных – наделяет процессы эмоциональными характеристиками, в регулятивных –

формирует ожидание определённой реакции участников, а в апеллятивных – соединяет фактическую информацию с призывом к внимательности.

Наконец, антитеза, встречающаяся в 147 случаях (21%), выполняла роль структурирующего инструмента, через который авторы задают интерпретационные контрасты: «рост на фоне нестабильности», «сильные показатели при слабом спросе», «прибыль увеличилась, но доверие упало». Такие конструкции формируют скрытый смысловой градиент, не только фиксируя различие, но и задавая его прагматическое направление. Антитеза может проявляться как механизм манипулятивной функции (особенно при стратегическом противопоставлении отдельных факторов), оценочной (когда контраст усиливает скрытую характеристику), регулятивной (когда сопоставление создаёт иллюзию «правильного» выбора), и апеллятивной (когда адресату предлагается обратить внимание на диспропорцию).

Объединяющей характеристикой для всех четырёх риторических средств является их способность создавать интерпретационное смещение без прямых утверждений: именно это делает их риторической основой метасообщений. Каждое из рассмотренных средств (метафора, эвфемизм, персонификация и антитеза) не связано с какой-либо одной функцией и может использоваться для выполнения разных прагматических задач. Эти средства формируют устойчивые способы косвенного воздействия на понимание текста и в совокупности образуют инструментальную основу реализации метасообщений в профессиональном дискурсе.

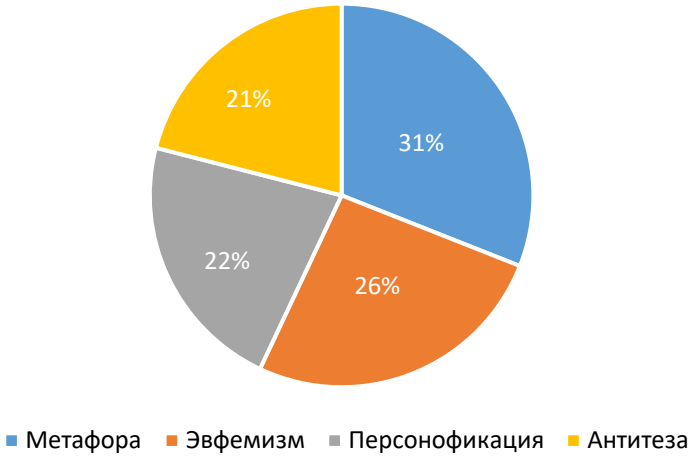

Рисунок 2. Количественное распределение риторических средств реализации функций метасообщений

Интерпретационно-аналитический анализ выявленных функций метасообщений

Интерпретационно-аналитический разбор функций метасообщений позволяет показать, каким образом риторические средства формируют скрытую прагматическую направленность текста. В профессиональном дискурсе эти средства реализуются взаимосвязано, формируя тот способ смысловой обработки, который становится значимым для адресата. Ниже приводится аналитическое описание каждой функции с примерами, демонстрирующими, как риторические средства создают метасообщения, влияющие на понимание события, его оценку, нормативную интерпретацию или скрытый побудительный эффект.

Манипулятивная функция

Манипулятивная функция метасообщений проявляется прежде всего в способности текста формировать траекторию интерпретации, не прибегая к прямым утверждениям. В профессиональном дискурсе это достигается путём конструирования скрытой причинности, смещения значимости отдельных факторов и оформления событий посредством устойчивых способов их описания, воспринимаемых адресатом как

нейтральные или само собой разумеющиеся. Чаще всего такие эффекты возникают при участии образности, персонификации экономических процессов, эвфемистических формул и контрастных структур, задающих направленное сопоставление явлений. Ни один элемент не несёт воздействия в одиночку – метасообщение возникает на стыке риторического выбора и тематической структуры.

Так, в метафорическом выражении *«market uncertainty is tightening its grip on the sector»* риторическая модель «сжатия» передаёт идею потери контроля, хотя фактическая сторона высказывания нейтральна. Метафора придаёт абстрактному явлению характер действующей силы, тем самым программируя читателя воспринимать ситуацию как наступление давления. В эвфемистическом обороте *«policy adjustments may introduce short-term frictions»* резкие структурные изменения смягчаются до «трений», что скрывает масштаб возможных последствий и направляет восприятие в сторону управляемости происходящего. Персонификация в высказывании *«the currency is showing signs of hesitation»* переносит колебания валютного курса в пространство человеческого поведения; это создаёт эффект психологизации экономического процесса и незаметно задаёт интерпретацию нестабильности как эмоциональной реакции. Антитеза проявляется, например, в конструкции *«profits improved, yet confidence deteriorated»*: противопоставление двух тенденций формирует скрытый фокус на убывающем доверии, делая его главным элементом интерпретации независимо от фактической информации о прибыли.

Данные примеры демонстрируют, что манипулятивная функция возникает за счёт того, что риторическое средство выполняет роль инструмента, направляющего восприятие: метафора конструирует причинность, эвфемизм скрывает резкость, персонификация приписывает агентность явлениям, а антитеза подчёркивает одно значение за счёт другого. Это позволяет метасообщению незаметно определять интерпретационную траекторию.

Оценочная функция

Оценочные метасообщения формируются не через прямые эпитеты или явные квалификации, а через семантические и риторические решения, которые смещают тональность описания. В

профессиональном дискурсе оценка часто скрыта в выборе метафорического образа, в эвфемистической переработке событий, в персонификационных переносах, наделяющих процессы характеристиками поведения, или в антитетических конструкциях, где сопоставление двух элементов создаёт неравномерное распределение значимости. Таким образом возникает скрытая, но тонально ощутимая оценка участников, процессов или решений, при этом формально текст остаётся информационно нейтральным.

В метафорическом фрагменте *«the initiative is still in its infancy»* программа внедрения изображается как структурно незрелая – метафора детства создаёт мягко сниженную оценку, не выражая её непосредственно. Эвфемизм проявляется, например, в выражении *«the board's communication strategy remains uneven»*: слово *uneven* заменяет более резкие оценки, но задаёт общее значение недостаточной согласованности, сохраняя формальный нейтралитет. Персонификация в фрагменте *«the sector is cautiously testing the waters»* задаёт образ нерешительности, который считывается как характеристика участников рынка, хотя формально описывается процесс. Антитеза в конструкции *«ambitious targets were set, but implementation lagged behind»* создаёт скрытую негативную оценку способности реализовать заявленное: именно противопоставление, а не содержательная часть сообщения формирует интерпретационный вывод.

Оценочная функция тем самым реализуется через механизм риторического смещения тональности. Метафора создает образное значение, эвфемизм сглаживает негативную коннотацию, персонификация переносит характеристику на процесс, а антитеза выделяет слабое звено в сопоставлении. Все примеры подтверждают, что оценочное метасообщение – это не прямое высказывание, а результат того, как риторическое решение структурирует смысловую перспективу.

Регулятивная функция

Регулятивные метасообщения формируют скрытое представление о том, какое поведение или интерпретация считаются «правильными», «ожидаемыми» или «соответствующими ситуации». Это достигается не прямыми предписаниями, а через риторические средства, создающие ощущение нормативности – будто описание отражает объективное

состояние дел, а не рекомендацию. Метафоры формируют представление о ситуации как требующей реагирования, задавая структуру, в которой определённые действия выглядят логически вытекающими из описываемой обстановки. Эвфемизмы снижают выраженную категоричность, переводя прямые обязательства в более мягкие формулировки, которые сохраняют направленность высказывания, но лишают его императивного характера. Персонификация придаёт экономическим или институциональным процессам свойства инициаторов событий, тем самым моделируя ситуацию, в которой внешние обстоятельства будто бы «выдвигают требования» или «задают условия» поведения участников. Антитеза закрепляет бинарные противопоставления, на фоне которых одно из возможных направлений действий оказывается представленным как предпочтительное или единственно рациональное.

Так, метафорическое высказывание *«to stay afloat, companies must adjust to the evolving situation»* оформляет адаптацию как единственную стратегически разумную реакцию: метафора «удержаться на плаву» задаёт норму поведения без прямого предписания. Эвфемистическое высказывание *«stakeholders are encouraged to revisit their risk assessments»* превращает фактически обязательную процедуру в мягкий совет, скрывая степень нормативного давления. Персонификация в выражении *«the market is signalling the need for consolidation»* делает рынок источником нормативных требований, устраняя субъектность реальных акторов и представляя курс действий как естественное следствие обстоятельств. Антитеза *«the sector can either embrace reforms or fall behind»* создаёт бинарную структуру, где одна альтернатива автоматически оказывается нормативно правильной, а другая – отклонением.

Таким образом, регулятивная функция реализуется через конструирование скрытых норм и предпочтительных траекторий поведения. Метафора формирует необходимость реакции, эвфемизм – мягкое принуждение, персонификация – естественность выбора, антитеза – неизбежность предпочтения определённой стороны.

Апеллятивная функция

Апеллятивные метасообщения в профессиональном дискурсе формируют скрытый сигнал необходимости внимания или готовности к действию, не прибегая к прямым директивным формам. В отличие от манипулятивных или оценочных метасообщений, где воздействие направлено на интерпретацию содержания, метасообщения, выполняющие апеллятивную функцию, ориентированы на поведение адресата: они побуждают учитывать определённые обстоятельства, отслеживать изменения или рассматривать ситуацию как требующую реакции. Риторические средства в этом случае выступают способом моделирования ситуации как потенциально значимой, то есть такой, где игнорирование представленных факторов может иметь последствия. При этом каждое средство участвует в создании разных форм этого скрытого побуждения.

Метафора создаёт представление о ситуации как о состоянии, требующем повышенного внимания. В выражении *«storm clouds are gathering over the fiscal outlook»* финансовые риски представлены как процесс накопления неблагоприятных условий. Хотя прямого указания на необходимость действий нет, метафорическая модель делает ситуацию потенциально значимой и тем самым создаёт скрытый мотив отслеживать развитие событий.

Эвфемизмы позволяют сформулировать призыв в смягчённой форме, придавая ему форму рекомендации. В высказывании *«firms should remain attentive to emerging sensitivities»* предупреждение о возможных рисках заменено умеренной лексикой, что снижает конфронтационность, но сохраняет побудительный эффект. Адресату предлагается наблюдать за развитием ситуации, хотя прямой директивы нет.

Персонификация формирует ощущение приближения событий, которые могут потребовать реакции. В примере *«policy shifts are approaching faster than expected»* регуляторные изменения представлены как движущиеся навстречу. Такая формулировка создаёт ощущение ограниченности времени и необходимость учитывать последствия изменений в актуальном планировании.

Антитеза задаёт контраст между положительными и отрицательными компонентами ситуации, подчеркивая, что оба аспекта требуют внимания. Так, пример *«opportunities are opening, yet vulnerabilities persist»* не содержит прямого призыва, но

фиксирует необходимость учитывать два разнонаправленных фактора одновременно. Контраст структурирует ситуацию как требующую наблюдения и осторожности.

Во всех четырёх случаях апеллятивный эффект формируется не через императив, а через представление ситуации как потенциально значимой для адресата: метафора обозначает возможность развития неблагоприятных условий; эвфемизм позволяет выразить скрытое предупреждение в немаркированной форме; персонификация подчеркивает неизбежность наступающих изменений; антитеза фиксирует необходимость учитывать конкурирующие обстоятельства.

В совокупности эти средства создают пространство ожидания, в котором адресат воспринимает ситуацию как требующую внимания, несмотря на отсутствие прямой директивности. Данная совокупность признаков определяет апеллятивную функцию метасообщений в профессиональном дискурсе.

Аналитическое обоснование доминирования манипулятивной функции в контексте южноафриканского профессионального дискурса

Преобладание манипулятивной функции, выявленное в эмпирической части исследования, требует интерпретации, выходящей за рамки простого статистического соотношения. На теоретическом уровне метасообщение представляет собой неэксплицитный прагматический компонент, ориентированный на интерпретацию и возникающий из риторических решений автора. Такая характеристика делает манипулятивную функцию не просто одной из возможных, а структурно наиболее близкой к сущности метасообщения: именно она опирается на скрытое формирование интерпретационных траекторий, не нарушая жанровых ограничений и не вводя прямых оценок или указаний. В профессиональном дискурсе, который требует формальной нейтральности и избегает открытой субъективизации, подобная форма воздействия оказывается особенно релевантной. Это наблюдение соотносится с выводами исследований в сфере институциональной медиакоммуникации, где скрытая направленность текста рассматривается как механизм поддержания статусной беспристрастности (Malyuga, Maksimova, Ivanova 2019).

Роль манипулятивной функции становится ещё более выраженной, если рассматривать её в контексте особенностей южноафриканского профессионального дискурса. Дискурсивное пространство южноафриканских англоязычных СМИ формируется на пересечении экономической турбулентности, регуляторной фрагментации и высокой зависимости бизнеса от политических решений. В таких условиях медиатекст неизбежно приобретает интерпретационный характер: медиарепрезентация событий превращается не просто в передачу информации, а в инструмент ориентации участников рынка в ситуации, где предсказуемость невелика, а значимость контекстуальных факторов высока.

Это объясняет, почему метасообщения в южноафриканском профессиональном дискурсе выступает не как дополнительный смысловой слой, а как внутренний инструмент самого дискурсивного функционирования. Медиа оказываются посредником между экономической действительностью и интерпретационными практиками аудитории. В ситуации, когда факты редко бывают однозначными, а последствия решений приобретают структурный характер, медиатексты вынуждены компенсировать нехватку стабильности через формирование скрытых интерпретационных ориентиров. Метасообщения становятся способом создать связность там, где ей не на что опираться, и именно это делает их доминирование неизбежным.

Структура метасообщений в корпусе соотносится с особенностями политико-экономической ситуации. В условиях высокой волатильности профессиональный дискурс должен сохранять видимость аналитической нейтральности, одновременно предоставляя читателю средства для ориентирования в рисках и создавая условия для поддержания доверия, которое медиа выполняют в рамках информационной функции. В таких условиях возрастает значимость риторических средств, обеспечивающих неэксплицитное воздействие на понимание текста. К ним относятся метафорические обозначения нестабильности, эвфемистические формулировки, смягчающие потенциально конфликтные элементы содержания, а также другие способы риторического оформления, которые позволяют корректировать восприятие без нарушения жанровых требований профессионального дискурса.

Эмпирические данные исследования (прежде всего преобладание метафор и эвфемистических конструкций) согласуются с наблюдениями работ по медиадискурсу стран с высокой политической неопределённостью и экономической зависимостью (Madrid-Morales, Wasserman 2022). Такие тексты неизбежно содержат не только фактическую информацию, но и дополнительные элементы, которые помогают читателю упорядочить представленное содержание. Эти элементы не формулируются напрямую, но задают то, каким образом адресат соотносит отдельные сведения и выстраивает общее представление о ситуации. Именно поэтому манипулятивная функция занимает центральное место в корпусе: она не просто выполняет прагматическую задачу, но отражает системное свойство профессионального дискурса, функционирующего в условиях нестабильного институционального и экономического окружения.

Выводы

Предпринятое исследование показало, что метасообщения занимают существенное место в профессиональном дискурсе южноафриканских англоязычных СМИ. Они формируют дополнительный, не выраженный напрямую компонент содержания, который влияет на то, как читатель воспринимает представленные сведения. Актуальность исследования обусловлена тем, что профессиональная коммуникация, функционирующая в условиях политико-экономической нестабильности, активно использует неэксплицитные дискурсивные средства для того, чтобы ориентировать аудиторию в сложной информационной среде. В данном контексте метасообщения выступают не побочной составляющей дискурса, а частью его содержательной организации, влияющей на восприятие информации.

Эмпирическая часть исследования позволила выделить четыре функции метасообщений – манипулятивную, оценочную, регулятивную и апеллятивную – и установить четыре риторических средства, через которые эти функции реализуются: метафору, эвфемизм, персонификацию и антитезу. Количественные данные показали значительное преобладание манипулятивной функции. Анализ примеров в корпусе показал, что каждое из риторических средств используется для выражения всех четырёх функций. Метафора помогает представить ситуацию через образное

сопоставление, эвфемизм смягчает значение высказывания в потенциально чувствительных контекстах, персонификация представляет процессы как участников действия, а антитеза подчёркивает противопоставления, влияющие на восприятие и оценку происходящего.

Теоретическая значимость работы заключается в уточнении статуса метасообщения как отдельной лингвистической категории, не сводимой ни к имплицитности в широком смысле, ни к подтексту, импликатуре или пресуппозиции. Проведённое разграничение позволяет уточнить понятийный аппарат и предложить обоснованное описание тех невыраженных напрямую смысловых компонентов, которые играют заметную роль в профессиональном дискурсе. Полученные результаты согласуются с исследованиями в сфере метакоммуникации и демонстрируют роль риторических средств реализации метакоммуникативных функций в профессиональном дискурсе.

Практическая значимость работы связана с возможностью применения полученных данных в сферах медианалитики, корпоративных коммуникаций и анализе информационных рисков. Установленные в исследовании функции метасообщения и риторические средства их реализации могут использоваться при экспертной оценке медиаматериалов, профессиональных текстов, а также в обучении специалистов, работающих с подобными материалами. Полученные данные также могут быть положены в основу разработки инструментов автоматизированного анализа и аннотирования профессиональных текстов.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением корпуса, включением текстов различных жанров, сопоставлением южноафриканского профессионального дискурса с дискурсами других регионов и анализом устойчивости выявленных особенностей во времени. Дополнительный интерес представляет изучение того, как разные риторические средства сочетаются в пределах одного текста, а также задача разработки методики, интегрирующей качественный анализ метасообщений с количественными методами.

Литература

1. Alejandro A., Zhao L. Multi-method qualitative text and discourse analysis: a methodological framework // Qualitative Inquiry. 2024. № 30(6). P. 461–473.
2. Aravind A., Fox D., Hackl M. Principles of presupposition in development // Linguistics and Philosophy. 2023. № 46(2). P. 291–332.
3. Bateson G. The logical categories of learning and communication // Steps to an ecology of mind. The University of Chicago Press, 1972. P. 279–308.
4. Brüggemann M. Between frame setting and frame sending: how journalists contribute to news frames // Communication Theory. 2014. № 24(1). P. 61–82.
5. Castor T. R. Metacommunication // The international encyclopedia of organizational communication. Wiley, 2017. P. 80–90.
6. Clark U. Language and identity in Englishes. Routledge, 2013.
7. Danilina E. A., Kizyan E. E., Maksimova D. S. Euphemisms in advertising discourse: putting on a positive face and maintaining speech etiquette // Training, Language and Culture. 2019. № 3(1). P. 8–22. https://doi.org/10.29366/2019tlc.3.1.1
8. Esser F., Reinemann C., Fan D. Spin doctors in the United States, Great Britain, and Germany: metacommunication about media manipulation // Harvard International Journal of Press/Politics. 2001. № 6(1). P. 16–45.
9. Fialkoff Y., Pinchevski A. Skilling communication: the discourse and metadiscourse of communication in self-help books // The Communication Review. 2024. № 27(2). P. 148–171.
10. Gershman S. J., Ullman T. D. Causal implicatures from correlational statements // PloS One. 2023. № 18(5). P. e0286067.
11. Grice H. P. Logic and conversation // Syntax and Semantics. 1975. № 3, P. 43–58.
12. Haiman J. Moods and metamessages: alienation as a mood // Modality in grammar and discourse. John Benjamins Publishing Company, 2011. P. 329–346.
13. Hames S., Haugh M., Musgrave S. “How is that unparliamentary?”: the metapragmatics of “unparliamentary” language in the Australian Federal Parliament // Lingua. 2025. № 320. P. 103932.

14. Hansen J. J. Design principles as communication: text, context, and subtext // Creating design knowledge in educational innovation. Routledge, 2024. P. 37–51.
15. House J., Kádár D. Z. Cross-cultural pragmatics. Cambridge University Press, 2021.
16. Hyland K. Metadiscourse // Conducting genre-based research in applied linguistics. Routledge, 2023. P. 59–81.
17. Hyland K., Jiang F. Metadiscourse: the evolution of an approach to texts // Text & Talk. 2024. № 44(3). P. 411–433.
18. Hřebačková M. Teaching intercultural communicative competence through virtual exchange // Training, Language and Culture. 2019. № 3(4). P. 8–17. https://doi.org/10.29366/2019tlc.3.4.1
19. Hristova D., Jovicic S., Göbl B. "Why did we lose our snapchat streak?" Social media gamification and metacommunication // Computers in Human Behavior Reports. 2022. № 5. P. 100172.
20. Levinson S. C. Pragmatics. Cambridge University Press, 1983.
21. Lewis T., Rienties B., Rets I. Communication, metacommunication and intercultural effectiveness in virtual exchange: the Evaluate Project // Virtual exchange for intercultural language learning and teaching. Routledge, 2022. P. 133–155.
22. Madrid-Morales D., Wasserman H. Research methods in comparative disinformation studies // Disinformation in the global south. Wiley Blackwell, 2022. P. 41–57.
23. Malyuga E., Maksimova D., Ivanova M. Cognitive and discoursive features of speech etiquette in corporate communication // International Journal of English Linguistics. 2019. № 9(3). P. 310–318. https://doi.org/10.5539/ijel.v9n3p310
24. Moldovan A. Persuasive presuppositions // Journal of Pragmatics. 2023. № 211. P. 96–104.
25. Page R., Barton D., Lee C. Researching language and social media: a student guide. Routledge, 2022.
26. Popova K. V. Persuasion strategy in online social advertising // Training, Language and Culture. 2018. № 2(2). P. 55–65. https://doi.org/10.29366/2018tlc.2.2.4
27. Putnam L. L., Fairhurst G. T. Revisiting "organizations as discursive constructions": 10 years later // Communication Theory. 2015. № 25(4). P. 375–392.

28. Schnurr S. Exploring professional communication: language in action. Routledge, 2024.
29. Tajsin E. A., Gurianov A. S. Interpretation of sense/meaning in the communicative field // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. № 3(4). P. 206–210.
30. Tannen D. Conversational signals and devices // A cultural approach to interpersonal communication. Wiley Blackwell, 2012. P. 157–167.
31. Tannen D. The medium is the metamessage // Discourse. 2013. № 2. P. 99–117.
32. Vishnyakova O. D., Polyakova N. V. Linguistic and functional cognitive peculiarities of media language as the basis of interpretations in the communicative sphere // Training, Language and Culture. 2017. № 1(2). P. 86-101. https://doi.org/10.29366/2017tlc.1.2.6
33. Watzlawick P., Beavin J., Jackson D. Some tentative axioms of communication // Communication theory. Routledge, 2017. P. 4–80.
34. Yulianti S., Arafah B., Rofikah U. Conversational implicatures on Saturday Night Live talk show // Journal of Language Teaching and Research. 2022. № 13(1). P. 189–197.
35. Гришечко Е. Г. Оптимизация обучения иностранным языкам с использованием подкастов: анализ обратной связи и практического применения // Актуальные вопросы межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков. Ростов-на-Дону: Академ-Лит, 2023. С. 69–72. EDN: DJONAB
36. Малюга Е. Н., Банщикова М. А. Англоязычный профессиональный жаргон в немецком рекламном медиадискурсе. М.: РУДН, 2011. EDN: TIOFML
37. Малюга Е. Н., Попова К. В. Лингвопрагматика речевых стратегий в социальной рекламе // Российский социально-гуманитарный журнал. 2018. № 4. С. 231–241. https://doi.org/10.18384/2224-0209-2018-4-925
38. Храмченко Д. С. Ирония в английском деловом дискурсе (функционально-синергетический подход). М.: Университет МГИМО, 2010. EDN: QETCET

References

Alejandro, A., & Zhao, L. (2024). Multi-method qualitative text and discourse analysis: A methodological framework. *Qualitative Inquiry, 30*(6), 461–473.

Aravind, A., Fox, D., & Hackl, M. (2023). Principles of presupposition in development. *Linguistics and Philosophy, 46*(2), 291–332.

Bateson, G. (1972). The logical categories of learning and communication. In G. Bateson (Ed.), *Steps to an ecology of mind* (pp. 279–308). The University of Chicago Press.

Brüggemann, M. (2014). Between frame setting and frame sending: How journalists contribute to news frames. *Communication Theory, 24*(1), 61–82.

Castor, T. R. (2017). Metacommunication. In C. Scott (Ed.), *The international encyclopedia of organizational communication* (pp. 80–90). Wiley.

Clark, U. (2013). *Language and identity in Englishes.* Routledge.

Danilina, E. A., Kizyan, E. E., & Maksimova, D. S. (2019). Euphemisms in advertising discourse: Putting on a positive face and maintaining speech etiquette. *Training, Language and Culture,* 3(1), 8–22. https://doi.org/10.29366/2019tlc.3.1.1

Esser, F., Reinemann, C., & Fan, D. (2001). Spin doctors in the United States, Great Britain, and Germany: Metacommunication about media manipulation. *Harvard International Journal of Press/Politics, 6*(1), 16–45.

Fialkoff, Y., & Pinchevski, A. (2024). Skilling communication: The discourse and metadiscourse of communication in self-help books. *The Communication Review, 27*(2), 148–171.

Gershman, S. J., & Ullman, T. D. (2023). Causal implicatures from correlational statements. *PloS One, 18*(5), Article e0286067.

Grice, H. P. (1975). Logic and conversation. *Syntax and Semantics, 3,* 43–58.

Grishechko, E. G., (2023). Enhancing language learning with podcasts: Evidence from feedback and practice. In *Topical Issues of Intercultural Communication and Foreign Language Teaching Methodology* (pp. 69-72). Akadem-Lit. EDN: DJONAB

Haiman, J. (2011). Moods and metamessages: Alienation as a mood. In J. L. Bybee (Ed.), *Modality in grammar and discourse* (pp. 329–346). John Benjamins Publishing Company.

Hames, S., Haugh, M., & Musgrave, S. (2025). “How is that unparliamentary?”: The metapragmatics of “unparliamentary” language in the Australian Federal Parliament. *Lingua, 320,* Article 103932.

Hansen, J. J. (2024). Design principles as communication: Text, context, and subtext. In I. F. Christensen (Ed.), *Creating design knowledge in educational innovation* (pp. 37–51). Routledge.

House, J., & Kádár, D. Z. (2021). *Cross-cultural pragmatics.* Cambridge University Press.

Hyland, K. (2023). Metadiscourse. In M. Kessler & C. Polio (Eds*.), Conducting genre-based research in applied linguistics* (pp. 59–81). Routledge.

Hyland, K., & Jiang, F. (2024). Metadiscourse: The evolution of an approach to texts. *Text & Talk, 44*(3), 411–433.

Hřebačková, M. (2019). Teaching intercultural communicative competence through virtual exchange. *Training, Language and Culture, 3*(4), 8–17. https://doi.org/10.29366/2019tlc.3.4.1

Hristova, D., Jovicic, S., & Göbl, B. (2022). “Why did we lose our snapchat streak?” Social media gamification and metacommunication. *Computers in Human Behavior Reports, 5,* Article 100172.

Khramchenko, D. S. (2010). Irony in English business discourse (functional-synergistic approach). MGIMO University. EDN: QETCET

Levinson, S. C. (1983). *Pragmatics.* Cambridge University Press.

Lewis, T., Rienties, B., & Rets, I. (2022). Communication, metacommunication and intercultural effectiveness in virtual exchange: The Evaluate Project. In A. Potolia (Ed.), *Virtual exchange for intercultural language learning and teaching* (pp. 133–155). Routledge.

Madrid-Morales, D., & Wasserman, H. (2022). Research methods in comparative disinformation studies. In H. Wesserman & D. Madrid-Morlaes (Eds.), *Disinformation in the global south* (pp. 41–57). Wiley Blackwell.

Malyuga, E., Maksimova, D., & Ivanova, M. (2019). Cognitive and discoursive features of speech etiquette in corporate communication. *International Journal of English Linguistics, 9*(3), 310–318. https://doi.org/10.5539/ijel.v9n3p310

Malyuga E. N., & Banschikova, M. A. (2011). English professional jargon in German advertising media discourse. RUDN University. EDN: TIOFML

Malyuga, E. N., & Popova K. V. (2018). Linguo-pragmatics of speech strategies and tactics in social advertising. Russian Social and Humanitarian Journal, 4, 231-241. https://doi.org/10.18384/2224-0209-2018-4-925

Moldovan, A. (2023). Persuasive presuppositions. *Journal of Pragmatics, 211*, 96–104.

Page, R., Barton, D., Lee, C. (2022). *Researching language and social media: A student guide.* Routledge.

Popova, K. V. (2018). Persuasion strategy in online social advertising. *Training, Language and Culture, 2*(2), 55–65. https://doi.org/10.29366/2018tlc.2.2.4

Putnam, L. L., & Fairhurst, G. T. (2015). Revisiting "organizations as discursive constructions": 10 years later. *Communication Theory, 25*(4), 375–392.

Schnurr, S. (2024). *Exploring professional communication: Language in action.* Routledge.

Tajsin, E. A., & Gurianov, A. S. (2021). Interpretation of sense/meaning in the communicative field. *Galactica Media: Journal of Media Studies, 3*(4), 206–210.

Tannen, D. (2012). Conversational signals and devices. In L. Monaghan & J. E. Goodman (Eds.), *A cultural approach to interpersonal communication* (pp. 157–167). Wiley Blackwell.

Tannen, D. (2013). The medium is the metamessage. *Discourse, 2,* 99–117.

Vishnyakova, O. D., & Polyakova, N. V. (2017). Linguistic and functional cognitive peculiarities of media language as the basis of interpretations in the communicative sphere. *Training, Language and Culture, 1*(2), 86-101. https://doi.org/10.29366/2017tlc.1.2.6

Watzlawick, P., Beavin, J., & Jackson, D. (2017). Some tentative axioms of communication. In C. D. Mortensen (Ed.), *Communication theory* (pp. 74–80). Routledge.

Yulianti, S., Arafah, B., & Rofikah, U. (2022). Conversational implicatures on Saturday Night Live talk show. *Journal of Language Teaching and Research, 13*(1), 189–197.

УДК 81'27:81'342.4:81'25
https://doi.org/10.25076/vpl.60.02
К.К. Родионов[2]
Военный университет имени князя Александра Невского

ХАРАКТЕРИСТИКА ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ КАК ОБЪЕКТА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА: СТРУКТУРНО-ПРОСОДИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ

Статья посвящена исследованию ораторской речи как сложного лингвокультурного феномена, сочетающего в себе структурно-композиционные, просодические и когнитивно-прагматические уровни организации. Цель работы – выявить закономерности темпо-интонационной структуры публичного высказывания, определяющие его убеждающее воздействие на аудиторию. Методологическая основа сочетает акустический, риторико-дискурсивный и когнитивный анализ на материале корпуса из 20 русских и английских политических речей. В исследовании измерялись показатели темпа, длительности пауз, диапазона основного тона и интонационной вариативности с использованием программ Praat и ELAN. В результате выявлены статистически значимые различия просодических параметров: русская речь характеризуется более широким диапазоном основного тона (145-260 Гц у мужчин, 190-320 Гц у женщин) и большей вариативностью темпа (0,27 против 0,19 в английской речи), что формирует «эмоционально-паузовую» модель риторики. Английские выступления демонстрируют более высокий средний темп (155 слов/мин против 138) и логико-ритмическую организацию. Научная новизна заключается в обосновании понятия «ритм убеждения» как системного параметра устного дискурса и в уточнении механизмов просодической эквивалентности при

[2] © **Родионов К.К.** 2025
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License https://creativecommons.org/licenses/by/4.0

переводе. Установлено, что согласованность темпа, интонации и пауз формирует когнитивную синхронизацию между говорящим и слушателем, усиливающую воздействие речи. Практическая значимость работы включает применение результатов в риторической практике, подготовке переводчиков-синхронистов и разработке систем автоматического анализа устного текста. Перспективы исследования связаны с расширением корпуса за счет мультиязычных данных и применением технологий нейрокогнитивного мониторинга для верификации выявленных закономерностей.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, риторика, восприятие речи, просодическая структура, темпо-интонационные параметры, ритм убеждения, внимание аудитории

UDC: 81'27:81'342.4:81'25
https://doi.org/10.25076/vpl.60.02

K.K. Rodionov
Prince Alexander Nevsky Military University

CHARACTERISTICS OF ORATORICAL SPEECH AS AN OBJECT OF LINGUOCULTURAL ANALYSIS: STRUCTURAL-PROSODIC AND COGNITIVE ASPECTS

The article studies oratorical speech as a complex linguocultural phenomenon integrating structural, prosodic, and cognitive-pragmatic levels of organization. The aim is to identify the tempo-intonational patterns of public speech that determine its persuasive impact on the audience. The methodology combines acoustic, rhetorical-discursive, and cognitive analysis based on a corpus of 20 Russian and English political speeches. Parameters such as speech rate, pause duration, fundamental frequency range, and intonational variability were measured using Praat and ELAN software. The results reveal statistically significant differences in prosodic parameters: Russian speech exhibits a wider fundamental frequency range (145–260 Hz for men, 190–320 Hz for women) and greater tempo variability (0.27 compared to 0.19 in English), forming an "emotional-pausal" rhetorical model. English speeches demonstrate a higher average tempo (155

words per minute vs. 138) and a logic-oriented rhythmic organization. The scientific novelty lies in substantiating the concept of the "rhythm of persuasion" as a systemic parameter of oral discourse and clarifying the mechanisms of prosodic equivalence in interpreting. It has been established that the coordination of tempo, intonation, and pausing creates cognitive synchronization between the speaker and the listener, enhancing the rhetorical impact. The practical significance of the study includes applications in rhetorical training, simultaneous interpreter education, and the development of automated speech analysis systems. Further research may involve expanding the corpus with multilingual data and employing neurocognitive monitoring technologies to verify the identified patterns.

Keywords: linguocultural analysis, oratorical speech, cognitive linguistics, prosodic structure, tempo-intonational parameters, rhythm of persuasion, cognitive synchronization, oral interpreting, prosodic equivalence

Введение

Ораторская речь продолжает оставаться одним из наиболее сложных и многогранных объектов лингвистического исследования, где пересекаются структурно-композиционные, просодические и когнитивно-прагматические аспекты. Если античная риторическая традиция, представленная в трудах Аристотеля и Цицерона, ограничивалась преимущественно структурно-стилистическим анализом, то современная наука требует комплексного подхода, учитывающего как объективные акустические параметры речи, так и механизмы их восприятия. Именно на стыке этих подходов формируется новое понимание ораторского мастерства как системы управляемого воздействия.

Актуальность нашего исследования определяется не только возрастающей ролью публичной коммуникации, но и наличием существенных лакун в существующих работах. Несмотря на длительную историю изучения риторики, взаимосвязь между объективными акустическими характеристиками речи и их субъективным восприятием до сих пор не получила комплексного освещения. Как показывают наши предварительные наблюдения, традиционный структурный анализ часто игнорирует тот факт, что одна и та же композиционная схема может обладать совершенно

разным воздействующим потенциалом в зависимости от ее просодического оформления.

Современные исследования в области инструментальной фонетики (Кривнова, 2007) демонстрируют возможность точного измерения акустических параметров, в то время как работы по нейролингвистике (Wang et al., 2025) открывают новые перспективы для понимания когнитивных механизмов восприятия. Однако эти направления развиваются преимущественно параллельно, без достаточной интеграции. Наше исследование пытается преодолеть этот разрыв через разработку комплексной методики, объединяющей количественные акустические измерения с качественным анализом дискурсивных стратегий.

Основная цель работы заключается в выявлении системных закономерностей темпо-ритмической организации ораторской речи, определяющих ее убеждающий потенциал. В рамках этой цели мы ставим перед собой несколько конкретных задач: во-первых, разработать трехуровневую модель анализа, учитывающую структурные, просодические и когнитивные аспекты; во-вторых, выявить специфику просодического оформления в русской и английской риторических традициях; в-третьих, определить механизмы влияния темпо-ритмических характеристик на процессы восприятия; и наконец, сформулировать принципы просодической эквивалентности для межъязыковой передачи ораторского дискурса.

Исходная гипотеза исследования основана на предположении, что эффективность ораторского выступления определяется не столько отдельными параметрами, сколько их согласованным взаимодействием. Мы вводим понятие "ритма убеждения" как системного параметра, объединяющего темпо-ритмические и интонационно-паузальные характеристики в единый механизм воздействия. Этот ритм понимается нами как инструмент когнитивной синхронизации, позволяющий говорящему управлять вниманием и эмоциональным состоянием аудитории.

Научная новизна работы определяется несколькими аспектами. Во-первых, предлагается оригинальная методика сопоставительного анализа просодических характеристик в межкультурной перспективе. Во-вторых, впервые устанавливаются количественные корреляции между вариативностью

интонационного контура и степенью вовлеченности аудитории. В-третьих, конкретизируется когнитивная функция пауз как маркеров смыслового членения. Особое значение имеет разработанное нами понятие "просодической эквивалентности" как основы для адекватной межъязыковой передачи ораторского дискурса.

В теоретическом основании анализа лежит классическая риторическая модель Аристотеля, выделяющая три способа убеждения: этос, пафос, и логос (Аристотель, 1978). Этос, или авторитет говорящего, в данном контексте задан официальной позицией оратора. Однако звучащая реализация речи активно задействует пафос – эмоциональную составляющую, управляемую через интонационные контрасты и паузальное членение. Именно волнообразный интонационный рисунок, с резкими подъемами, создающими напряженность, и нисходящими паттернами, утверждающими категоричность, служит главным инструментом эмоционального воздействия на аудиторию. При этом интонационная динамика служит и логической организации речи (логосу). Смысловые паузы, предваряющие ключевые тезисы, структурно членит высказывание, выполняя функцию своеобразной «интонационной пунктуации», что позволяет аудитории следить за развитием сложной аргументации. Таким образом, просодия здесь функционирует как системный риторический инструмент, обеспечивающий синтез логического и эмоционального начал, что и составляет, согласно Аристотелю, основу действенного публичного слова (Аристотель, 1978).

Помимо риторической модели Аристотеля, теоретической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых в области риторики, психолингвистики и переводоведения. Методологический аппарат сочетает традиционные методы дискурс-анализа с современными инструментальными методиками исследования устной речи.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их применения в различных сферах: от обучения ораторскому искусству до подготовки переводчиков-синхронистов. Выявленные закономерности могут быть использованы также при разработке систем автоматического анализа и синтеза речи, что особенно актуально в условиях цифровизации коммуникации.

Материалы и методы

Материалом послужил корпус из двадцати ораторских выступлений на русском и английском языках (по десять в каждом) общей продолжительностью около двенадцати часов звучания, в частности, подведение итогов за 2024 год Президентом России В.В.Путиным (Итоги года с Владимиром Путиным, htpps, 2024), брифинг официального представителя МИД России М.В.Захаровой по итогам 2024 года (Брифинг официального представителя МИД России М.В.Захаровой, https, 2024), выступление В.Р.Мединского на заседании Российского исторического общества о патриотическом воспитании (Владимир Мединский: Патриотическим воспитанием надо заниматься на живых примерах, https, 2017), инаугурационная речь Президента США Д.Трампа (The Inaugural Address, https, 2025), речь Президента США Д.Трампа на предвыборном митинге в штате Мичиган, обращение к генералам и высшим офицерам Министра обороны США П.Хегсета (Pete Hegseth Addresses General and Flag Officers at Quantico, Virginia, https, 2025). Таким образом, в корпус вошли политические обращения, отобранные по критериям жанровой завершенности, высокой экспрессивности. Корпус включает 13 мужских и 7 женских выступлений (6 и 7 мужских на английском и русском языках, соответственно, и 4 и 3 женских). Это позволило учесть гендерные различия в диапазоне основного тона и вариативности темпа. Репрезентативность корпуса обеспечивается балансом по гендерной принадлежности ораторов и сопоставлением жанра речей. Следует учитывать, что корпус из двадцати речей задает определенные ограничения интерпретации результатов. Полученные закономерности отражают устойчивые сформировавшиеся тенденции, однако требуют последующей проверки на более широком и многоязычном материале. Это уточнение важно для корректного понимания статистической погрешности просодических параметров.

Исследование проводилось поэтапно. Сначала выполнено транскрибирование и разметка речевых параметров с использованием программ Praat и ELAN (Albl-Mikasa & Tiselius, 2022). Затем измерялись основные акустические показатели: темп речи (слов в минуту), длительность смысловых пауз (миллисекунд), диапазон основного тона мужчин и женщин (герц) и интенсивность

(децибел). Данные, полученные в результате акустического анализа, представлены в Таблице 1.

Показатель	**Рус. яз.**	**Англ. яз.**	**Примечание**
Темп речи (слов/мин)	138	155	Английская речь динамичнее на 11%
Средняя длительность смысловой паузы (мс)	520	380	Русская речь звучит убедительнее за счет смысловых пауз
Диапазон основного тона (мужчины, Гц)	145-260	130-230	Отражает б*о*льшую эмоциональность русской речи по сравнению с английской
Диапазон основного тона (женщины, Гц)	190-320	180-290	
Средняя изменчивость темпа речи	0,27	0,19	б*о*льшая ритмическая контрастность
Средняя длительность риторической паузы (мс)	400-600	300-450	соответствует для восприятия целевой аудиторией
Преобладающий интонационный тип	Волнообразный	Нисходящий	отражает разные для двух культур стратегии интонационного сопровождения ораторской речи

Таблица 1. Сравнительные просодические параметры русской и английской ораторской речи

После этого был проведен структурно-композиционный анализ выступлений с выделением экспозиционных, аргументативных и кульминационных фрагментов. На завершающем этапе осуществлялась когнитивная интерпретация выявленных интонационно-ритмических параметров с учетом предполагаемой когнитивной нагрузки и распределения внимания слушателей.

Методологический каркас исследования формируется на основе интегративного подхода, объединяющего дискурсивный анализ, риторико-структурное моделирование и инструментально-фонетические методы. Такой синтез методологий позволяет рассматривать ораторскую речь как многомерное явление, где структурные, акустические и перцептивные компоненты образуют единую систему взаимовлияний.

Дискурсивный анализ сосредоточен на выявлении стратегий конструирования убеждающего сообщения через систему языковых средств и коммуникативных ходов. Особое внимание уделяется способам вербализации ключевых смыслов, механизмам аргументации и средствам создания эмоционального резонанса. Этот аспект исследования позволяет определить, как через языковые средства реализуется прагматическая установка оратора.

Риторико-структурное моделирование дает возможность анализировать композиционное построение речи как последовательность логически связанных блоков. Выделяются следующие структурные компоненты: нарративная экспозиция, аргументативное ядро, эмоциональная кульминация и перорativный вывод. Для каждого структурного элемента определяются его специфические функции в процессе убеждения и характерные просодические маркеры.

Инструментально-фонетический компонент включает детальное исследование просодических параметров с использованием программного обеспечения Praat и ELAN. Анализ охватывает три группы параметров: временные характеристики (темп речи, длительность и распределение пауз), динамические параметры (интенсивность и акцентное выделение) и мелодические особенности (диапазон и контуры основного тона). Особое

значение придается установлению корреляций между просодическими характеристиками и смысловым членением текста.

Экспериментальная часть методики включает процедуру аудиторского оценивания, в ходе которой респонденты определяют степень убедительности различных просодических моделей. Этот перцептивный эксперимент позволяет верифицировать данные инструментального анализа через субъективное восприятие. Статистическая обработка результатов дает возможность выявить значимые закономерности влияния просодических характеристик на эффективность речевого воздействия.

Сопоставительный аспект методики реализуется через параллельный анализ русскоязычных и англоязычных выступлений с последующим выявлением универсальных и культурно-специфических черт просодической организации. Такой подход позволяет не только описать национальные особенности ораторской речи, но и выделить инвариантные характеристики эффективного публичного выступления.

Интеграция количественных и качественных методов анализа создает основу для комплексного изучения механизмов речевого воздействия. Разработанная методика обладает значительным эвристическим потенциалом и может быть применена для анализа различных типов публичной речи, открывая новые возможности для понимания природы убеждающей коммуникации в межкультурной перспективе.

Результаты и обсуждение

Анализ корпуса выявил устойчивые закономерности темпо-ритмической и интонационно-композиционной организации. Русская и английская риторические традиции демонстрируют сходные просодические принципы, но различаются по степени ритмической вариативности и эмоциональной амплитуде (Gianolla, 2025), (Hamid, 2025), (Schmälzle, Lim, Du, & Bente, 2025). Средний темп русской речи составил 138 слов в минуту, тогда как в английской – 155. Таким образом, англоязычные выступления в среднем на 11% динамичнее, что компенсируется меньшей длительностью пауз. Средняя продолжительность смысловой паузы в русских речах составила 520 мс, в английских – 380 мс. Бо́льшая протяженность смысловых пауз создает эффект рассудительности и усиливает аргументативный ритм. Полученные данные

согласуются с выводами S. Bezzaoucha, согласно которым оптимальный диапазон восприятия речи лежит в пределах 130-160 слов в минуту, а отклонение от этого диапазона существенно снижает когнитивное удержание информации и концентрацию слушателей (Bezzaoucha, 2025). Превышение отметки в 180 слов в минуту снижает осмысленность восприятия, а замедление ниже 120 ослабляет внимание аудитории. Иными словами, темп и структура пауз обеспечивают когнитивную предсказуемость (Gianolla, 2025). В данном случае, когнитивную предсказуемость следует воспринимать
как способность слушателя предвосхищать вновь поступающую информацию и готовиться к ее обработке. Темп речи, таким образом, является инструментом управления вниманием: он задает ритм мышления слушателя и регулирует объем усваиваемой информации.

Диапазон основного тона у русских ораторов оказался шире: 145-260 Гц у мужчин и 190-320 Гц у женщин; в английских выступлениях – 130-230 Гц и 180-290 Гц соответственно. Более широкий диапазон формирует большую эмоциональную амплитуду, что соответствует экспрессивному типу риторики. Средняя изменчивость темпа речи также выше в русском языке (0,27 и 0,19, соответственно), что указывает на большую динамичность и контрастность ритмических переходов. Таким образом, русскоязычные ораторы сильнее меняют темп речи путем ускорения в эмоциональных фрагментах речи и резко замедляются для выделения ключевых моментов, в то время как англоязычные ораторы придерживаются более стабильного темпа, что характерно для риторики (делают акцент на последовательности и логике изложения материала). Исследование R. Schmälzle показало, что повышение тона и усиление амплитуды воспринимаются как признаки эмоциональной искренности (Gianolla, 2025). Результаты настоящего анализа подтверждают эту зависимость: аудитория выше оценивает ораторов, использующих умеренную интонационную динамику и избегающих монотонности. Для переводческой практики этот фактор имеет особое значение, поскольку при интерпретации важно сохранять не абсолютные значения высоты тона, а относительные, несущие эмоциональную и

смысловую нагрузку. Интонация в этом контексте выступает универсальным механизмом кодирования эмоций и акцентов, обеспечивающим устойчивую когнитивную связь между говорящим и слушателем.

Интонационный анализ позволил выделить три устойчивых типа контуров, выполняющих различные коммуникативные функции. Восходяще-мотивирующий контур используется при введении новой мысли, нисходяще-заключительный завершает логический фрагмент и усиливает ощущение уверенности, а волнообразный контур характерен для эмоциональных кульминаций, направленных на активизацию внимания аудитории. Эти интонационные направления создают когнитивную предсказуемость речи и помогают поддерживать внимание слушателей, что подтверждается данными R. Schmälzle и соавторов (Gianolla, 2025).

Паузы в ораторской речи выполняют двойную функцию. Во-первых, риторическую, то есть усиливают эмоциональное воздействие, и, во-вторых, когнитивную – структурируют восприятие текста. Проанализированные фрагменты ораторских речей показали, что риторическая пауза предшествует логическому пику высказывания. Средняя длительность таких пауз составляет от 400 до 600 миллисекунд, что соответствует диапазону комфортного восприятия речи. Таким образом, мы считаем, что паузу следует так же рассматривать как когнитивный механизм обработки информации и регулятор внимания целевой аудитории (Gianolla, 2025). Например, рассмотрим фразу В.В.Путина на подведении итогов за 2024 год:

«↘ Ведь кто такие ↗ европейцы? <*смысловая пауза*> ↘ Они все гордятся, ↘ что они европейцы. ↗ Но они прежде всего французы, немцы, итальянцы, испанцы, а ↗ потом уже европейцы. Они всё ↗ стараются сгладить, что-то <*смысловая пауза*> ↘ зашлифовать. И в конце концов это отражается на ↗ всём, ↗ в том числе и на экономике. ↘ Я говорил о росте нашей экономики – это в ↗ значительной степени ↗ результат укрепления ↗ суверенитета, в том числе проецируемого

Представленный фрагмент ораторской речи демонстрирует характерный волнообразный интонационный контур, реализующийся через последовательное чередование восходящих и нисходящих паттернов. Инициальный восходящий тон на риторическом вопросе «Ведь кто такие европейцы?» выполняет функцию когнитивной активации, создавая семантическую напряженность. Последующая смысловая пауза продолжительностью около 600 мс организует рефлексивное пространство для осмысления последующего тезиса. В аргументативной части наблюдается контрастное нисходяще-восходящее движение: нисходящий тон на констатации «Они все гордятся, что они европейцы» сменяется восходящим паттерном на оппозиционном утверждении «Но они прежде всего французы, немцы...», что создает ритмическую волну, актуализирующую смысловую оппозицию. Рассмотренный пример служит иллюстрацией эмоционально-паузовой модели русской риторики, сочетающей в себе интонационную изменчивость и смысловые паузы, и обеспечивающей ритм убеждения. Для наглядности продемонстрируем основные результаты анализа в Таблице 2.

Интонационный паттерн	**Коммуникативная задача**	**Эффект воздействия**
Нисходящий тон в сочетании с риторическим вопросом	Создание дискуссионной «платформы»	Формирование интеллектуального напряжения, ввод в «искусственный» совместный анализ
Восходящий тон на противопоставляющем союзе	Акцентирование контраста	Подчеркивается противоречие, внимание аудитории переключается на основную мысль
Серия нисходящих тонов	Создание эффекта объективности	Высказыванию придается характер истины
Волнообразное движение тонов	Эмоциональное нагнетание	Усиливает доверие к оратору путем создания эффекта размышления вслух
Кумуляция восходящих тонов	Акцентирование ключевых концептов	Выделение главной мысли
Резкий нисходящий тон в конце смыслового блока	Категоричное завершение тезиса	Утверждению придается неоспоримый характер

Таблица 2. Риторические функции интонационных паттернов в русском политическом дискурсе (на примере выступления В.В. Путина)

Данное интонационное структурирование характерно для русской риторической традиции с ее склонностью к философскому осмыслению и диалектическому построению высказывания. Особенностью является сочетание аналитического начала (риторический вопрос с нисходящим тоном) с эмоциональной волнообразной подачей, что создает эффект совместного с аудиторией поиска истины. Контрастное использование восходящих и нисходящих паттернов служит не столько логическому членению речи, сколько выстраиванию сложного смыслового пространства, где каждый интонационный элемент участвует в создании многопланового образа.

Смысловая пауза в устной речи является не просто средством выразительности, а элементом структурирования и позволяет поддерживать баланс между интенсивностью подачи материала оратором и усвоением смыслового содержания целевой аудиторией. Смысловые паузы и акценты организуют речевой поток столь же последовательно, как пунктуация структурирует письменный текст (Кривнова, 2007). Они формируют внутренние границы высказывания и помогают слушателю осмысленно распределять внимание. Пауза длительностью 500–600 миллисекунд достаточна для перехода между смысловыми блоками, тогда как более продолжительная (свыше одной секунды) обычно сигнализирует о завершении темы. Эти данные согласуются с выводом S. Bezzaoucha о том, что пауза выполняет роль «интонационного эквивалента абзаца» (Bezzaoucha, 2025). Таким образом, мы считаем, что ораторская речь является тщательно организованной акустической системой, где просодические средства направляют внимание слушателя. Эта закономерность соотносится с представлением о культуре русской речи как системе нормативных выразительных средств (Ширяев, Скворцов, Лазуткина, 1996). Рассмотрим аналогичный пример инаугурационной речи Президента США Д.Трампа:

"↗ Our liberties and our nation's glorious destiny <*смысловая пауза*> ↘ will no longer be denied. ↗ And we will immediately restore the integrity, <*смысловая пауза*> ↘ competency, and loyalty of America's government.
↗ Over the past eight years, I have been tested and challenged more than any president in our 250-year history, <*смысловая пауза*> ↘ and I've learned a lot along the way.
↗ The journey to reclaim our republic has not been an easy one — that, I can tell you. <*смысловая пауза*> ↗ Those who wish to stop our cause have tried to take my freedom ↘ and, indeed, to take my life"

Анализируемый фрагмент демонстрирует характерное для английской политической риторики просодическое структурирование, где восходяще-нисходящий интонационный контур выполняет четкую текстоорганизующую функцию. В контексте различения грамматического и риторического подходов, предложенного Г.Г. Хазагеровым, данный пример наглядно иллюстрирует работу риторики как адаптивной системы, ориентированной не на выбор из дискретных вариантов, а на континуальное конструирование речевого воздействия (Хазагеров, 2018). Если грамматика оперирует управляемыми системами с жесткими оппозициями, то риторическая организация речи представляет собой особую систему, где элементы приспосабливаются друг к другу в процессе коммуникативного взаимодействия. Восходящие интонационные паттерны в начале фраз активизируют внимание аудитории, создавая семантическую напряженность, тогда как нисходящие завершения сигнализируют о категоричности высказывания, формируя эффект риторической завершенности. Подобное интонационное структурирование соответствует пониманию дискурса как системы, обладающей свойством гомеостаза – способностью поддерживать параметры своего существования в определенных пределах через постоянную адаптацию к коммуникативной среде. Смысловые паузы, следующие за ключевыми концептами ('destiny', 'competency', 'history'), выполняют не только ритмическое членение, но и

создают когнитивное пространство для акцентирования значимых смыслов, что отражает фундаментальное свойство риторики как практики речевой "лепки" (метаплазмы), ориентированной на непосредственное воздействие на слушателя (Хазагеров, 2018). Таким образом, просодическая организация анализируемого фрагмента служит примером того, как риторические механизмы обеспечивают когнитивную синхронизацию говорящего и аудитории в рамках адаптивной системы дискурсивного взаимодействия.

Для наглядного представления выявленных взаимосвязей между интонационными паттернами и их прагматическими задачами в рамках данной адаптивной системы обратимся к их систематизации в Таблице 3.

Интонационный паттерн	**Коммуникативная задача**	**Эффект воздействия**
Восходящий тон и паузация	Привлечение внимания аудитории	Формирование ожидания у аудитории
Нисходящий тон в конце предложения	Категоричное утверждение	Придание статуса абсолютной истины, завершение смыслового блока
Переход от восхождения к нисхождению	Объединение нескольких элементов в единое целое	Подчеркивание значимости утверждению
Расширенная смысловая пауза после сложного синтаксического построения	Обеспечение обработки информации аудиторией	Предоставление аудитории времени для осмысления важного блока
Резкий переход от восхождения к нисхождению	Эмоциональное выделение ключевого элемента	Усиление связи аудитории с оратором

Таблица 3. Риторические функции интонационных паттернов в англоязычном дискурсе (на примере инаугурационной речи Президента США Д.Трампа)

Данная таблица демонстрирует, как интонационное структурирование в англоязычном политическом дискурсе служит инструментом управления восприятием. В отличие от русской традиции с ее эмоционально-паузовыми волнами, здесь преобладает логико-ритмическая организация, где каждая интонационная единица выполняет четкую текстоорганизующую функцию. Особенно показательно использование пауз после развернутых синтаксических конструкций – этот прием обеспечивает когнитивную обработку сложных смысловых блоков, соответствуя принципам эффективной публичной коммуникации в англоязычной традиции.

Рассмотрим следующий пример из речи М.В. Захаровой:

«Страны ↗ НАТО <*смысловая пауза*> ↗ давно сбросили ↘ маски. Они действуют ↗ нагло, в ↗ открытую. <*смысловая пауза*> Единственное, что им осталось, – просто «расписаться» в том, что они <*смысловая пауза*> ↗ открыто ↗ поощряют распространение терроризма ↘ в мире. Этого они ↗ почему-то еще ↘ не сделали, <*смысловая пауза*> хотя ↘ все понимают, <*смысловая пауза*> что без их ↗ наводки, ↗ денег и ↗ оружия киевский режим ↗ не смог бы <*смысловая пауза*> в таком масштабе проводить теракты ↘ по всему миру. <*смысловая пауза*> Знаем, что делают ↘ натовцы. Их истинная цель известна – использование украинской ↘ территории в качестве ↗ плацдарма <*смысловая пауза*> для ↗ гибридной агрессии против России. И <*смысловая пауза*> как следствие – <*смысловая пауза*> передел ↗ миропорядка <*смысловая пауза*> ↗ под свои правила. А правило у них ↘ одно – они ↗ правы, все остальные ↗ нет и ↗ прав таких не имеют».

Анализ интонационного рисунка позволяет выявить специфику риторического воздействия в данном выступлении. Начальный сегмент строится на контрастном сочетании восходящей и

нисходящей интонации, что создает эффект категоричности высказывания. Повышение тона в начале фразы акцентирует ключевой объект критики, а последующее понижение придает утверждению завершенность и безапелляционность. В аргументационной части наблюдается последовательное нарастание эмоциональной напряженности через чередование восходящих интонационных паттернов. Каждое повышение тона маркирует новый элемент в цепи обвинений, формируя кумулятивный эффект. Смысловые паузы, предваряющие эти интонационные подъемы, организуют восприятие, подготавливая аудиторию к усвоению ключевых тезисов. Особенно показательно интонационное оформление кульминационного фрагмента. Здесь волнообразное движение тона создает драматургический эффект – восходящие интонации на концептуально значимых словах контрастируют с нисходящими завершениями, образуя ритмически организованное смысловое пространство. Паузы выполняют не только разделительную, но и акцентирующую функцию, выделяя наиболее важные элементы обвинения. В заключительной части высказывания интонационная динамика приобретает особый характер. Нисходящее движение на определяющем понятии сменяется серией восходящих конструкций, что создает эффект риторического вопроса. Такой прием имплицитно вовлекает аудиторию в разделение оценки, завершая выступление на высокой эмоциональной ноте. Просодическая организация выступления демонстрирует тонкое сочетание логической аргументации и эмоционального воздействия. Интонационные контуры не просто сопровождают смысл, а активно формируют его, направляя восприятие слушателей и усиливая убедительность речи. Это соответствует классическим риторическим принципам, где форма высказывания неотделима от его содержания и воздействующего потенциала.

Для наглядности систематизации выявленных связей между звуковым оформлением и стратегией убеждения представим обобщающие данные в Таблице 4. Как демонстрирует таблица, каждый интонационный паттерн выполняет четкую риторическую задачу, работая в комплексе на общую цель – когнитивную и эмоциональную синхронизацию с аудиторией.

Интонационный паттерн	**Риторическая функция**	**Коммуникативный эффект**
Восходящий тон и паузация	Активизация внимания, введение «проблемы»	Создается семантическая напряженность, аудитория «подготавливается» к ключевому тезису
Нисходящий тон	Категоризация, утверждение	Высказыванию придается завершенность, безапелляционность
Серия восходящих тонов	Кумулятивная аргументация, нагнетание информационного фона	Оратор организует перечисление, усиливает эмоциональное воздействие, «наращивая» обвинение
Контраст нисхождения и восхождения	Ритмическое структурирование, драматизация	Создание волнообразного ритма убеждения, удерживающего внимание аудитории
Расширенная пауза перед ключевым смысловым блоком	Акцентирование внимания	Фокусировка внимания аудитории на важном элементе

Таблица 4. Связь интонационных паттернов и риторических функций в политическом дискурсе (на примере выступления М.В. Захаровой)

Выявленные межъязыковые различия в просодической организации согласуются с современными представлениями о риторике как междисциплинарном метаязыке, способном описывать механизмы речевого воздействия в различных культурных контекстах. Обнаруженная связь между темпо-ритмическими параметрами и эффективностью убеждения подтверждает теоретическую концепцию «риторического

поворота» (Котелевская, 2016), где убеждающая коммуникация рассматривается как сложная система взаимодействия вербальных и просодических компонентов. Введенное нами понятие «ритма убеждения» систематизирует этот подход, демонстрируя, как синхронизация акустических параметров речи с когнитивными процессами слушателя усиливает воздействующий потенциал высказывания.

Структурный анализ показал, что большинство выступлений строится по трехчастной модели: экспозиции, аргументации и кульминационно-заключительного блока. На этапе экспозиции формулируется тема и основной тезис, далее следует развертывание аргументов, завершающееся эмоциональным акцентом или призывом к действию. Подобная структура отражает универсальные закономерности восприятия устного текста и соответствует объему кратковременной памяти слушателя (Qaiwer, 2024). Рассмотренные выступления демонстрируют трехчастную композицию: экспозицию, аргументацию и эмоционально-заключительный блок. Эта структура восходит к классической модели ‘exordium-argumentatio-peroratio’ (Barroso, Carmen & García, Francisco, 2015), но в современной ораторской речи она дополнительно обретает акустическое воплощение. Такая «триада» позволяет организовать публичный дискурс с достижением необходимых целей оратором. В кульминационных фрагментах наблюдается учащение ударений, рост амплитуды и сокращение пауз (Смирнова, 2025). Совокупность этих факторов создает «ритм убеждения», понимаемый нами как структурно-просодический механизм, обеспечивающий убедительность ораторской речи и формируемый при координации таких параметров, как темп речи, длительность и распределение смысловых пауз, интонационная изменчивость и акцентное выделение ключевых смысловых блоков. Ритм убеждения обеспечивает динамику восприятия. Это подтверждается исследованием C. Gianolla, где эмоциональность высказывания рассматривается как фактор, усиливающий убедительность речи (Gianolla, 2025).

Сравнительный анализ показал различие просодических стратегий в двух риторических традициях. В русской речи преобладает «эмоционально-паузовая» модель,

где выразительность достигается за счет контрастов темпа, интонации и длительности пауз. Английская же речь, напротив, использует логико-ритмическую модель, опираясь на равномерный темп речи и выделение смысловых блоков. Такие различия могут требовать от переводчика функциональной адаптации, при котором на первый план выдвигается на акустическая модель исходного текста (речи), а эквивалент его риторического воздействия. Принцип «просодической эквивалентности», предложенный M. Albl-Mikasa, подразумевает передачу смыслового и эмоционального эффекта через соответствие ритмических и интонационных отношений, а не через фонетическую идентичность (Albl-Mikasa & Tiselius, 2022). Согласованность темпа речи, смысловых пауз и интонационного типа формирует своеобразоный «ритм убеждения», обеспечивающий воздействие речи и ее запоминаемость. Полученные результаты подтверждают исходную гипотезу: эффективность ораторского высказывания зависит от взаимодействия структурных, просодических и когнитивных уровней. Темпо-интонационные параметры функционируют не как внешнее сопровождение смысла, а как внутренний механизм, определяющий ход аргументации и усиливающий ее воздействие на слушателя.

Воздействие ораторской речи опирается на принцип когнитивной синхронизации. Слушатель воспринимает не только смысловую сторону высказывания, но и его ритмическую структуру. Совпадение просодических акцентов с когнитивными ожиданиями вызывает эффект аудиторного «резонанса», при котором совпадает акцентирование внимания, эмоциональное воздействие и процессы обработки информации, наглядно представленное в виде корреляции между колебаниями нейронной активности и изменениями интонационного контура речи (Wang, Wang, & Yuan, 2025). Воздействие ораторского высказывания, таким образом, выходит за рамки чисто лингвистического процесса и становится когнитивно-эмоциональным актом согласования между говорящим и аудиторией. В этом смысле речь выступает формой коллективного мышления, обеспечивающего синхронизацию смыслового содержания и эмоционального восприятия.

Выводы

Проведенное исследование позволило комплексно рассмотреть ораторскую речь как особый тип публичного дискурса, где взаимодействуют лингвистические, просодические и когнитивно-прагматические уровни организации. Ораторская речь, обращенная к аудитории, функционирует как управляемая звуковая система, способная направлять внимание, вызывать эмоциональный отклик и формировать убеждение через совокупность интонационных и ритмических параметров.

В ходе анализа определена трехуровневая модель ораторской речи, включающая структурно-композиционный, просодический и когнитивный уровни. Их согласованность формирует «ритм убеждения» как центральный механизм воздействия публичного высказывания. Установлено, что оптимальная скорость речи (130-160 слов в минуту) поддерживает баланс между восприятием информации и эмоциональной вовлеченностью, а паузы длительностью 400-600 миллисекунд выполняют когнитивную функцию смыслового разграничения (Bezzaoucha, 2025), (Hamid, 2025). Показано также, что умеренная интонационная изменчивость усиливает внимание целевой аудитории и воспринимается как проявление искренности и уверенности говорящего. Сопоставительный анализ подтвердил наличие межъязыковых различий риторического типа: русская речь тяготеет к эмоционально-паузовой модели, тогда как английская – к логико-ритмической.

Таким образом, ораторская речь представляет собой когнитивно организованную звуковую структуру, в которой ритм и интонация выполняют смыслообразующую функцию. Их согласованность определяет не только логическую ясность коммуникации, но и ее эмоционально-убеждающий потенциал. Структурно-просодические и когнитивные аспекты ораторской речи позволяют обеспечить взаимопонимание между говорящим и аудиторией. В ходе исследования интегрированы акустические и когнитивные данные, что позволило ввести понятие «ритма убеждения» как системного параметра устного высказывания.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их использования при обучении публичным выступлениям, подготовке переводчиков для интерпретации

ораторской речи, а также в разработке систем автоматического анализа и синтеза речи. Развитие ораторских умений требует систематической работы с просодическими параметрами, что подтверждают педагогические наблюдения (Зотова, 2022). Подтверждена когнитивная природа риторического воздействия: эффективность ораторского выступления зависит от синхронизации просодического ритма с когнитивными ожиданиями слушателя.

Перспективы дальнейших исследований напрямую связаны с расширением корпуса – как количественным, так и языковым. Увеличение объема материала позволит повысить статистическую достоверность выявленных закономерностей и уточнить культурно-специфические модели просодической организации ораторской речи.

Проведенный анализ подтвердил закономерную связь между темпо-ритмическими и интонационными параметрами речи и ее убедительностью. Результаты показывают, что воздействующая сила ораторского высказывания основывается на согласованности структурно-просодических и когнитивных факторов, которые позволяют обеспечить логическую завершенность и эмоциональное сопровождение в ораторской речи.

Литература

1. Albl-Mikasa M., Tiselius E. The Routledge Handbook of Conference Interpreting. – London: Routledge, 2022. – DOI: 10.4324/9780429297878.
2. Bezzaoucha I. The pace of delivery in conference interpreting for trainees or the art of shifting gears // Journal of Languages and Translation. – 2025. – Vol. 5, No. 1. – P. 324–338. – URL: https://asjp.cerist.dz/en/article/262030
3. Gianolla C. Emotion narratives of Trump and Harris disputing US political culture in the 2024 electoral campaign // Emotions and Society. – 2025. – Published online ahead of print. – DOI: 10.1332/26316897Y2025D000000068.
4. Hamid F. A. Challenges of simultaneous interpreting // International Journal of Language and Literary Studies. – 2025. – Vol. 7, No. 2. – P. 217–229. – DOI: 10.36892/ijlls.v7i2.2086.

5. Qaiwer S. Retelling stories in political discourse: The recurrence of self-narratives in Obama’s speeches // Cogent Arts & Humanities. – 2024. – Vol. 11, No. 1. – 16 p.
6. Schmälzle R., Lim S., Du Y., Bente G. The art of audience engagement: LLM-based thin-slicing of scientific talks // arXiv preprint. – 2025. – arXiv:2504.10768v1. – URL: https://arxiv.org/abs/2504.10768v1
7. Wang Y., Wang L., Yuan Z. Neuro-cognitive synchronization in prosodic speech perception // Frontiers in Human Neuroscience. – 2025. – DOI: 10.3389/fnhum.2025.01234.
8. Зотова И. А. Совершенствование устной речи студентов в процессе формирования ораторских умений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, № 5. – С. 85–89.
9. Ширяев Е. Н., Скворцов Л. И., Лазуткина Е. М. Культура русской речи и эффективность общения. – М.: Наука, 1996. – 439 с.
10. Barroso C., García F. The rhetorical construction of corporate logos // Arte, Individuo y Sociedad. 2015. Vol. 27. P. 289–309. DOI: 10.5209/rev_ARIS.2015.v27.n2.44667.
11. Смирнова Д. Е. Методы убеждения в политическом дискурсе // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 4 (52). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-ubezhdeniya-v-politicheskom-diskurse (дата обращения: 14.10.2025).
12. Кривнова О. Ф. Риторизация и интонационное членение текста в "процессе речи-мысли" (опыт теоретико-экспериментального исследования): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. Ф. Кривнова. – М., 2007. – 53 с.
13. Хазагеров Г. Г. Риторика, грамматика, дискурс, гомеостаз // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2018. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ritorika-grammatika-diskurs-gomeostaz (дата обращения: 15.10.2025). С. 357-372.
14. Котелевская В. В. Риторический проект второй половины XX - начала XXI вв // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2016. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ritoricheskiy-proekt-vtoroy-

poloviny-hh-nachala-hhi-vv (дата обращения: 15.10.2025). С. 26-40.

Список иллюстративного материала

1. Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2024. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75909 (дата обращения: 11.10.2025).
2. Владимир Мединский: Патриотическим воспитанием надо заниматься на живых примерах [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2017, 20 окт. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1989140/. (дата обращения: 11.10.2025).
3. Итоги года с Владимиром Путиным [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: (дата обращения: 11.10.2025).
4. The Inaugural Address [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: https://www.whitehouse.gov/remarks/2025/01/the-inaugural-address/ (дата обращения: 11.10.2025).
5. Hegseth, P. Pete Hegseth Addresses General and Flag Officers at Quantico, Virginia [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: https://www.war.gov/News/Transcripts/Transcript/Article/4318689/secretary-of-war-pete-hegseth-addresses-general-and-flag-officers-at-quantico-v/ (дата обращения: 11.10.2025).

References

Albl-Mikasa, M., & Tiselius, E. (2022). The Routledge Handbook of Conference Interpreting. London: Routledge. https://doi.org/10.4324/9780429297878

Bezzaoucha, I. (2025). The pace of delivery in conference interpreting for trainees or the art of shifting gears. Journal of Languages and Translation, 5(1), 324–338. https://asjp.cerist.dz/en/article/262030

Gianolla, C. (2025). Emotion narratives of Trump and Harris disputing US political culture in the 2024 electoral campaign. Emotions and Society. Advance online publication. https://doi.org/10.1332/26316897Y2025D000000068

Hamid, F. A. (2025). Challenges of simultaneous interpreting. International Journal of Language and Literary Studies, 7(2), 217–229. https://doi.org/10.36892/ijlls.v7i2.2086

Qaiwer, S. (2024). Retelling stories in political discourse: The recurrence of self-narratives in Obama's speeches. Cogent Arts & Humanities, 11(1), 1–16.

Schmälzle, R., Lim, S., Du, Y., & Bente, G. (2025). The art of audience engagement: LLM-based thin-slicing of scientific talks. arXiv preprint arXiv:2504.10768. https://arxiv.org/abs/2504.10768v1

Wang, Y., Wang, L., & Yuan, Z. (2025). Neuro-cognitive synchronization in prosodic speech perception. Frontiers in Human Neuroscience. https://doi.org/10.3389/fnhum.2025.01234

Zotova, I. A. (2022). Improvement of students' oral speech in the process of developing oratorical skills. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice, 15(5), 85–89.

Shiryaev, E. N., Skvortsov, L. I., & Lazutkina, E. M. (1996). Culture of Russian Speech and Effectiveness of Communication. Moscow: Nauka.

Barroso, C., & García, F. (2015). The Rhetorical Construction of Corporate Logos. Arte, Individuo y Sociedad, 27, 289-309. https://doi.org/10.5209/rev_ARIS.2015.v27.n2.44667

Smirnova, D. E. (2024). Methods of Persuasion in Political Discourse. Russian Linguistic Bulletin, 4(52). Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/metody-ubezhdeniya-v-politicheskom-diskurse (accessed: 14.10.2025)

Krivnova, O. F. (2007). Rhetorization and Intonational Division of Text in the "Speech-Thought Process" (Theoretical-Experimental Research Experience): Abstract of Thesis ... Doctor of Philological Sciences. Moscow.

Khazagerov, G. G. (2018). Rhetoric, Grammar, Discourse, Homeostasis. RUDN Journal of Linguistics, 22 (2), 357-372. Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/ritorika-grammatika-diskurs-gomeostaz.

Kotelevskaya, V. V. (2016). The Rhetoric Project of the Late 20th - Early 21st Centuries. Practices and Interpretations: Journal of Philological, Educational and Cultural Studies, 1 (2), 26-40. Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/ritoricheskiy-proekt-vtoroy-poloviny-hh-nachala-hhi-vv.

УДК 811
https://doi.org/10.25076/vpl.60.03
А.С. Акопова[3]
Южный федеральный университет

УСТОЙЧИВЫЕ ИНТЕНСИФИКАТОРЫ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ЧАСТОТНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И КОЛЛОКАЦИОННАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ

В исследовании рассматривается набор интенсификаторов, характерных для современной академической прозы, с акцентом на их частотность и устойчивую склонность образовывать повторяющиеся сочетания с определёнными прилагательными и глаголами. На материале открытого корпуса научных статей анализируется, какие интенсификаторы встречаются чаще всего и насколько узок круг их типичных коллокаций. Результаты показывают, что основная доля употреблений приходится на несколько элементов («significantly», «highly», «particularly», «strongly»), которые появляются в распространенных сочетаниях вроде «highly significant» и «strongly associated». Эти сочетания распределяются неравномерно и демонстрируют выраженные предпочтения, связанные с количественным описанием данных, оценочными комментариями и характеристикой методологических процедур. Повторяемость таких сочетаний в работах разных областей указывает на то, что они функционируют как устоявшиеся фразеологические единицы, а не разовые авторские формулировки. В статье показано, в какой мере академическое письмо опирается на полу-устойчивые сочетания, с помощью которых авторы выделяют ключевые моменты, обозначают степень принятия той или иной интерпретации и представляют результаты исследования. В статье также обозначаются направления для дальнейших исследований, включая

[3] © **Akopova A.S.** 2025
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License https://creativecommons.org/licenses/by/4.0

междисциплинарные различия и взаимодействие интенсификаторов с другими средствами выражения позиции автора.

Ключевые слова: интенсификатор, академический дискурс, академическое письмо, коллокация, фразеология, корпусная лингвистика

UDC 811
https://doi.org/10.25076/vpl.60.03
A.S. Akopova
Southern Federal University

RECURRENT INTENSIFIERS IN ACADEMIC DISCOURSE: FREQUENCY DISTRIBUTIONS AND COLLOCATIONAL STABILITY

The article examines a set of intensifiers in contemporary academic prose, focusing on their frequency and their tendency to form recurrent pairings with particular adjectives and verbs. Using a freely available corpus of research articles, the study identifies which intensifiers occur most often and how narrowly each one gravitates toward specific collocates. The findings show that a handful of items ("significantly", "highly", "particularly", and "strongly") account for the majority of occurrences and repeatedly appear in familiar combinations such as "highly significant" and "strongly associated". These patterns are not evenly distributed but reveal clear preferences tied to quantitative reporting, evaluative commentary, and methodological description. The consistency of these pairings across unrelated fields suggests that they function as established phraseological routines rather than ad hoc choices. The study shows the degree to which academic writing depends on semi-fixed expressions that writers use emphasise key points, indicate how firmly they accept a particular interpretation, and organise the presentation of their results. The study also points to areas where further work would be valuable, including cross-disciplinary variation and the relationship between intensifiers and other stance devices.

Keywords: intensifier, academic discourse, academic writing, collocation, phraseology, corpus linguistics

Introduction

In academic writing, intensifiers occupy a relatively small corner of the lexicon, yet they appear with surprising regularity in descriptions of results, methodological decisions, and evaluations of prior work. Their function is straightforward: they mark that something is stronger, more pronounced, or more central to the argument than a neutral statement would suggest. Even in disciplines that prize restraint, writers still rely on items such as *highly*, *significantly*, or *particularly* when they need to point the reader toward what they regard as the main interpretive cue.

In this environment, intensifiers serve a few overlapping purposes. They help strengthen a claim when authors want to show that an effect or tendency stands out; they support evaluative commentary, often in predictable contexts such as assessments of importance or robustness; and they contribute to the familiar academic habit of qualifying statements without abandoning caution. The effect is not dramatic, but these words create small adjustments that condition how the reader is meant to understand the weight of a finding or the relevance of an observation.

Although intensifiers have been examined in conversational English, media texts, and other general-purpose corpora, their behaviour in academic prose has received far less attention. Studies that deal with academic phraseology tend to focus on lexical bundles or stance markers more broadly, leaving the day-to-day intensifiers largely unaccounted for. What remains underexplored is the tendency of certain intensifiers to recur with the same adjectives or verbs, forming combinations that look less like free choices and more like well-established turns of phrase. This tendency toward fixedness is noticeable to anyone who reads research articles regularly, but it has not been described in a systematic way.

The present study addresses two research questions. (1) *Which lexical intensifiers occur most often in academic discourse?* (2) *How stable are the pairings between these intensifiers and the words that typically follow them?* Both questions are deliberately narrow so that the analysis remains focused and manageable.

The aim is to examine the frequency of several common intensifiers in a freely accessible corpus of academic articles and to determine whether these items form recurrent combinations that might be described as formulaic. The study intentionally limits the scope this way to offer a

practical account of how intensifiers function in academic writing without extending into more overarching issues of stance or evaluation.

The contribution is primarily descriptive. It provides a clear picture of which intensifiers academics rely on most, and it documents the extent to which these intensifiers appear with the same collocates across many texts. Such patterns, once identified, offer a straightforward view of the phraseological habits that underlie much academic prose.

Theoretical background

Intensification in English

Work on degree modification in English usually treats intensifiers as items whose primary business is to adjust how strongly a property or proposition is presented. In other words, they do not introduce a new quality but recalibrate the degree to which an existing one is said to hold. In the descriptive tradition, this function is often captured by defining intensifiers as "degree-indicating devices" that specify the extent or exact value of the quality expressed by the modified element (Hennoste et al., 2024). Most commonly, this role is fulfilled by adverbs in pre-head position (*very important, highly unlikely, strongly supported*), but adjectives and other forms can also be recruited for intensifying uses (*utter nonsense, sheer luck*) (Claridge et al., 2024).

A standard point of departure is the distinction between intensifiers and neighbouring categories such as quantifiers, focus particles or modal adverbs. While these classes frequently co-occur in discourse and sometimes draw on overlapping inventories, degree-based intensifiers are usually defined by two properties. First, they are tied to gradable material: they modify adjectives, verbs or other expressions that allow for more/less contrasts (*important, increase, probable*). Second, their contribution is scalar rather than propositional: they do not change the basic content of the clause but alter the strength with which that content is asserted or evaluated (Stratton, 2021).

Within this broad functional frame, the literature typically differentiates two main tendencies. On the one hand are items that raise the perceived intensity, often referred to as amplifiers or boosters (*very, really, highly, markedly, strongly*) (Mansouri & Boroujeni, 2023). On the other hand are items that move the description downward on the scale, usually called downtoners, diminishers or minimisers (*slightly, somewhat, a bit, hardly*) (Hennoste et al., 2024). The distinction is not purely terminological: amplifiers tend to be associated with emphasis

and upgrading of claims, whereas downtoners are more often linked to softening and the expression of caution. Paradis's (2008) work on degree modification, for instance, treats both types as "upwards" and "downwards" adjustments to a gradable concept, whose function is to reinforce or attenuate a variable feature in the element the intensifier applies to.

Cross-cutting this simple two-way division is the observation that intensification is not a marginal curiosity but a productive and dynamic subsystem of English. Corpus studies have shown that intensifiers are subject to diachronic renewal and competition: older forms persist while newer ones enter the system, leading to cycles of layering and replacement (Funke & Bernaisch, 2022). Ito and Tagliamonte's (2003) analysis of adjectival intensifiers in a British English community, for example, documents the coexistence of long-established items such as *very* with newer forms like *really*, and shows how different generations redistribute their preferences across the available set. Similar patterns of variation and change are reported in later work on regional varieties and learner English, where intensifiers prove to be sensitive to social, stylistic and acquisitional factors (Tagliamonte, 2008).

From a discourse-oriented perspective, intensifiers have attracted attention because they are tightly bound up with evaluation and stance. Méndez-Naya's (2008) overview of English intensifiers describes them as "degree words" that do more than register scalar information; they also participate in expressing the writer's or speaker's assessment of the situation. Amplifying items such as *absolutely, completely, utterly* are often drawn into emphatic assessments or categorical judgements, while more moderate elements like *rather* or *fairly* can signal a degree of distance or tentativeness (Ghesquière, 2021). In this sense, intensifiers sit at the intersection of lexis, argumentation and interpersonal meaning.

For the present study, however, a somewhat narrower understanding is sufficient. The focus will be on lexical adverbial intensifiers that precede gradable adjectives or, more occasionally, verbs, and whose main function is to increase or decrease the perceived strength of the modified element. This includes both boosters (*highly, significantly, particularly, especially, strongly, greatly, markedly, considerably*) and at least one downtoner (*slightly*), but the analysis does not attempt a full semantic taxonomy of the amplifier/downtoner space. Instead, the

interest lies in two connected properties that emerge clearly from earlier work.

First, intensifiers tend to be concentrated in relatively small sets of high-frequency items, rather than being evenly spread across the lexicon. Studies of spoken and written English repeatedly show that a handful of forms account for the majority of tokens, with *very* and *really* as the classic examples in general language (Ito & Tagliamonte, 2003). Second, intensifiers exhibit strong preferences for particular hosts. Paradis (2008) and later authors (Vartiainen, 2021) argue that the modifier and the modified element are mutually constraining: adjectives select certain degree adverbs, and those adverbs in turn narrow the way the adjective's gradability is construed. This interaction is visible in recurrent combinations such as *highly significant, deeply concerned, strongly correlated*, which start to behave less like free compositional pairings and more like conventional expressions.

These observations motivate a view of intensification that is both scalar and phraseological. Intensifiers adjust the degree of a gradable meaning, but they do so in patterned ways, making repeated use of familiar lexical pairings. Much of the existing work that documents these tendencies has concentrated on conversation, youth speech, popular media or learner writing. The present study takes the same basic understanding of intensification as its starting point, but applies it to academic prose, where degree marking is closely tied to the formulation of claims, the description of results and the presentation of evidence.

Intensifiers in written academic English

When one looks specifically at written academic English, it quickly becomes clear that not all intensifiers are equal across registers. Corpus work repeatedly shows that items such as *really* or *so* cluster in conversation, while research articles and similar genres gravitate towards a relatively small set of more formal adverbs, among them *significantly, highly, particularly, especially, strongly, markedly, considerably, profoundly* and the occasional downtoner such as *slightly*. A recent overview of lexical intensification, drawing on Biber-style register comparisons, notes that *really* and *so* belong firmly to informal spoken usage, whereas *highly* and *profoundly* are characteristic of written academic discourse (Nasibullo, 2025). Earlier large-scale grammars already hinted at this distributional contrast, but the more recent corpus-based studies confirm that academic prose relies on a restricted and fairly

stable inventory of intensifiers, most of them adverbs in pre-adjectival position (Adrefiza et al., 2025).

In research articles, these adverbs attach first and foremost to adjectives that encode evaluative, methodological or statistical information. Typical clusters include *highly significant, statistically significant, particularly important, especially relevant, strongly associated, strongly supported, markedly different, considerably higher* and *slightly lower*. Such combinations are not random as they mirror the main communicative needs of the genre: authors must describe the size and reliability of effects, indicate the centrality or marginality of findings, and comment on the strength of associations and trends. Intensifiers provide a compact way of doing this, and it is no coincidence that one of the most frequent items in this group is *significantly*, whose everyday scalar meaning overlaps with the technical vocabulary of statistical testing. Corpus-based work on synonymous intensifiers also reports that forms like *extremely, remarkably, exceptionally* tend to be rare in research articles compared to more neutral items such as *highly* or *particularly*, which suggests that academic discourse tolerates emphasis, but not of the exuberant kind that would be acceptable in more expressive registers (Schweinberger, 2021).

The broader stance literature makes it clear that intensifiers are part of the resources writers use to position themselves in relation to their claims and their readers. Hyland's (2014) work on stance and metadiscourse, for instance, treats boosters as one side of a system that also includes hedges, attitude markers and self-mention, all contributing to how authors present their judgements and their degree of commitment. Boosters, in this sense, are those items that reinforce a statement and "close down" interpretive space, while hedges keep it open. From this perspective, an expression such as *strongly suggests* differs from *suggests* not only in scalar terms but also in how forcefully the writer invites the reader to accept the conclusion (Hyland et al., 2022). Recent pedagogically oriented studies on hedges and boosters in student writing adopt a very similar view: they treat intensifying adverbs as one of the main devices by which writers either tone down or step up their assertions, and they link these choices directly to the balancing act between caution and confidence that academic writing demands (Hyland & Zou, 2021).

Evaluation, in the sense developed by Hunston and Thompson (2000), is likewise tied to such degree choices. Research articles constantly sort information into what is central and peripheral, robust and tentative, interesting and trivial. Intensifiers belong to the small class of lexical items that participate in this sorting. Adjectives like *important, relevant, robust, clear, strong* can be used without modification, but in practice they frequently appear with adverbs that push them upward on a scale: *particularly important, especially relevant, robustly supported, clearly evident, strongly argued*. Each combination foregrounds a ranking: this result is not just important, it is *particularly* important; the evidence is not just clear, it is *clearly* or even *highly* compelling. Studies of stance in research articles, both classic and more recent, consistently treat such clusters as parts of a wider evaluative repertoire that includes reporting verbs, attitude adjectives and epistemic adverbs (Hyland, 2014; Hyland & Zou, 2021).

A third strand of work concerns epistemic caution. The well-known studies on hedging in scientific texts, beginning with Salager-Meyer (2000), Malyuga et al. (2019) and Hyland (2011), have shown that writers rely heavily on devices which mark uncertainty, limitation or conditionality. Intensifiers appear here in two roles. On the one hand, boosters such as *strongly, clearly, firmly* heighten epistemic commitment, aligning the writer with a claim as something more than a mere possibility. On the other hand, downtoning adverbs like *slightly, somewhat, rather* can be read as "epistemic brakes" which signal that, although an effect is present, the author is unwilling to present it as large or decisive. In this way, intensifiers interact with modal verbs, conditional clauses and other hedging devices to signal caution and assertion that characterises the research article genre.

Thus, academic writing does not use the full range of English intensifiers; instead, it relies on a reduced, genre-specific subset whose members carry an air of technicality or restraint. These items serve, at one and the same time, as degree modifiers in the narrow sense and as small but regular signals of how far the writer is prepared to go in presenting a claim. Existing studies tend to treat them under the broader umbrellas of hedging, boosting or stance, which means that their local, collocational behaviour in academic prose (especially the tendency to form fixed or semi-fixed pairings with particular adjectives) has received less direct attention than their pragmatic role. This observation motivates

the present study's decision to focus not only on which intensifiers are frequent in academic discourse, but also on how tightly they are bound to their recurring hosts.

Collocational behaviour and formulaic sequences

In corpus linguistics, a collocation is usually understood as a pair (or small set) of lexical items that occur together more often than chance would predict, under certain syntactic or positional constraints (Malyuga & McCarthy, 2021). In other words, collocation describes statistically significant co-occurrence: two (or more) words that tend to "co-habit" in text more than would be expected if their distribution were random.

Meanwhile, a formulaic sequence (or formulaic expression / multiword unit) is a longer or more fixed lexical grouping – continuous or (sometimes) discontinuous – that is stored and retrieved as a chunk rather than assembled word by word from scratch. Such sequences may span a few to many words (e.g. "on the other hand", "in the case of", or longer academic-style phrases) (Malyuga, 2023).

These two related notions – collocation and formulaic sequences – are central to a phraseological view of language, where meaning and usage reside not only in individual words but in recurrent combinations that reflect patterns of actual use in a community or register.

In academic writing, it is common to observe that certain intensifier + adjective (or verb) combinations have become entrenched. Pairs such as *highly significant*, *particularly important*, *strongly associated*, *markedly different* and *considerably higher* appear often enough across independent texts to suggest that they are part of a stable repertoire of academic phraseology. From the collocation/formulaicity perspective, these combinations qualify as collocations, because intensifier and host word co-occur disproportionately often, and potentially as formulaic sequences, insofar as they recur with high frequency and display a degree of fixedness in usage.

Several converging factors, discussed in the literature, help explain this entrenchment.

1. Communicative and rhetorical need. In academic discourse, authors frequently have to express degrees of emphasis, certainty, importance, or evaluation. Intensifiers + evaluative adjectives or statistical/methodological adjectives (e.g. *significant*, *relevant*, *strong*, *robust*) meet this need efficiently. Once a particular intensifier–host

combination becomes recognized as "appropriate" in a context, users re-use it, reinforcing its frequency and conventional status (Popova, 2018).

2. Register and genre constraints**.** Academic prose tends to hold to norms of clarity, precision, and economy. Writers may avoid overly colloquial intensifiers *(really, so, very)*, favouring more formal ones (*highly, significantly, strongly*). Over repeated use, certain combinations become part of the expected style in research articles. Corpus studies confirm that the repertoire of intensifiers in academic writing is narrower and more stable than in informal or conversational genres (Grishechhko, 2023).

3. Cognitive and lexical processing economy. From a psycholinguistic perspective, formulaic sequences reduce processing load: once stored in memory, they can be retrieved as whole units rather than recomposed each time. This is one of the motivations behind the phraseological (or "idiom principle") view of language use, which many scholars of multiword expression endorse. For academic writers (often under time pressure or dealing with dense argumentation) utilizing ready-made sequences offers a fast, reliable means of conveying nuance without risking awkwardness or error (Hřebačková, 2019).

4. Disciplinary stabilization and community norms. As members of a discourse community repeatedly read and produce similar texts, certain collocations become conventionalized across authors and publications. Studies of academic collocations note that many of them are common to multiple subfields and persist over time, marking membership in the academic register. In this sense, using intensifier + adjective collocations becomes part of the collective norm for "proper scholarly writing" (Danilina et al., 2019).

Empirical studies confirm these tendencies. For instance, a recent analysis of academic collocations showed that written academic collocations in a large corpus outnumbered spoken ones by roughly two to one, which indicates that formulaic pairing is more prevalent in writing than in speech (Ismail et al., 2022). Another contemporary study found that academic writing draws heavily on formulaic sequences (lexical bundles or n-grams) which perform cohesive, evaluative, and organizational functions (Grishechko & Tomalin, 2025).

Despite this recognition, much of the existing research emphasises longer multiword patterns (bundles, complex phrases, discourse markers) rather than the simplest kind of pairing – intensifier +

adjective/verb. As a result, the collocational behaviour of intensifiers per se remains underexplored: we lack systematic data on which intensifiers are most common, which host words they collocate with most reliably, and how fixed these pairings are across academic disciplines and text types. This gap underpins the present study's rationale.

Material and methods

Corpus

For the purposes of this study, the material was drawn from the CORE corpus, a large, openly accessible collection of full-text research articles made available through the CORE aggregation infrastructure. The choice of this resource followed from several considerations. First, CORE offers broad disciplinary coverage and contains a substantial proportion of peer-reviewed work, which makes it suitable for examining features that permeate academic prose rather than being tied to a single field. Second, the texts are available under open licences, which allows for reproducible corpus-based research without the restrictions associated with proprietary datasets. Finally, the scale of the corpus, running into several million words, provides a sufficiently robust sample for a frequency-oriented study of relatively low-salience items such as intensifiers.

To keep the dataset manageable and to ensure comparability across texts, a subcorpus of research articles published in the last ten to twelve years was selected. The resulting dataset comprised approximately 5 million words of running academic prose, covering fields in the humanities, social sciences, and natural sciences. Although heterogeneous in content, the texts share the stylistic conventions of contemporary academic writing, which is precisely the register in which intensifier use is of interest. Research on multiword sequences and collocation in academic English has repeatedly emphasised that sizable corpora are essential for identifying recurrent pairings and longer-range phraseological tendencies (Ädel & Erman, 2012; Biber & Gray, 2010). A corpus of this size provides a practical balance between breadth and depth for the present analysis.

Intensifier set

The study focused on a predefined set of adverbial intensifiers: *highly, significantly, particularly, especially, strongly, greatly, markedly, considerably,* and *notably*, alongside one downtoner (*slightly*) used primarily for comparative purposes. These items were chosen on the basis of prior literature describing typical intensifiers in written academic

English and their distribution across registers. Studies of degree modification and register variation (Ito & Tagliamonte, 2003; Méndez-Naya, 2008; Ismail et al., 2022) note that, whereas conversational English draws heavily on items such as *really* or *so*, academic writing tends to rely on a more restricted, formal set of adverbs. The selected group reflects this established inventory and follows earlier corpus analyses of stance and evaluation in research articles.

Inclusion criteria were deliberately narrow. All items had to (1) function prototypically as degree-modifying adverbs, (2) appear frequently in academic prose according to existing research, and (3) occur in contexts where they modify gradable adjectives or verbs. Limiting the set in this way made it possible to map usage patterns in some detail without diluting the analysis across too many infrequent forms.

Extraction procedure

Each intensifier was queried in its adverbial form across the subcorpus. Searches were case-insensitive and restricted to whole-word matches to avoid spurious hits embedded in longer strings. For each item, all occurrences were extracted in the form of concordance lines, with approximately five words of context on either side. This window was sufficient to capture the immediate syntactic environment (in particular, the adjective or verb to the right of the intensifier) while keeping the dataset compact enough for manual inspection.

Following extraction, the concordance lines were cleaned. This involved removing matches in reference lists, tables, captions, and other non-prose sections; false positives arising from mis-OCR or artefacts of PDF-to-text conversion; instances where the adverb occurred in non-intensifying uses (e.g., *significantly* used parenthetically in an authorial aside).

The remaining lines formed the basis for the two analytic components: frequency and collocation. Cleaning of this kind is standard practice in corpus studies dealing with lexical items whose contextual behaviour can vary considerably, and it ensures that subsequent quantitative measures reflect genuine usage rather than textual noise.

Frequency analysis

Two measures of frequency were used. Raw frequency provided a straightforward indication of how often each intensifier appeared in the subcorpus. Normalised frequency (per million words) allowed for

comparisons between items of different absolute frequency and ensured that the data remained interpretable in relation to corpus size.

The analysis proceeded in two steps. First, all intensifiers were ranked according to both raw and normalised counts. This yielded a preliminary overview of the relative prominence of each item. Second, intensifiers were compared against one another to assess the degree of concentration within the set, that is whether usage was evenly distributed or dominated by a small number of high-frequency items. Similar approaches are common in studies of intensifier variation across registers and social varieties, where normalisation is essential for making meaningful comparisons (Ito & Tagliamonte, 2003; Biber & Gray, 2010).

Collocational analysis

The collocational analysis centred on immediate right-hand collocates (R1), as intensifiers in academic prose most frequently occur in pre-head position before adjectives and, less commonly, before verbs. For each intensifier, the word immediately following it was extracted from the cleaned concordance lines. These R1 items were then tallied to identify recurrent pairing patterns.

A combination of frequency-based and pattern-based criteria was used to determine whether a pairing could be treated as *fixed* or *formulaic*. A minimal threshold was applied: if an intensifier–collocate combination appeared at least five times across different texts and authors, it was retained as a candidate for formulaicity. This modest threshold reflects the fact that academic writing, while stylistically uniform, is still heterogeneous enough that even five occurrences of the same pairing can be meaningful. Measures such as Mutual Information (MI) or log-likelihood can be applied in principle, but given the register-specific nature of the corpus and the focus on local behaviour, a frequency-based approach was sufficient for identifying stable pairs.

After identifying these recurrent combinations, collocates were manually classified according to their semantic and functional properties. Three broad categories were used: (1) evaluative adjectives (e.g., *important, relevant, substantial*); (2) significance markers and statistical descriptors (e.g., *significant, correlated, associated, different*); (3) methodological descriptors (e.g., *robust, consistent, effective*).

The manual classification was necessary because many academic adjectives sit at the intersection of evaluation and methodology, and automated methods do not reliably capture these nuances. Previous

research on academic collocation and lexical bundles (Biber & Gray, 2010; Ädel & Erman, 2012; Paquot & Granger, 2012) likewise stresses that manual inspection is indispensable when the aim is to understand the functional role of recurrent combinations, rather than merely quantify them.

These procedures made it possible to observe how often each intensifier appears in academic prose and also how tightly it gravitates toward particular hosts. The dual perspective (frequency and collocational stability) forms the basis for the analysis presented in the following section.

Results and discussion

Frequency distributions

The overall distribution of intensifiers in the subcorpus shows a pattern that is both uneven and, in many respects, predictable given what earlier studies have reported about academic registers. A handful of items account for the majority of tokens, while several others occur only occasionally. This concentration mirrors findings from research on degree adverbs in academic and scientific writing, where a small group of conventionalised forms tends to dominate (Biber & Gray, 2010; Méndez-Naya, 2008).

Table 1 presents the frequencies for each intensifier in the dataset of approximately 5 million words. Raw frequencies are followed by normalised values (per million words) and relative proportions within the intensifier set.

Table 1

*Frequency of target intensifiers in the academic subcorpus**

Intensifier	**Raw freq.**	**Per million words**	**% of all intensifiers**
significantly	1,042	208	28.4%
highly	836	167	22.8%
particularly	614	123	16.7%
especially	402	80	10.9%
strongly	355	71	9.7%
considerably	128	26	3.5%
greatly	96	19	2.6%
markedly	64	13	1.7%

notably	52	10	1.4%
slightly	39	8	1.1%

*Total intensifier tokens: 3,628.

A few tendencies stand out immediately. First, *significantly* is by far the most frequent item in the set, accounting for nearly a third of all tokens. Its dominance is not surprising: it functions simultaneously as a degree adverb and as part of the metadiscursive vocabulary of statistical reporting, which gives it a dual presence in both evaluative and technical descriptions. The same tendency has been noted in corpus analyses of scientific prose, where *significant* and its derivatives routinely appear at the top of lexical frequency lists for adjectives and adverbs in methodological sections.

Second, *highly* and *particularly* form a distinct cluster below *significantly*, together making up nearly 40% of all intensifier usage. These two adverbs tend to occur in evaluative contexts *(highly relevant*, *highly effective*, *particularly important*, *particularly useful)* which are central to many parts of an academic article, from literature review to discussion. Their high frequency suggests that writers lean heavily on these forms when they need to elevate the prominence or relevance of a point without resorting to more overtly expressive or colloquial intensifiers.

Items such as *especially* and *strongly* occupy a middle range. They are frequent enough to be part of the routine vocabulary of academic English, yet not as dominant as the top three. *Especially* often introduces contrastive emphasis in argumentative prose, while *strongly* appears in contexts where authors comment on associations, correlations or interpretive force. Their distribution reflects the rhetorical functions they serve: useful, but not indispensable in every section of a research article.

At the lower end of the list are *considerably*, *greatly*, *markedly*, and *notably*. These items are recognised in descriptive accounts of academic English but appear far less often than one might expect from their dictionary definitions. Their relative scarcity corresponds with what earlier studies on intensifier variation have observed: academic writers tend to rely on a small, stabilised cluster of degree adverbs and use peripheral items more sparingly. *Slightly*, the only downtoner in this group, occurs least frequently, which again matches previous findings

that academic prose tends to favour upgrading rather than downgrading devices unless the rhetorical context explicitly calls for mitigation.

The results confirm a pattern already described in studies of academic phraseology and register variation: intensification in scholarly writing is not scattered across the full English inventory but restricted to a compact set of items that recur with notable regularity. The internal distribution of this set (heavily skewed towards *significantly*, *highly* and *particularly*) points to a shared repertoire through which academic authors express emphasis, evaluation and graded claims.

Collocational profiles

The collocational analysis reveals that each intensifier gravitates toward a relatively narrow set of preferred hosts, and many of these pairings recur often enough to appear conventional rather than improvised. This tendency has been observed in earlier research on academic phraseology, where intensifier–adjective combinations are described as part of a "stable evaluative repertoire" shared across disciplines (Hyland, 2014; Paquot & Granger, 2012). The present data follow this general pattern closely.

To give an overview, Table 2 lists the most frequent R1 collocates for each intensifier, restricted to the top four for clarity. The purpose here is not to capture the full range of possible combinations (which is, naturally, larger) but to show the recurring clusters around which usage tends to coalesce.

Table 2

Most frequent R1 collocates for each intensifier

Intensifier	**Top R1 collocates (in order of frequency)**
significantly	different, higher, lower, related
highly	significant, relevant, effective, variable
particularly	important, relevant, useful, noteworthy
especially	important, true, when, given
strongly	associated, supported, correlated, suggests
considerably	higher, lower, reduced, more
greatly	reduced, increases, enhanced, improved
markedly	different, higher, reduced, more
notably	absent, lacking, higher, seen
slightly	higher, lower, more, less

Several observations arise immediately. First, the collocates of *significantly*, *considerably*, *markedly*, and *slightly* are heavily concentrated in quantitative or comparative contexts, which fits with the dual role these items play in both informal degree marking and formal statistical reporting. Words such as *different*, *higher*, *lower*, *reduced*, and *more* form the backbone of quantitative description in research articles, and the repeated appearance of intensifiers before them suggests that writers use these adverbs to fine-tune numerical interpretation: strengthening contrasts, marking effect sizes, or adjusting the perceived weight of a difference. This pattern echoes findings in corpus studies of scientific English, where degree modification is frequently tied to comparative structures and result reporting (Hyland & Zou, 2021; Mansouri & Boroujeni, 2023).

Second, the most conventionalised pairing in the entire dataset is *highly significant*. Its frequency far exceeds that of any other intensifier–collocate pair, and it appears across unrelated fields. The collocation benefits from a coincidence between an everyday sense ("to a high degree") and a technical one (statistical significance), which leads to a degree of entrenchment not easily matched by other items. A similar convergence can be seen in combinations such as *strongly associated* and *strongly correlated*, which belong to the shared vocabulary of disciplines that report effect sizes or relational patterns. These collocations have become so well established that they arguably function more as fixed turns of phrase than as free combinations. Research on formulaicity in scientific writing has repeatedly noted this phenomenon: adjectives central to interpretation (e.g. *significant, associated, correlated*) frequently acquire stable intensifying partners (Calle-Martín & Lorente-Sánchez, 2021).

Third, items such as *particularly* and *especially* anchor a different domain, one concerned less with numerical comparison and more with evaluation and importance. Their typical collocates *(important, relevant, noteworthy)* reflect the rhetorical needs of literature reviews, discussion sections, and argumentative prose, where writers signal the relative weight of ideas, findings, or conceptual distinctions. The pairing *particularly important* is the most frequent case in this group, and its wide dispersion across the corpus suggests that it has become part of the habitual vocabulary used to foreground conceptual prominence. *Especially important* and *especially true* point in the same direction,

forming a small cluster of evaluative collocations used to mark emphasis without drifting into informality.

Fourth, some intensifiers occupy a more methodological niche. *Highly effective*, *highly variable*, and *greatly reduced* appear regularly in descriptions of experimental procedures, intervention outcomes, or distributional properties of datasets. The semantic field here tilts towards methodological reporting: words like *effective*, *variable*, *enhanced*, and *improved* belong to the lexicon of method and outcome description rather than interpersonal evaluation. Previous work on lexical bundles in scientific writing has shown that method sections draw on their own set of recurring adjective–adverb pairings, and the present data support that observation (O'Flynn, 2022).

Across the dataset, then, the semantic domains of collocation fall into three broad categories:

1. Quantitative and comparative statements (*significantly different, considerably higher, markedly reduced, slightly more*). These collocations organise numerical interpretation and align with the statistical orientation of many contemporary research articles.

2. Evaluation and importance (*particularly important, especially relevant, notably absent*). These are central to argumentative and interpretive sections, where authors prioritise some ideas over others.

3. Methodological and descriptive claims (*highly effective, strongly supported, greatly enhanced*). These occur in accounts of procedures, results, or mechanism descriptions.

The consistency of these patterns across the subcorpus supports the more general claim advanced in recent literature on academic phraseology: intensification in scholarly writing is not haphazard, but corresponds to the communicative routines of the genre. Writers rely on a circumscribed set of intensifier–host pairs that help them calibrate quantitative descriptions, organise evaluation, and summarise methodological outcomes. Over time, these repeated collocations acquire a degree of formulaicity, becoming part of what Gisle (2022) called the "phraseological tendency" of language – here manifested in a specifically academic form.

Degree of collocational stability

The collocational patterns described above show a level of recurrence and structural narrowing that suggests genuine formulaicity. Several pieces of evidence support this view.

A first indication comes from the frequency and dispersion of specific intensifier–host combinations. Certain pairings recur across a wide range of disciplines and are attested throughout the corpus rather than clustering within particular subdomains. *Highly significant*, for example, appears repeatedly in articles in the natural sciences, but it is also well represented in the social sciences, applied linguistics, and even in some humanities research that incorporates quantitative procedures. The same holds, in a slightly more limited but still traceable way, for *strongly associated*, *strongly supported*, and *strongly correlated*. These collocations occur consistently in texts that report relationships, evidence strength, or causal interpretation, regardless of the specific field. Their cross-disciplinary dispersion indicates that the pairing is part of a common academic repertoire. This observation corresponds to what Paquot and Granger (2012) describe as "discipline-transcendent phraseology", where certain formulaic expressions enjoy unusually broad uptake across scholarly fields.

A second indication lies in the narrow collocational ranges of many intensifiers in the present dataset. Although intensifiers are theoretically free to combine with a wide array of adjectives and verbs, the corpus shows that actual practice is far more constrained. *Significantly*, for instance, overwhelmingly combines with a set of comparative adjectives and past participles: *different, higher, lower, related*. Rarely does it occur in contexts where the host adjective marks interpersonal evaluation or conceptual abstraction. Similarly, *markedly* appears in a limited cluster of quantitative and comparative contexts (*markedly different, markedly reduced*), with very few deviations into other semantic domains. This narrowing of co-occurrence patterns is precisely what Sinclair's (1991) "idiom principle" predicts: frequent combinations fossilise into semi-fixed expressions that speakers and writers retrieve as units rather than constructing anew each time.

The case of *particularly* and *especially* illustrates a slightly different kind of formulaicity. Both are used primarily in evaluative environments, but *particularly* shows an especially strong pull towards the adjective *important*. This collocation appears in introductions, literature reviews, and discussion sections, often serving to single out a specific concept, finding, or theoretical contribution. The repetition of this pairing in texts of markedly different topics, methodological orientations, and publication venues suggests that writers perceive it as an efficient way to

signal prominence without sounding overstated. *Especially important* and *especially relevant* show the same tendency, albeit with lower frequency. In phraseological terms, these collocations behave as what Erman (2007) called "prefabs" – combinations that are not idioms in the strict sense but exist as ready-made linguistic material that saves effort and ensures stylistic conformity.

Among the intensifiers studied, three stand out as having the strongest degree of collocational fixation: *significantly, highly,* and *strongly*. Each of them exhibits a small set of repeatedly used collocates, high text dispersion, and strong semantic coherence within their respective domains. *Significantly* is tightly bound to comparative and quantitative adjectives (*different, higher, lower*), forming the backbone of result reporting. *Highly* gravitates towards evaluative and methodological adjectives (*significant, relevant, effective, variable*), suggesting a role in value assignment and methodological strength. *Strongly* shows a similarly narrow range, almost exclusively preceding relational or evidential verbs and adjectives (*associated, supported, correlated, suggests*). These intensifiers also show the highest proportion of repeated pairings relative to their total occurrences, which is a hallmark of entrenched formulaicity.

Other items in the set *(considerably, greatly, markedly,* and *notably)* also show consistent pairing patterns, but their more modest frequencies make the evidence for formulaicity less forceful. They nonetheless display restricted collocational tendencies: *considerably* and *greatly* with adjectives of degree change (*higher, reduced, improved*), and *markedly* with adjectives marking contrast. However, their lower dispersion across disciplines suggests that they operate somewhat closer to the margins of the academic phraseological repertoire.

The findings point to an important conclusion: intensifier–collocate pairings in academic prose are not random or evenly distributed, but organised around a set of stable, semi-fixed expressions. These expressions appear frequently enough to form part of the shared linguistic habitus of academic writers and are sufficiently stable to warrant treatment as formulaic sequences. Their recurrence across disciplinary boundaries, and their narrowed semantic and syntactic scope, indicate that intensification in academic writing is governed not only by general principles of degree modification, but by phraseological norms that came into being through repeated use in the genre.

Intensifiers as conventionalised rhetorical tools

One of the more striking outcomes of this analysis is that certain intensifier–collocate pairings operate as recognisable rhetorical instruments whose presence signals adherence to familiar conventions of academic argumentation. Their rhetorical work is not exhausted by emphasis alone; rather, these combinations assist authors in conditioning how readers interpret the status of claims, evidence, and conceptual distinctions.

To begin with, formulaic pairings allow writers to position assertions within the hierarchy of relevance and interpretive weight that governs academic prose. Expressions such as *particularly important* or *especially relevant* function as compact organisational devices: they guide readers toward focal points without requiring metacommentary. What gives these pairings rhetorical force is their predictability. Because readers regularly encounter the same forms across different articles, they learn to treat them as cues that a statement occupies a privileged place in the argument. In this sense, intensifiers participate in what has been described in the evaluation literature as "value-framing devices" – linguistic means by which writers assign salience to selected information (Thompson & Alba-Juez, 2014).

In contexts where claims involve empirical results, formulaic intensifiers help authors calibrate the degree of interpretive commitment expected from readers. For instance, combinations like *strongly supported* or *robustly evident* suggest that the writer considers alternative readings less plausible. These expressions create a background sense of stability around the reported finding. Because the phrasing is familiar to readers, the evaluative move is absorbed almost automatically, which makes it an efficient rhetorical strategy. Several recent studies on scientific stance (Smirnova & Pérez-Guerra, 2025; Hyland & Zou, 2021) emphasise that such evaluative clusters help maintain a tension between authoritativeness and restraint, which is a defining characteristic of contemporary academic writing.

A related function concerns the management of epistemic distance. Scientific prose often requires writers to move between stronger and weaker commitments without interrupting the flow of exposition. Formulaic intensifiers facilitate these movements as they provide recognisable signals of how close the writer stands to a claim. When a result is presented as *highly plausible* or *strongly indicated*, the phrasing

gestures toward a firmer footing than would be conveyed by a bare adjective. Because these adverb–adjective sequences are conventionalised, they perform this calibration unobtrusively, without the explicit hedging or boosting constructions that might attract attention to themselves. In other words, intensifiers offer a means of modulating stance while maintaining the rhythm and impersonality of academic prose.

There is also another rhetorical dimension that concerns reader expectations of objectivity. One might assume that intensifiers, being inherently scalar and evaluative, would compromise the impression of neutrality. However, the opposite often occurs. Precisely because the collocations are predictable and widely used, they can appear less subjective than more idiosyncratic alternatives. For instance, *highly significant* is so entrenched that it reads as part of the methodological code of academic writing rather than as a personal judgement. The routinisation of such expressions allows writers to adopt a more assertive tone without seeming overtly opinion-driven. This paradox (that formulaic evaluation can appear more objective than non-evaluative paraphrase) reflects what Hunston and Thompson (2000) have described as the "naturalisation of evaluative language" in academic discourse.

Another consequence of this conventionalisation is that intensifier–collocate pairings help stabilise disciplinary norms of rhetorical strength. Fields that rely heavily on comparative or correlational reasoning routinely employ intensifiers to condense interpretive moves into concise lexical units. Once established, these patterns contribute to the shared expectations of how arguments should be framed. As one corpus-based account of disciplinary writing notes, recurrent evaluative constructions gradually acquire the status of "collective stylistic habits" (Hyland, 2023), and their presence signals not only the writer's stance but also membership in a disciplinary community. Intensifiers thus function as small markers of disciplinary belonging.

Finally, the repeated use of these combinations can influence the perceived argumentative coherence of an article. Because certain intensifiers are linked to specific rhetorical functions, a text that employs them judiciously can appear more cohesive. When similar intensifier–collocate pairings appear in the introduction, results, and discussion, they help maintain a unified evaluative frame across sections. Such coherence

is rarely achieved by design but rather emerges indirectly from the shared phraseological resources on which writers draw.

The evidence suggests that intensifier–collocate pairings play an integral role in conditioning how readers interpret the argumentative force and epistemic orientation of academic prose. Their formulaic character allows writers to distribute evaluation and commitment across the text in a way that feels orderly, conventional, and, crucially, in alliance with the expectations of scholarly communication.

Conclusion

The analysis presented here set out from two research questions: which intensifiers appear most often in academic prose, and how firmly they attach themselves to particular lexical partners. Although modest in scope, these questions open a useful window onto an aspect of academic writing that tends to escape notice precisely because it is so familiar. What emerges from the data is a picture of intensification that is both more regular and more patterned than a purely compositional view would suggest.

A small group of adverbs *(significantly, highly, particularly, and strongly)* accounts for the bulk of intensifier use in the corpus. Academic writers rely on a compact, well-established repertoire that meets the rhetorical needs of the genre without straying into informality. Even more striking is the narrowness of the collocational ranges associated with these items. Many of the combinations recur across unrelated fields, forming lexical pairings that have become, for lack of a better phrase, part of the shared toolkit of academic exposition.

The stability of these pairings reflects the roles these expressions play in structuring argumentation and influencing how readers make sense of a claim. Whether marking contrasts, accentuating the weight of a point, or lending firmness to an empirical conclusion, intensifiers operate within recognisable phraseological routines that contribute to the characteristic texture of scholarly writing. They provide small but regular cues that support the organisation of information and the calibration of stance, carrying out most of this work unobtrusively, without drawing attention to themselves.

At the same time, the findings point toward avenues that merit further attention. This study has confined itself to a limited set of intensifiers and to a broad cross-disciplinary corpus. More fine-grained work (for example, on disciplinary variation, diachronic change, or the interaction

between intensifiers and other stance devices) would allow for a more detailed and differentiated account than the one outlined here. It would also be valuable to examine how novice writers acquire these phraseological patterns and how closely their usage corresponds to the conventions observed in expert prose.

For now, the results serve as a reminder that academic writing is built not only from terminology and argument structure but also from the small, repeated lexical choices that accumulate into recognisable stylistic habits. Intensifiers occupy a stable place within these habits. Their recurring partnerships with particular adjectives and verbs show how even the most compact combinations can contribute to the characteristic voice of academic discourse.

Литература

1. Ädel A., Erman B. Recurrent word combinations in academic writing by native and non-native speakers of English: a lexical bundles approach // English for Specific Purposes, 2012. № 31(2). P. 81–92. https://doi.org/10.1016/j.esp.2011.08.004
2. Adrefiza A., Jones J., Sulistiyo U. Cross-cultural study of intensifiers in face-threatening situations: a gender perspective in English and Bahasa Indonesia // Training, Language and Culture. 2025. № 9(1). P. 28–38. https://doi.org/10.22363/2521-442X-2025-9-1-28-38
3. Biber D., Gray B. Challenging stereotypes about academic writing: complexity, elaboration, explicitness // Journal of English for Academic Purposes. 2010. № 9(1). P. 2–20. https://doi.org/10.1016/j.jeap.2010.01.001
4. Calle-Martín J., Lorente-Sánchez J. On the rise and diffusion of new intensifiers // Atlantis. 2021. № 43(2). P. 47–67. https://doi.org/10.28914/Atlantis-2021-43.2.03
5. Claridge C., Jonsson E., Kytö M. Intensifiers in late modern English: a sociopragmatic approach to courtroom discourse. Cambridge University Press, 2024.
6. Danilina E. A., Kizyan E. E., Maksimova D. S. Euphemisms in advertising discourse: putting on a positive face and maintaining speech etiquette // Training, Language and Culture. 2019. № 3(1). P. 8–22. https://doi.org/10.29366/2019tlc.3.1.1

7. Erman B. Cognitive processes as evidence of the idiom principle // International Journal of Corpus Linguistics. 2007. № 12(1). P. 25–53. https://doi.org/10.1075/ijcl.12.1.04erm
8. Funke N., Bernaisch T. Intensifying and downtoning in South Asian Englishes: empirical perspectives // English World-Wide. 2022. № 43(1). P. 33–65. https://doi.org/10.1075/eww.21064.fun
9. Ghesquière L. “A good deal of intensity”: on the development of degree and quantity modifier “good” // Journal of English Linguistics. 2021. № 49(2). P. 159–181. https://doi.org/10.1177/0075424220980046
10. Gisle A. Phraseology in a cross-linguistic perspective: a diachronic and corpus-based account // Corpus Linguistics and Linguistic Theory. 2022. № 18(2). P. 365–389. https://doi.org/10.1515/cllt-2019-0057
11. Grishechko E. G. Language and cognition behind simile construction: a Python-powered corpus research // Training, Language and Culture. 2023. № 7(2). P. 80–92. https://doi.org/10.22363/2521-442X-2023-7-2-80-92
12. Grishechko E. G., Tomalin B. Cognitive engagement in scientific writing: empirical evidence on research data processing variation // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2025. № 11(2). P. 54–79. https://doi.org/10.18413/2313-8912-2025-11-2-0-3
13. Hennoste T., Prillop K., Habicht K. Downtoners and intensifiers in different registers: the case of Estonian // Journal of Uralic Linguistics. 2024. № 3(2). P. 158–185. https://doi.org/10.1075/jul.00029.hen
14. Hřebačková M. Teaching intercultural communicative competence through virtual exchange // Training, Language and Culture. 2019. № 3(4). P. 8–17. https://doi.org/10.29366/2019tlc.3.4.1
15. Hunston S., Thompson G. Evaluation in text: authorial stance and the construction of discourse. Oxford University Press, 2000.
16. Hyland, K. Perspective and hedging in discourse // Hedging in scientific research articles. John Benjamins Publishing Company, 2011. P. 38–80.
17. Hyland K. Disciplinary discourses: writer stance in research articles // Writing: texts, processes and practices. Routledge, 2014. P. 99–121. https://doi.org/10.4324/9781315840390

18. Hyland K. English for academic purposes and discourse analysis // The Routledge handbook of discourse analysis. Routledge, 2023. P. 509–521. https://doi.org/10.4324/9781003035244
19. Hyland K., Wang W., Jiang F. K. Metadiscourse across languages and genres: an overview // Lingua. 2022. № 265. P. 103205. https://doi.org/10.1016/j.lingua.2021.103205
20. Hyland K., Zou H. J. “I believe the findings are fascinating”: stance in three-minute theses // Journal of English for Academic Purposes. 2021. № 50. P. 100973. https://doi.org/10.1016/j.jeap.2021.100973
21. Ismail X., Shima T., Mohammad Q., Azadeh E. Academic vocabulary in applied linguistics research articles: a corpus-based study // Journal of Language and Education. 2022. № 8(2). P. 154–164. https://doi.org/10.17323/jle.2022.13420
22. Ito R., Tagliamonte S. Well weird, right dodgy, very strange, really cool: layering and recycling in English intensifiers // Language in Society. 2003. № 32(2). P. 257–279. https://doi.org/10.10170S0047404503322055
23. Malyuga E., Maksimova D., Ivanova M. Cognitive and discoursive features of speech etiquette in corporate communication // International Journal of English Linguistics. 2019. № 9(3). P. 310–318. https://doi.org/10.5539/ijel.v9n3p310
24. Malyuga E. N. A corpus-based approach to corporate communication research // Russian Journal of Linguistics. 2023. № 27(1). P. 152–172. https://doi.org/10.22363/2687-0088-33561
25. Malyuga E. N., McCarthy M. “No” and “net” as response tokens in English and Russian business discourse: in search of a functional equivalence // Russian Journal of Linguistics. 2021. № 25(2). P. 391–416. https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-391-416
26. Mansouri S., Boroujeni S. S. A contrastive study of boosters in a corpus of academic spoken English // BELT – Brazilian English Language Teaching Journal. 2023. № 14(1). P. e45028–e45028. https://doi.org/10.15448/2178-3640.2023.1.45028
27. Méndez-Naya B. On the history of downright // English Language & Linguistics. 2008. № 12(2). P. 267–287. https://doi.org/10.1017/S1360674308002621
28. Nasibullo Q. Intensification expressed through lexical devices in English // International Journal of Science and Technology. 2025. № 2(7). P. 12–14. https://doi.org/10.70728/tech.v2.i07.004

29. O'Flynn J. Lexical bundles in the academic writing of the Arts and Humanities: from corpus to CALL // Yearbook of Phraseology. 2022. № 13(1). P. 81–108. https://doi.org/10.1515/phras-2022-0006
30. Paquot M., Granger S. Formulaic language in learner corpora // Annual Review of Applied Linguistics. 2012. № 32. P. 130–149. https://doi.org/10.1017/S0267190512000098
31. Paradis C. Configurations, construals and change: Expressions of degree // English Language & Linguistics. 2008. № 12(2). P. 317–343. https://doi.org/10.1017/S1360674308002645
32. Popova K. V. Persuasion strategy in online social advertising // Training, Language and Culture. 2018. № 2(2). P. 55–65. https://doi.org/10.29366/2018tlc.2.2.4
33. Salager-Meyer F. Procrustes' recipe: Hedging and positivism // English for Specific Purposes. 2000. № 19(2). P. 175–187. https://doi.org/10.1016/S0889-4906(99)00022-8
34. Schweinberger M. Absolutely fantastic and really really good: language variation and change in Irish English // Expanding the landscapes of Irish English research. Routledge, 2021. P. 129–145. https://doi.org/10.4324/9781003025078
35. Sinclair J. Corpus, concordance, collocation. Oxford University Press, 1991.
36. Smirnova E. A., Pérez-Guerra J. Do formal stance strategies reveal disciplinary variation in professional scientific writing? // International Journal of Applied Linguistics. 2025. № 35(3). P. 1242–1261. https://doi.org/10.1111/ijal.12694
37. Stratton J. M. 'That's proper cool': the emerging intensifier proper in British English // English Today. 2021. № 37(4). P. 206–213. https://doi.org/10.1017/S0266078420000036
38. Tagliamonte S. A. So different and pretty cool! Recycling intensifiers in Toronto, Canada // English Language & Linguistics. 2008. № 12(2). P. 361–394. https://doi.org/10.1017/S1360674308002669
39. Thompson G., Alba-Juez L. Evaluation in context. John Benjamins Publishing Company, 2014.
40. Vartiainen T. Trends and recent change in the syntactic distribution of degree modifiers: implications for a usage-based theory of word classes // Journal of English Linguistics. 2021. № 49(2). P. 228–251. https://doi.org/10.1177/0075424221991631

References

Ädel, A., & Erman, B. (2012). Recurrent word combinations in academic writing by native and non-native speakers of English: A lexical bundles approach. *English for Specific Purposes, 31*(2), 81–92. https://doi.org/10.1016/j.esp.2011.08.004

Adrefiza, A., Jones, J., & Sulistiyo, U. (2025). Cross-cultural study of intensifiers in face-threatening situations: A gender perspective in English and Bahasa Indonesia. *Training, Language and Culture*, *9*(1), 28–38. https://doi.org/10.22363/2521-442X-2025-9-1-28-38

Biber, D., & Gray, B. (2010). Challenging stereotypes about academic writing: Complexity, elaboration, explicitness. *Journal of English for Academic Purposes, 9*(1), 2–20. https://doi.org/10.1016/j.jeap.2010.01.001

Calle-Martín, J., & Lorente-Sánchez, J. (2021). On the rise and diffusion of new intensifiers. *Atlantis, 43*(2), 47–67. https://doi.org/10.28914/Atlantis-2021-43.2.03

Claridge, C., Jonsson, E., & Kytö, M. (2024). *Intensifiers in late modern English: A sociopragmatic approach to courtroom discourse.* Cambridge University Press.

Danilina, E. A., Kizyan, E. E., & Maksimova, D. S. (2019). Euphemisms in advertising discourse: Putting on a positive face and maintaining speech etiquette. *Training, Language and Culture, 3*(1), 8–22. https://doi.org/10.29366/2019tlc.3.1.1

Erman, B. (2007). Cognitive processes as evidence of the idiom principle. *International Journal of Corpus Linguistics, 12*(1), 25–53. https://doi.org/10.1075/ijcl.12.1.04erm

Funke, N., & Bernaisch, T. (2022). Intensifying and downtoning in South Asian Englishes: Empirical perspectives. *English World-Wide, 43*(1), 33–65. https://doi.org/10.1075/eww.21064.fun

Ghesquière, L. (2021). "A good deal of intensity": On the development of degree and quantity modifier "good". *Journal of English Linguistics, 49*(2), 159–181. https://doi.org/10.1177/0075424220980046

Gisle, A. (2022). Phraseology in a cross-linguistic perspective: A diachronic and corpus-based account. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory, 18*(2), 365–389. https://doi.org/10.1515/cllt-2019-0057

Grishechko, E. G. (2023). Language and cognition behind simile construction: A Python-powered corpus research. *Training, Language and Culture, 7*(2), 80–92. https://doi.org/10.22363/2521-442X-2023-7-2-80-92

Grishechko, E. G., & Tomalin, B. (2025). Cognitive engagement in scientific writing: Empirical evidence on research data processing variation. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics, 11*(2), 54–79. https://doi.org/10.18413/2313-8912-2025-11-2-0-3

Hennoste, T., Prillop, K., & Habicht, K. (2024). Downtoners and intensifiers in different registers: The case of Estonian. *Journal of Uralic Linguistics, 3*(2), 158–185. https://doi.org/10.1075/jul.00029.hen

Hřebačková, M. (2019). Teaching intercultural communicative competence through virtual exchange. *Training, Language and Culture, 3*(4), 8–17. https://doi.org/10.29366/2019tlc.3.4.1

Hunston, S., & Thompson, G. (Eds.). (2000). *Evaluation in text: Authorial stance and the construction of discourse.* Oxford University Press.

Hyland, K. (2011). Perspective and hedging in discourse. In K. Hyland (Ed.), *Hedging in scientific research articles* (pp. 38–80). John Benjamins Publishing Company.

Hyland, K. (2014). Disciplinary discourses: Writer stance in research articles. In C. N. Candlin & K. Hyland (Eds.), *Writing: Texts, processes and practices* (pp. 99–121). Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315840390

Hyland, K. (2023). English for academic purposes and discourse analysis. In M. Handford & J. P. Gee (Eds.), *The Routledge handbook of discourse analysis* (pp. 509–521). Routledge. https://doi.org/10.4324/9781003035244

Hyland, K., Wang, W., & Jiang, F. K. (2022). Metadiscourse across languages and genres: An overview. *Lingua, 265,* Article 103205. https://doi.org/10.1016/j.lingua.2021.103205

Hyland, K., & Zou, H. J. (2021). "I believe the findings are fascinating": Stance in three-minute theses. *Journal of English for Academic Purposes, 50,* Article 100973. https://doi.org/10.1016/j.jeap.2021.100973

Ismail, X., Shima, T., Mohammad, Q., & Azadeh, E. (2022). Academic vocabulary in applied linguistics research articles: A corpus-based

study. *Journal of Language and Education, 8*(2), 154–164. https://doi.org/10.17323/jle.2022.13420

Ito, R., & Tagliamonte, S. (2003). Well weird, right dodgy, very strange, really cool: Layering and recycling in English intensifiers. *Language in Society, 32*(2), 257–279. https://doi.org/10.10170S0047404503322055

Malyuga, E., Maksimova, D., & Ivanova, M. (2019). Cognitive and discoursive features of speech etiquette in corporate communication. *International Journal of English Linguistics, 9*(3), 310–318. https://doi.org/10.5539/ijel.v9n3p310

Malyuga, E. N. (2023). A corpus-based approach to corporate communication research. *Russian Journal of Linguistics, 27*(1), 152–172. https://doi.org/10.22363/2687-0088-33561

Malyuga, E. N., & McCarthy, M. (2021). "No" and "net" as response tokens in English and Russian business discourse: In search of a functional equivalence. *Russian Journal of Linguistics, 25*(2), 391–416. https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-391-416

Mansouri, S., & Boroujeni, S. S. (2023). A contrastive study of boosters in a corpus of academic spoken English. *BELT – Brazilian English Language Teaching Journal, 14*(1), e45028–e45028. https://doi.org/10.15448/2178-3640.2023.1.45028

Méndez-Naya, B. (2008). On the history of downright. *English Language & Linguistics, 12*(2), 267–287. https://doi.org/10.1017/S1360674308002621

Nasibullo, Q. (2025). Intensification expressed through lexical devices in English. *International Journal of Science and Technology, 2*(7), 12–14. https://doi.org/10.70728/tech.v2.i07.004

O'Flynn, J. (2022). Lexical bundles in the academic writing of the Arts and Humanities: From corpus to CALL. *Yearbook of Phraseology, 13*(1), 81–108. https://doi.org/10.1515/phras-2022-0006

Paquot, M., & Granger, S. (2012). Formulaic language in learner corpora. *Annual Review of Applied Linguistics, 32,* 130–149. https://doi.org/10.1017/S0267190512000098

Paradis, C. (2008). Configurations, construals and change: Expressions of degree. *English Language & Linguistics, 12*(2), 317–343. https://doi.org/10.1017/S1360674308002645

Popova, K. V. (2018). Persuasion strategy in online social advertising. *Training, Language and Culture, 2*(2), 55–65. https://doi.org/10.29366/2018tlc.2.2.4

Salager-Meyer, F. (2000). Procrustes' recipe: Hedging and positivism. *English for Specific Purposes, 19*(2), 175–187. https://doi.org/10.1016/S0889-4906(99)00022-8

Schweinberger, M. (2021). Absolutely fantastic and really really good: Language variation and change in Irish English. In S. Lucek & C. P. Amador-Moreno (Eds.), *Expanding the landscapes of Irish English research* (pp. 129–145). Routledge. https://doi.org/10.4324/9781003025078

Sinclair, J. (1991). *Corpus, concordance, collocation.* Oxford University Press.

Smirnova, E. A., & Pérez-Guerra, J. (2025). Do formal stance strategies reveal disciplinary variation in professional scientific writing? *International Journal of Applied Linguistics, 35*(3), 1242–1261. https://doi.org/10.1111/ijal.12694

Stratton, J. M. (2021). 'That's proper cool': The emerging intensifier proper in British English. *English Today, 37*(4), 206–213. https://doi.org/10.1017/S0266078420000036

Tagliamonte, S. A. (2008). So different and pretty cool! Recycling intensifiers in Toronto, Canada. *English Language & Linguistics, 12*(2), 361–394. https://doi.org/10.1017/S1360674308002669

Thompson, G., & Alba-Juez, L. (Eds.). (2014). *Evaluation in context. John* Benjamins Publishing Company.

Vartiainen, T. (2021). Trends and recent change in the syntactic distribution of degree modifiers: Implications for a usage-based theory of word classes. *Journal of English Linguistics, 49*(2), 228–251. https://doi.org/10.1177/0075424221991631

УДК 81
https://doi.org/10.25076/vpl.60.04
Т.А. Ивушкина[4]
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

К ВОПРОСУ О «ВЫСОКОМ» ЯЗЫКЕ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Статья рассматривает «высокий» язык в кросс-культурном и семиотическом аспекте с целью выявить универсальные и культурно-специфические особенности его проявления, что определяет новизну и актуальность исследования. Материалом послужили анкеты представителей Японии, Гонконга, Таиланда, Бразилии и Сенегала, участников IX международной конференции по языку и литературе, построенные на категории индексальности Бухольц и Холл: 1) открытое упоминание идентификационных категорий и ярлыков и 2) импликации и презумпции, касающиеся идентичности человека. Описательный, типологический и сравнительный методы анализа ответов позволили обозначить узнаваемость социальных различий во всех странах и чувствительность к ним респондентов. «Высокий» язык проявляет себя как язык, лексически и грамматически сигнализирующий о статусе высших классов общества посредством вежливых форм обращения, отдельных слов, званий и титулов, суффиксов, профессиональных и академических позиций и правильной речи.

Отмечается влияние глобализации XX1 века на большинство стран и высокий статус английского языка для Гонконга, Таиланда и Японии, французского и португальского для бывших колоний Сенегала и Бразилии. А также повышение роли национальных языков, которые служат лингва франка, объединяющим страну с

---

[4] © **Ивушкина Т.А.** 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License https://creativecommons.org/licenses/by/4.0

многочисленными региональными языками, как Бразилия и Сенегал. Велика роль невербальных средств в выражении статуса во всех представленных культурах. Исследование в сопоставлении с английской культурой высших классов проводится впервые, оно имеет теоретическую и практическую значимость для кросс-культурного изучения «высокого» языка и статуса.

Ключевые слова: анкетирование, участники конференции, идентичность, статус, лексические маркеры статуса, двуязычие, вербальные и невербальные средства, переключение кодов

UDC 81
https://doi.org/10.25076/vpl.60.04
T.A. Ivushkina
MGIMO University

ON THE QUESTION OF «HIGH» LANGUAGE: CROSS-CULTURAL APPROACH

The article examines the "high" language in a cross-cultural and semiotic aspect to identify the universal and culturally specific features of its manifestation, which determines the novelty and relevance of the research. The questionnaires from representatives of Japan, Hong Kong, Thailand, Brazil, and Senegal, participants in the IX International Conference on Language and Literature, are based on the Bucholz and Hall indexicality categories: 1) open mention of identification categories and labels, and 2) implications and presumptions concerning human identity. Descriptive, typological, and comparative methods of analyzing responses have identified the recognizability of social differences and the respondents' sensitivity to them. The "high" language manifests itself as a language that lexically and grammatically signals a high status of a speaker through polite forms of address, individual words, titles and suffixes, and correct speech. The impact of 21st-century globalization on most countries and the high status of English for Hong Kong, Thailand and partly Japan, French and Portuguese for the former colonies of Senegal and Brazil are noted. As well as the increasing role of national languages, which serve as the lingua franca for the countries with numerous regional languages such as Brazil and Senegal. The role of non-verbal means in expressing status is great in all represented

cultures. The study in comparison with the English culture of the upper classes is being conducted for the first time; it has theoretical and practical significance for the cross-cultural study of the "high" language and status.

Keywords: survey, conference participants, identity, status, lexical status markers, bilingualism, verbal and non-verbal means, code switching

Введение

Вопрос о «высоком» и «низком» стилях языка не является чем-то новым: в России он своими корнями уходит во времена М.В. Ломоносова, его теорию о трех штилях, которая была изложена в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» (1758) к «Собранию разных сочинений в стихах и в прозе господина коллежского советника Михаила Ломоносова» (1757–1759) (Ломоносов, 1952).

В своем «Предисловии» М.В. Ломоносов выделил *высокий штиль*, штиль героических поэм, од, торжественных ораторий, в которых затрагивались возвышенные темы государства, религии и героизма с использованием церковно-славянского и русского языков и не допускающих разговорные и иностранные слова; *средний штиль* – стиль драмы, сатиры, трагедии и торжественных ораторий, занимающий промежуточное положение между высоким и низким штилем и объединяющий высокую литературу с повседневной речью посредством славянизмов и русских слов, а также ограниченного количества иностранных слов; и *низкий штиль*, характерный для комедий, сказок, эпиграмм, песен и личных писем, отражающий повседневную жизнь и юмор и понятный для всех благодаря повседневному языку, разговорным словам и минимальному использованию славянизмов. Грамматика и синтаксис, писал Ломоносов, адаптируются к каждому из стилей: высокий стиль отличается сложной риторической структурой, а низкий – простотой синтаксических конструкций. Именно М.В. Ломоносов создал ту научную базу, на которой до сих пор развиваются теории стилей языка в России.

В британской культуре основу теории о стилях заложили несколько выдающихся личностей, которые сыграли роль, подобную роли М.В. Ломоносова. Это Джонатан Свифт (1667-

1745), который боролся за чистоту языка: его памфлет “A Proposal for Correcting, Improving and Ascertaining the English Tongue” (1712) (Swift, 2001) был прямым призывом к созданию «высокого стиля», особенно в литературе и государственных делах. Это Сэмюель Джонсон (1709-1784), создатель первого словаря английского языка “A Dictionary of the English Language” (1755) (Johnson, 1785), в котором он закрепил стилистическую дифференциацию английской лексики, зафиксировал орфографию, произношение и использование слов, а также ратовал за средний стиль – не слишком высокопарный и не вульгарный − для очерков и моральной философии. И Джордж Путтенхем (1529-1590), в более ранний период в своей работе “The Arte of English Poesie” (1589) (Puttenham, 1589), выделивший три стиля – высокий (для эпической поэзии и трагедии), средний стиль (для дидактической поэзии и истории) и низкий стиль (для пасторалей, комедии и сатиры). А в защиту простого научного стиля (среднего стиля) в своей «Истории Королевского общества» (“History of the Royal Society”) (1667) выступил Thomas Sprat (1635–1713) (Sprat, 1667).

Теория штилей имеет огромное значение и сохраняет свою актуальность сегодня, когда мы говорим о «высоком» языке, имеющем «явный престиж», и языке со «скрытым» престижем. Термины «явный» и «скрытый» престиж были введены Уильямом Лабовым еще в 1966 году в своей книге *The Social Stratification of English in New York City* (Labov, 2006): «явный престиж» ассоциируется со стандартом, литературным английским языком, официальным языком, а «скрытым престижем» наделены многочисленные диалекты, неформальный язык, которые имеют силу объединять, выражать чувство солидарности, сопричастности и непринужденности в общении, определять «своего» и видеть «чужого».

Изучение языковой ситуации в разных странах, не только и не столько в Великобритании, но на ее основе и в сравнении с ней, позволяет шире взглянуть на происходящие изменения в вопросе престижности / непрестижности языка и увидеть общие тенденции в его определении.

Принципиально важными вопросами для подобного исследования является вопрос переключения кодов (этот термин был впервые введен Эйнар Хауген в 50-х годах прошлого столетия

в своей работе *Bilingualism in the Americas: A Study and Bibliography* (1956) (Haugen, 2003) для описания смены языков в устной речи), а также вопрос об эндогенных и экзогенных процессах − выдвижении престижного, «высокого» языка из существующих в стране диалектов и вариантов или привнесение его извне. В лингвистике эти процессы активно развивал выдающийся советский языковед А.А. Реформатский, особенно в области морфологии и словообразования (Реформатский, 1996), а также В.В. Виноградов (Виноградов, 1986), и др. В Великобритании RP свидетельствует об эндогенных процессах, но при большом влиянии языков извне – норманнское завоевание в течение более трехсот лет оказывало сильное воздействие на развитие литературного языка высокого штиля, привнося в него большое количество французской лексики, а через французский язык − латинской и греческой лексики, которые являются неотъемлемой частью «высокого» стиля.

Переключение кодов служит яркой чертой социальной идентификации, средством социальной адаптации носителей языка и достижения разных целей. Этот процесс подтверждается примерами из художественной литературы, когда типичный представитель высших классов, Декстер, герой романа Дэвида Николс (David Nicholls) *One Day* (Nicholls, 2009), начав работать на телевидении для молодежной аудитории, отказывается от RP, на котором он обучался в престижном университете и говорит; чтобы завоевать популярность у своей целевой аудитории, он переключается на местный сленг или диалект.

В разговоре со своей девушкой Эммой, представительницей средних классов, они обсуждают вопрос об использовании языковой формы.

> ‘It’s not going to change you, is it?’
> ‘What?’
> ‘Being very, very, very, very slightly famous.’
> ‘I hate that word. “Famous”.’
> ‘Oh and what would you prefer? “Well known”.’
> ‘How about “notorious”? How about “annoying”?’
> ‘Leave it out, will ya?’
> ‘And you can drop that now, please?’
> ‘What?’

‘The cockney accent. You went to Winchester College for Christ’s sake.’
‘I don’t do a cockney accent.’
‘When you’re being Mr. TV you do. You sound like you’ve left your whelk stall to go and do this ‘ere fancy telly programme.'
‘You’ve got a Yorkshire accent!’
‘Because I’m *from* Yorkshire!
Dexter shrugged. ‘I’ve just got to talk like that, otherwise it alienates the audience.’ (D. Nichols, p. 78)

Приведенный отрывок не только объясняет природу противоречий между разными социальными группами, вызванными культурными различиями, но и процессы, происходящие сегодня на радио и телевидении − многочисленные акценты дикторов, недопустимые еще десять-двадцать лет назад на ведущих каналах радио и телевидения, а также разрушение стереотипа о неизменяемости акцента высших классов. Отрывок из романа свидетельствует также о том, что переключение кодов характерно и для социально привилегированных слоев британского общества, и они им успешно пользуются в своих личных и профессиональных целях для достижения популярности среди социальной группы людей, говорящей на диалекте или сленге. Вспоминаются слова Дианы Бивер, лингвиста и представительницы высших классов Великобритании, у которой много лет тому назад брала интервью и задала ей вопрос об использовании французского языка в речи представителей высших классов, на который она ответила следующее: «когда мы хотим быть формальными, мы переключаемся на французский язык, а когда мы хотим быть неформальными, переходим на немецкий язык». Переключение кодов – это всегда показатель образованности и высокого статуса. Социальная дифференциация персонажей в приведенном отрывке также передается посредством лексики – прилагательного *famous* с наречием *very*, употребленным несколько раз для усиления его значения (характерно для речи высших классов Великобритании), вызвавшего раздражение у Эммы.

Литература отражает и противоположную тенденцию. Когда представитель средних классов, рассказчик романа Charles Jennings *People Like Us: A Season Among the Upper Classes* (Jennings, 1999),

страстно желая стать частью высокого привилегированного общества, подражает речи высших классов, изучает особенности произношения и лексику, получившую название U-words (Ross, 2002), (Ivushkina, 2016, 2016(a), 2016(b), 2017, 2020, 2020(a), 2023), но вскоре понимает: чтобы стать «своим» в этом закрытом обществе, надо было им родиться. Разочарование вызывает у рассказчика саркастическое и даже негативное отношение к высшему обществу, пронизывающее нарратив всего романа стилистически сниженной, пренебрежительной и даже оскорбительной лексикой. Интересным представляется следующий отрывок из этого романа:

> …class observations is a process of relativities – to the extent that the class into which we put ourselves tends to shift up and down in relation to that of the people with whom we're attempting some sort of social *transaction*. Thus, when I left Oxford, I thought I was socially really rather special. I didn't go as far as to carry around a shagged teddy bear (*Brideshead Revisited* was going through one of its periodical rediscoveries), but I worked quite hard at pretending to be a posh young git. This madness persisted, on and off, for several years, until I – fleetingly – went out with a girl whose mother had been mentioned by Nancy Mitford (daughter of Lord Redesdale) in the acknowledgements for her book *The Sun King.* The moment I entered her family home, I felt like someone who'd come to read the gas meter. Introduce me to a cabbie, in other words, and I feel helplessly upper-middle, refined, establishment. Introduce me to someone with a mention in *Debrett's* and one of *those voices* and I feel like a cabbie. (Ch. Jennings, p.16-17)

Социальная трансакция – так рассказчик передает очень сложный и относительный характер статуса, зависящий от положения собеседника, по отношению к которому и происходит смещение социального положения «вверх» или «вниз», определяемое целым комплексом незаметных и очень тонких вербальных и невербальных признаков, в числе которых и голос, который невозможно «приобрести». The voice was a voice I could imitate but never get right. (Ch. Jennings, p. 35)

Методология

В основу представленного исследования легли результаты анкетирования представителей пяти культур − Японии, Таиланда, Сенегала, Бразилии и Гонконга, женского пола, в возрасте от 25 до 50 лет. Все респонденты − преподаватели университетов с высшим образованием, с разным уровнем научной квалификации, участники 9 международной конференции по языку и литературе, проходившей в Японии 15-17 июля 2025 года. Анкетирование проводилось после представления автором статьи доклада о социолингвистических особенностях речи высших классов Великобритании через призму художественной литературы XX1 века и затрагивало вопросы, связанные с проявлением социальной привилегированности на разных уровнях языка – вербальных и невербальных, эксплицитных и имплицитных. Анкетирование было ограничено во времени – на него отводился 1 час 15 минут, и его целью было выявление универсальных и культурно-специфических средств выражения высокого статуса в представленных культурах. Включенные в анкетирование вопросы базировались на принципе индексальности Bucholtz and Hall, на положенных в основу изучения идентичности принципах, которые отражены авторами в работе *Identity and Interaction: A sociocultural linguistic approach* (Bucholtz & Hall, 2005). Принцип индексальности включает в себя 4 категории выражения социального статуса говорящего: 1 − открытое упоминание идентификационных категорий и ярлыков; 2 – импликации и презумпции, касающиеся собственной идентичности или позиции другого человека; 3 – выраженная оценочная или эпистемологическая ориентации в ходе текущей беседы, а также основы взаимодействия и определенные роли; 4 – лингвистические структуры и системы, идеологически связанные с определенными личностями или группами. Из-за больших языковых и культурных различий участников конференции и ограниченного времени в анкету были включены вопросы первой и второй категории, включающие в себя явные формы проявления социальной привилегированности посредством языка, и имплицированные формы выражения социальной идентичности, в том числе и невербальные. Ответы на эти вопросы и послужили материалом для анализа «высокого» языка в культурах респондентов на фоне английского языка и особенностей

проявления социальной привилегированности в британской культуре.

Результаты анкетирования позволяют сделать небольшой набросок лингвистической картины в каждой из этих стран и в сопоставлении, и ответить на вопрос: что такое язык высокого статута, или высокого штиля, сегодня.

Результаты анкетирования

Анкетирование участников международной конференции по языку и литературе, представителей пяти стран − Японии, Таиланда, Сенегала, Бразилии и Гонконга, было построено на вопросах, опирающихся на принципы индексальности Бухольц и Холл (Bucholtz and Hall, 2005), на первую и вторую категорию, включающие эксплицитные и имплицитные формы выражения социальной характеристики.

Рассмотрим каждую из них.

1. *Эксплицитные формы выражения статуса*

В эту категорию анкетирования вошло несколько вопросов, а именно: *На каком языке вы говорите? В чем ярче всего проявляются социальные различия?*

Все респонденты указали языки, на которых они говорят (более двух языков), и все отметили проявление социальных различий в своих языках. Ярче всего они отмечаются в использовании кантонского языка (респондент из Гонконга), в демонстрации вежливости конкурирующих между собой женщин Японии; в позиционировании себя в Таиланде, как отличительном и имеющем сходство с Великобританией признаком. В Португалии отличительными признаками статуса является одежда и характерное словоупотребление, а в Сенегале − снобистская манера говорить по-французски, вежливый и спокойный голос, а также украшения.

На вопрос: *Как язык проявляет высокий социальный статус в вашей культуре?*

Все респонденты отметили, что язык является показателем высокого статуса. Респонденты из Таиланда и Японии подчеркнули имеющееся в выражении статуса сходство с Великобританий.

Являясь, как и Великобритания, монархическим государством, аристократическое положение в обществе Таиланда передается с помощью суффикса − *Khun*, введенного в 1932 году и

используемого по сей день для обозначения дворянства, подобно *Mr., Mrs., Ms*. в английском языке; *Than*, подобно английским *Your Excellency or Honorable* (Ваше превосходительство и достопочтенный), используется исключительно в отношении людей очень высокого статуса, а самые богатые слои общества в Таиланде обозначаются словом 'Hi-So' − высшее общество (High Society). «Наверху» социальной лестницы находятся также профессиональные и академические позиции: профессор, доктор, руководители высшего звена и высокопоставленные государственные чиновники.

В Японии сходная ситуация: индикатором высшего сословия является суффикс -*san* (Mr., Mrs., Ms.), а в официальной ситуации -*sama*. Но в целом иерархические отношения имеют более ситуационное выражение, они основаны на уважении к возрасту, статусу и положению. В Японии используются и разные стили в сложной системе почтительной речи кейго, формирующей основу японского этикета, в которой выделяется Respectful language − Sonkeigo (Почтительный язык, превозносящий вышестоящего), Humble language − Kenjōgo (Скромный, или самоуничижительный язык, используемый в описании своих действий и работы) и Polite language – Teineigo (Вежливый язык), более нейтральный и узнаваемый по окончаниям -masu и -desu. Но еще бóльшую роль в проявлении уважения играют тонкие невербальные средства, такие как поступки и поклоны, глубина и продолжительность которых зависит от социального статуса. Следует особо подчеркнуть роль невербальных средств в передаче социального статуса в Японии.

В Великобритании, с которой сравнивают свои государства представители Таиланда и Японии, эксплицитным выражением высокого статуса являются титулы (*knightly class, titles landowners, baronets, grandee, peers, privileged classes, an earl,* etc.), часто используемые с именами собственными (*the Queen Mother, Princess Diana, Duke of Edinburgh,* etc.), а также названия элитных университетов, которые доступны далеко не для всех и которые готовят элиту британского общества (*Oxbridge, Eton, Harrow, Cambridge,* etc.). Респондент из Японии назвала Королевскую семью и членов королевской семьи, а из Таиланда отметила, что высшая прослойка общества лексически обозначается приставкой *Khun*, аналогом Mr., Mrs., и Ms. В Сенегале существуют

привилегированные касты. Что касается университетов, то почти все респонденты отметили, что получение образования в западных университетах очень престижно, оно повышает возможности выпускника как в устройстве на работу, так и в дальнейшем профессиональном и социальном росте. Респондент из Бразилии подчеркнула, что западное образование могут себе позволить только привилегированные слои общества.

Конечно, язык высших классов Великобритании отличает словарь, который обозначается как U-words (термин, впервые введенный и употребленный Аланом Россом, Нэнси Митфорд и Ивлинг Во в книге “Noblesse Oblige” в 1956 году). Из-за больших языковых различий, представленных респондентами анкетирования, провести параллели не представлялось возможным.

Интересным был ответ представителя Гонконга, которая провела социальные и статусные различия по линии «свой» − «чужой», то есть между теми, кто чисто говорят на кантонском диалекте, и теми, кто говорят на кантонском диалекте с акцентом. Следует напомнить о единой для кантонского, шанхайского диалекта и мандарин, или путунхуа, иероглифической системе, общей для их разных произносительных норм, но непонятной друг для друга. Социальная дифференциация, согласно респонденту, проходит по линии произношения и акцента, вызывающего у «не своих» большие трудности в ассимиляции и овладении кантонским диалектом, что позволяет местным жителям называть их «чужими» и даже над ними подшучивать. Английский язык, привнесенный извне, в результате экзогенных процессов, выступает наравне с официальным как язык бизнеса, юриспруденции, образования и науки, и, конечно, как язык международного общения, наделяя и гонконгца чертами образованного и преуспевающего человека. Одновременно поднимается в статусе и мандарин, или путунхуа, как язык все более бурно развивающегося бизнеса в материковой части Китая и предоставляющий большие возможности для гонконгца. В связи со сложившейся языковой ситуацией переключение языковых кодов рассматривается как статусное проявление. В языке статус отражается титулами ‘sin saang’ (Mr.), ‘sui ze’ (Ms.) и ‘taai taai’ (Ms.), а также званиями ‘доктор', 'профессор' и частицей *nei,* которая выражает почтение при обращении к старшим по возрасту и положению.

Бразилия отличается от других стран своей расовой историей. Разделяя с Португалией единый язык, она обладает и множеством региональных диалектов с разным статусом − как «высоким», так и «низким». В свои ответах респондент из Португалии отметила, что социальные различия в стране проходят между теми, «кто читают», и теми, «кто не читают», подчеркивая тем самым связь статуса с образованием. Социальный уровень бразильца определяется умением говорить на стандартном, португальском языке − правильно произносить слова, грамотно строить предложения и высказывать свои мысли, это и является основным показателем социального статуса. При многообразии диалектов в Бразилии, имеющих разный социальный статус, переключение языковых кодов и гибкость в их переключении рассматривается как определенный знак социального статуса, свидетельствующий об умении бразильца считывать контекст общения и говорить в определенном темпе в соответствии с ситуацией. В Бразилии так же, как и в английском языке, существуют обращения ‘Señor’ и ‘Señora’, соответствующие Mr., Mrs., Ms.

Сенегал отличается от упомянутых стран своей колониальной историей, что объясняет официальный статус французского языка в стране как языка власти и престижа, индекса образованности и социального статуса, а также разделения города и деревни. Национальным лингва франка, объединяющим всю страну с двадцатью местными языками, является Волоф. Привилегированное положение занимают элитные касты, которые имеют яркий невербальный язык статуса, проявляющийся в одежде и украшениях, которые они носят.

2.Вторая категория принципа индексальности включает в себя *имплицитные формы выражения статуса в культуре, как языковые, так и невербальные.*

Имплицитные формы выражения статуса связаны со знанием литературы, искусства, театра, знакомством с последними публикациями, вызывающими широкое обсуждение в своем кругу, что является отличительной характеристикой высших классов Великобритании. Литература всегда была системой кодирования статуса – она всегда проявляла уровень образования и социальный статус англичанина, его поведенческую модель. Умение тонко говорить о книгах и к месту, понимать аллюзии и демонстрировать

широкий, но избирательный вкус остается одним из признаков принадлежности к образованной и социально значимой прослойке общества. Среди представителей высших классов существует постоянный «набор» писателей и авторов, которые отражают систему ценностей и образ жизни высших классов общества и передают их последующим поколениям, таким образом ее сохраняя. Среди них: вышеназванные Алан Росс, Нэнси Митфорд и Ивлин Во, Джейн Остен и сестры Бронте, Элизабет Гаскелл и Бернард Шоу, Вирджиния Вульф, Уильям Мейкпис Теккерей, П.Г. Вудхаус, и многие другие. Знание классической литературы всегда демонстрируется в речи представителями высших классов. Например, в романе Джулиана Феллоуз встречаем следующий эпизод:

> We seemed to have gone from nought to a hundred miles an hour in less than two minutes. Damian had given the impression of a one-night stand, but, for Dagmar it was *Tristan and Isolde* (Fellowes, p.167).

Героиня романа *Past Imperfect* Дагмар сравнивается с персонажами из одного из ключевых рыцарских романов артуровского цикла о трагической истории запретной любви. Легенды о Короле Артуре и рыцарях Круглого стола всегда были обязательной литературой для образованного англичанина, своеобразным фундаментом образования. *Тристрам и Изольда* входит в обязательный набор культурных знаний аристократа. Дагмар сравнивается с Изольдой: предавшись запретной любви к Дамиану, она вынуждена была согласиться выйти замуж за другого из-за своей беременности и разделить свою жизнь с нелюбимым из другого социального круга, тем самым «потеряв себя».

В анкетах респондентов не было упоминания конкретных произведений и авторов, возможно, это объясняется языковыми различиями, однако участница из Японии отметила, что для высших классов и знати Японии существуют журналы, которые позволяют им узнавать и придерживаться «другого» стиля жизни. В Таиланде также существуют HISO (high-society) журналы для элиты, и к тому же тайская аристократия читает английские книги. Это характерно и для элиты Гонконга. Социальная дифференциация в Бразилии, как уже отмечалось выше, проходит по линии: «те, кто читают» и «те,

кто не читают». А представительница Сенегала ответа на этот вопрос не дала.

На вопрос: *Передаются ли социальные различия невербальными средствами? В одежде? В говорении?*

Все респонденты дали утвердительный ответ. Невербальная составляющая социальной идентичности занимает особое место, ярко проявляясь в высоко-контекстных культурах (термин введен американским антропологом Эдвардом Холлом в 1976 году в его книге «Вне культуры», в которой он высоко-контекстные культуры, где большая часть информации передается невербально (через контекст), противопоставляет низко-контекстной культуре, где информация передается напрямую вербально (Hall, 1978). Страны Юго-Восточной Азии относятся к первой категории.

Роль невербальной составляющей была отмечена всеми участниками анкетирования: особую роль в отражение статуса играет одежда, на которую указали все участники анкетирования. Язык одежды − очень яркий индикатор статуса, он несет важную информацию о статусе, и прежде всего, одежда известных брендов. Это отметили участники из Гонконга, Таиланда и Бразилии.

В Японии статус подчеркивается формальной одеждой для церемоний, а также движениями и поклонами разной глубины, выражающими почтительность; порядком прибытия и рассадкой гостей за столом во время собраний и совещаний; подарками – все имеет значение и выступает индикатором статуса. Представительница из Бразилии подчеркнула, что одежда должна выглядеть дорого, это должна быть брендовая (при этом не указала какие конкретно) и очень дорогая одежда. А в Сенегале элиты, касты, носят украшение, дорогую одежду, причем одежду, сшитую из дорогих тканей “Bazin” с потёртостями, что придает ей дорогой вид и свидетельствует о высоком статусе его обладателей.

Высшие классы Великобритании имеют свой социально выраженный вид, который описывается как незаметная безупречность – understated perfection. Это идеал, отражающий принцип «казаться, но не выделяться» и реализуется в идеально посаженном по фигуре костюме, сшитым у известного портного из натуральных тканей (твид, тонкая шерсть, кашемир, шелк) сдержанных тонов (хаки, темно-синий, бордовый, бутылочно-зеленый, серый в диапазоне от угольного до пепельного). Ярких

тонов может быть только спортивная одежда. Одежда носится строго в соответствии с контекстом и времени суток. Вот как были одеты аристократы на скачках в Эскот.

> …a morning suit is still a *remarkably standardised piece of clothing,* especially when there are thousands of them in one place, being worn by dukes, housebreakers and suburban dentists. I did spot a cleric in some *sort of bizarre Barchester Towers frockcoat and dog collar, to vary the tone*. And I also saw, in the Royal Enclosure, a tough-looking, thickset bloke with a beard and *an outfit of mildly distorted Teddy-boy drapes.* Otherwise, *everyone had been dressed by the same monomaniacal outfitters* (Moss Bros alone hired and fitted 300 morning suits on the Monday before Ascot) and the effect was a cross between Bond street, 1912, and China at the time of the cultural revolution (Ch. Jennings, p. 28).

Автором в несколько ироничной форме подчеркивается однотипность одежды, принятый стиль одежды для такого события.

Подобное описание мы находим у Чарльза Дженнингса и в следующем отрывке, где блеклость одежды одной из участниц светского события: серая бесцветная шляпка и светлое выгоревшее на солнце платье, которое когда-то было кремовым в пастельных и абрикосовых тонах от известного дизайна мистера Фредерика Фокса, подчеркивает высокий уровень присутствующих:

> She appeared to be nothing more than a *great pile of fag ash: colourless hat, grey hair, pallid complexion, white gloves, and yards of pale, features dress, bleached almost white in the hot afternoon sun.* She was, I later found out, wearing *printed cream by Mr Frederick Fox*, *with pastel apricot and green, but all this was lost in the heat*. (Ch. Jennings, p. 26)

Известный английский дизайнер Фредерик Фокс (1931-2013) обслуживал самых высокопоставленных особ королевского двора (он делал шляпки для Принца Чарльза и леди Дианы Спенсер, для Маргарет Тэтчер и звезд Голливуда). Имя дизайнера символизирует собой безупречный вкус и «правильное»

происхождение и указывает на высочайший уровень присутствующих на скачках особ, а также на традицию и принадлежность к элите общества.

Ярким символом английского аристократизма в одежде является твидовый пиджак, ношеный, слегка потертый как знак глубокий корней и уверенности, не нуждающейся в новизне: *tweeds and ties and headscarves* ("…they wore tweeds and ties and headscarves: the sort of clothes I'd only seen in period TV dramas"); *a tailcoat and a black top* ("He had the sort of tailcoat that looked too old to be hired, and a black top hat which he wore with a degree of frank, baronial confidence…"); *hand-tailored suits* ("…they wear manifestly hand-tailored suits, never quite fashionable, never quite unfashionable, emphasizing the traditional British pear shape of the well-bred male.") (Jennings).

А на главном балу «Лондонского сезона» − the Queen Charlotte's Birthday Ball (учрежденного в честь рождения королевы Шарлотты в 1870 году как благотворительное мероприятие для сбора средств для рожениц), где девушки из аристократических семей представлялись королевскому двору, был принят стиль, который воплощается в образе молодого аристократа в следующем отрывке:

> There was a dark-haired boy – twenty-six, maybe – next to her. He wore *white tie and tails and smoked a long cigarette*. (Ch. Jennings, p. 115)

Хотя королева Елизавета 11 отменила церемонию представления молодых девушек ко двору в 1958 году, посчитав ее устаревшей и чрезмерно эксклюзивной, Queen Charlotte's Ball продолжает существовать как благотворительное мероприятие, организуемые разными обществами, и также как светский раут с отголосками старого ритуала.

Конечно, интересно было бы провести параллели между представленными культурами и по линии социальных мероприятий, подобных описанным выше, но это будет предметом отдельного исследования в дальнейшем.

Заключение и выводы

Анкетирование представителей Японии, Гонконга, Таиланда, Бразилии и Сенегала в сопоставлении с результатами исследования «высокого» языка в Великобритании на материале британской

художественной литературы XX1 века, представленного автором статьи для сопоставительного кросс-культурного анализа, позволило отметить, прежде всего, наличие и узнаваемость социальных различий во всех странах и чувствительность к ним респондентов.

«Высокий» язык проявляет себя как язык, лексически и грамматически сигнализирующий о статусе высших классов общества посредством вежливых форм обращения, отдельных слов, званий и титулов, суффиксов, профессиональных и академический позиций и правильной речи. Высокий статус в Таиланде передается суффиксами *Khun* и *Than*, лексемами Hi-So, доктор, профессор; а в Японии суффиками *–san* и *–sama*, системой речи кейго, включающей Respectful language − Sonkeigo, Humble language − Kenjōgo и Polite language – Teineigo. В Гонконге − это «свой», говорящий на кантонском диалекте, и «чужой», говорящий на нем с акцентом; английский язык и мандарин, переключение языковых кодов, титулы ‘sin saang’ (Mr.), ‘sui ze’ (Ms.) and ‘taai taai’ (Ms.), доктор, профессор, и частица nei в обращении к старшему поколению. В Португалии социально маркируется оппозиция «те, кто читают» − «те, кто не читают». Колониальное прошлое Сенегала сохраняет статус французского как официального языка и Волоф как лингва франка, объединяющий страну. Переключение языковых кодов является маркером высокого статуса сенегальца. Невербальная коммуникация ярко проявляет социальный статус во всех странах.

Анкетирование также отразило влияние глобализации XXI века на большинство стран, на языковую картину в целом и на привнесение нового «высокого» языка в Гонконге и Таиланде, где знание английского языка рассматривается как один из «знаков» статуса. Английский язык воспринимается языком прогресса и возможностей, он открывает для жителей стран перспективы и возможности для социального и профессионального роста. В Сенегале и Бразилии, странах с колониальной историей, «высокими» языками остаются французский и португальский языки соответственно.

С другой стороны, очевиден и обратный процесс – повышение роли национальных языков, которые служат лингва франка,

объединяющим страну с многочисленными региональными языками, как в Бразилии и Сенегале.

Анкетирование позволяет провести параллель между культурами и прийти к выводу о том, что, как бы ни различались языки, на которых говорят в разных концах света, они все имеют много общего, а именно: во всех странах существуют языковые индикаторы языка «высокого штиля» – это принятый стандарт литературного языка, имеющий «явный престиж», который исторически закрепил за собой статус языка «высокого штиля» и ассоциируется с образованными слоями общества.

Социальные различия в языке проявляются на разных уровнях: на вербальном и невербальном, эксплицитном и имплицитном уровнях, в устной и письменной формах. Исторические, экономические и культурные факторы определяют фактор престижности/ непрестижности языка.

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. Пособие для вузов / Отв. Ред, Г.А. Золотова, 3-е изд. испр. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
2. Ивушкина Т.А. Лексические номинации как индексы социального и образовательного статуса // Научный диалог. 2020. №6. С. 68−80.
3. Ивушкина Т.А. Язык английской аристократии. Волгоград: Перемена, 1997. 157 с.
4. Ивушкина Т.А. U and Non-U words в зеркале современной английской литературы // Научный диалог. 2016. № 6(54). С. 42-53.
5. Ивушкина Т.А. Posh и Smart как индексы отношения к высшим классам. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016 (а). № 9-1(63). С. 101−104.
6. Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений /АН СССР. М.; Л., 1950-1983. Т. 7. Труды по филологии 1739-1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 585−592. [Электронный ресурс]. URL: https://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/lo7-5852.htm (дата обращения 01.12.2025)

7. Реформатский А.А. Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс. 1996. 536 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bsu.ru/content/page/1415/hecadem/reformatsky_aa/reformatsky.pdf (дата обращения 03.12.2025).
8. Bucholz M. K., Hall K. Identity and Interaction: A sociocultural linguistic approach // Discourse Studies. 2005. Vol. 7(4-5). Pp. 585-614. DOI: 10.1177/1461445605054407.
9. Jennings Ch. People Like Us A Season Among the Upper Classes. 1999. Abacus. 218 p.
10. Johnson S. A Dictionary of the English Language. 1785. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/dictionaryofengl01johnuoft (дата обращения 03.12.2025).
11. Hall E.T. General and Theoretical: Beyond Culture // American Anthropolist. Vol. 80 (2). 1978. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/264598286_General_and_Theoretical_Beyond_Culture_Edward_T_Hall (дата обращения 4.12.2025). DOI:10.1525/aa.1978.80.2.02a00330.
12. Haugen E. Bilingualism in the Americas: A Bibliography and Research Guide, by Einar Haugen. Publication of the American Dialect Society No. 26 (November 1956), 159 pp. Obtainable from the University of Alabama Press, Drawer 7877. University, Alabama. Published online by Cambridge University Press: 11 July 2016, [Электронный ресурс]. https://doi.org/10.1017/S0008413100025470 (дата обращения 05.12.2025).
13. Ivushkina T. Literature as the basis for social class studies // 5th Conference on Language, Literature & Linguistics. Annual International Conference proceedings 3L (Literature, Language and Linguistics). 2016 (b). Pp. 186−192.
14. Ivushkina T. Literary words of foreign origin as social markers in Jeffrey Archer's novels // Russian Journal of Linguistics. 2020 (a). V. 24. № 4. P. 816−830. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-816-830.
15. Ivushkina T. Social Implications of Borrowings: British-American Parallels Through Literature // Acta Universitatis Sapientiae. Philologia. 2023. № 15(3). P.1−16. DOI: 10.2478/ausp-2023-0024.

16. Ivushkina T. Words as Indices of social and cultural identity. // International Journal of Languages, Literature and Linguistics. 2017. Т. 3. № 3. P. 96−102.
17. Labov W. The Social Stratification in New York City. 2006. 2-ed. Cambridge University Press. P. 40−58.
18. Nicholls D. One Day. 2009. Vintage Books. 435 p.
19. Puttenham G. The Arte of English Poesie. 1589. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/bim_early-english-books-1475-1640_the-arte-of-english-poes_puttenham-george_1589 (дата доступа 05.12.2025).
20. Ross A. S.C., Mitford N. Noblesse oblige. 2002. 106p.
21. Sprat T. History of the Royal Society. 1667. Paperback – 1 Feb. 2003. Kessinger Publishing Co. 464 p.
22. Swift J. A Proposal for Correcting, Improving, and Ascertaining the English Tongue. 2001. [Электронный ресурс]. URL: http://www.public-library.uk/ebooks/93/65.pdf (дата доступа 05.12.2025).

References

Bucholz, M. K., & Hall, K. (2005). Identity and Interaction: A sociocultural linguistic approach. *Discourse Studies, 7*(4-5), 585-614. DOI: 10.1177/1461445605054407.

Hall, E.T. (1978). General and Theoretical: Beyond Culture. *American Anthropolist, 80* (2). DOI:10.1525/aa.1978.80.2.02a00330

Haugen, E. (2016). Bilingualism in the Americas: A Bibliography and Research Guide. *Publication of the American Dialect Society, No. 26 (November 1956),* 159 pp. Retrieved from: https://doi.org/10.1017/S0008413100025470 (accessed 05.12.2025).

Ivushkina, T. (2016b). Literature as the basis for social class studies. In *5th Conference on Language, Literature & Linguistics. Annual International Conference proceedings 3L (Literature, Language and Linguistics),* pp. 186−192.

Ivushkina, T. (2017). Words as Indices of social and cultural identity. *International Journal of Languages, Literature and Linguistics,* 3(3), 96−102.

Ivushkina, T. (2020a). Literary words of foreign origin as social markers in Jeffrey Archer's novels. *Russian Journal of Linguistics, 4,* 816−830. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4- 816-830.

Ivushkina, T. (2023). Social Implications of Borrowings: British-American Parallels Through Literature. *Acta Universitatis, 15*(3), 1-16.

Ivushkina, T.A. (2016). U and Non-U words v zerkale sovremennoj hudozhestvennoj literatury [U and Non-U as mirrored in Modern English Literature]. *Nauchnyj dialog, 6*(54), 42−53.

Ivushkina, T.A. (1997). *Jazyk anglijskoj aristocratii [The Language of the English Aristocracy].* Volgograd.

Ivushkina, T.A. (2016a). Posh i Smart kak indeksy otnoshenija k vysshim klassam [Posh and Smart as indices of attitude to the upper classes] *Philological sciences. Theory and Practice Issues, 9-1*(63), 101−104.

Ivushkina, T.A. (2020). Leksicheskie nominacii kak indeksy socialnogo i obrazovatelnogo statusa [Lexical nominations as indices of social and educational status] *Nauchnyj dialog, 6,* 68−80.

Jennings, Ch. (1999). *People Like Us A Season Among the Upper Classes*. Abacus.

Johnson, S. (1785). *A Dictionary of the English Language*. Retrieved from https://archive.org/details/dictionaryofengl01johnuoft (accessed 03.12.2025).

Labov, W. (2006). *The Social Stratification in New York City.* Cambridge University Press.

Lomonosov, M.V. (1952). Predislovie o pol'ze knig cerkovnyh v rossijskom jazyke [Foreword on the use of church books in the Russian language]. In *The Complete works*. V. 7. Works in Philology 1739-1758. USSR Academy of Science, M., L., 1950-1983. (pp. 585−592). Retrieved from https://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/lo7-5852.htm (accessed 01.12.2025)

Nicholls, D. (2009). *One Day.* Vintage Books.

Puttenham, G. (1589). *The Arte of English Poesie*. Retrieved from https://archive.org/details/bim_early-english-books-1475-1640_the-arte-of-english-poes_puttenham-george_1589 (accessed 05.12.2025).

Reformatskij, A.A. (1996). *Vvedenie v jazykoznanie* [Introduction into linguistics]. Ed. V.A. Vinogradov. M.: Aspect Press. Retrieved from https://www.bsu.ru/content/page/1415/hecadem/reformatsky_aa/reformatsky.pdf (accessed 03.12.2025).

Ross, A.S.C., & Mitford, N. (2002). *Noblesse oblige*. *Sapientiae. Philologia, 15*(3), 1−16. DOI: 10.2478/ausp-2023-0024.

Sprat, T. (2003). *History of the Royal Society*. 1667. Kessinger Publishing Co.

Swift, J. (2001). *A Proposal for Correcting, Improving, and Ascertaining the English Tongue.* Retrieved from http://www.public-library.uk/ebooks/93/65.pdf (accessed 05.12.2025).

Vinogradov, V.V. (1986). *Russkij jazyk. (Grammaticheskoe uchenie o slove)*. [The Russian Language. (Grammar study about word)]. Moscow.

УДК 81-2, 811.13
https://doi.org/10.25076/vpl.60.05

И.А.Хабарова[5]
Военный университет им. князя Александра Невского МО РФ

ИЗМЕНЕНИЯ МЕДИАРИТОРИКИ ФРАНЦИИ: СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Статья посвящена изучению эволюции политической риторики Франции, анализируются риторические особенности выступлений следующих президентов Пятой республики: Ш. де Голля, Ф. Миттерана, Н. Саркози и Э. Макрона. Автор рассматривает феномен медиатизации, который достиг высокой отметки, поскольку политика пронизывает все общественные сферы деятельности, а активное использование медиа средств политическими деятелями позволяет мгновенно распространять

[5] © **Хабарова И.А.** 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License https://creativecommons.org/licenses/by/4.0

необходимую информацию, охватывая все слои населения, оказывая воздействие на сознание массового адресата. Материалом исследования послужили наиболее популярные выступления политических акторов Пятой республики, имеющие письменную фиксацию, видеозаписи дебатов, интервью, социальные сети, материалы медиаплатформ. В результате исследования были выделены как общие риторические особенности, так и их отличительные черты в рамках политической медиакоммуникации. Общей чертой для французских политических стало использование таких риторических средств, как анафора, идентичная форма обращения к массовому адресату в выступлениях, использование риторических вопросов, апелляция к истории и авторитету известных государственных и общественных деятелей, что является связующим звеном для нескольких поколений президентов Пятой республики. В ходе исследования были выделены следующие ключевые этапы эволюции политической медиариторики Пятой республики: эпоха становления телевизионной риторики (Ш. де Голль), становление «медиатизированного» президентского стиля (Ф. Миттеран), эпоха использования социальных сетей для общения с массовым адресатом и возможностью оставить обратную связь (Н. Саркози), а также эпоха использования мультимодальных платформ (Э. Макрон).

Ключевые слова: медиариторика, политическая коммуникация, медиаинструменты, риторические особенности, Пятая республика

UDC 81-2, 811.13
https://doi.org/10.25076/vpl.60.05

I.A. Khabarova
The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky

CHANGES IN FRENCH MEDIA RHETORIC: STYLISTIC PECULIARITIES

This article examines the evolution of political rhetoric in France, analysing the rhetorical features of speeches made by the following

presidents of the Fifth Republic: Charles de Gaulle, François Mitterrand, Nicolas Sarkozy, and Emmanuel Macron. The author examines the phenomenon of mediatisation, which has reached a high level, as politics permeates all spheres of public activity, and the active use of media by politicians allows them to instantly disseminate the necessary information, reaching all segments of the population and influencing the consciousness of the mass audience. The research material consisted of the most popular speeches by political actors, which were recorded in writing, video recordings of debates, interviews, social networks, and media platform materials. As a result of the research, both general rhetorical features and their distinctive features in the context of political media communication were identified. A common feature of French politicians was the use of rhetorical devices such as anaphora, an identical form of addressing the mass audience in speeches, the use of rhetorical questions, and appeals to history and the authority of well-known statesmen and public figures, which is a connecting link for several generations of presidents of the Fifth Republic.The study identified the following key stages in the evolution of political media rhetoric in the Fifth Republic: the era of the emergence of television rhetoric (Ch. De Gaulle) , the emergence of a 'mediatised' presidential style (F. Mitterand), the era of using social networks to communicate with a mass audience and the possibility of leaving feedback (N.Sarkozy), as well as the use of multimodal platforms (E. Macron).

Keywords: media rhetoric, political communication, media tools, rhetorical features, Fifth Republic

Введение

В настоящее время политический медиадискурс стал неотъемлемой частью современного общества. Благодаря развитию цифровых технологий, усилении роли медийных ресурсов, политические тексты стали представлять мощное средство воздействия на массовую аудиторию.

По мнению В.П. Коломийца, всеобщая медиатизация привела к качественному усилению взаимодействия между медиа, обществом и его институтами. В этих условиях массовая аудитория претерпела трансформацию, превратившись из объекта воздействия в активный субъект коммуникативного процесса. В частности автор

пишет: «основной социализирующий и организующий актив общества, стремительно теряет связь с традиционными каналами коммуникации, растворяясь в потоке разнообразных технологически опосредованных коммуникационных связей» (Коломиец, 2020). Исследователь С. С. Распопова приходит к выводу, что в современном обществе лидирующие позиции в формировании сознания массового адресата занимают новые форматы масс-медиа, постепенно вытесняя традиционные формы (Распопова, 2022).

М. Маклюэн, основатель теории воздействия масс медиа на массовое сознание, считает, что средства массовой коммуникации не просто передают информацию, а являются активной силой, преобразующей человека и общество, формирующей реальность и восприятие мира. По мнению П.Г. Логиновой, медиа – это ничто иное, как «особый политический, социальный и культурно-идеологический феномен, порожденный цифровизацией» (Логинова, 2025).

Огромный вклад в развитие изучения теории медиатизации внесли следующие отечественные специалисты в области филологии и лингвистики: Е.Л. Вартанова, Е.Г. Грибовод, И.Н. Демина, И.И. Засурский, Я.Н. Засурский, В.П. Коломиец. Медиатизация — это комплекс взаимосвязанных процессов, протекающих как внутри политической системы, так и в её внешнем окружении. Эти процессы основаны на публичной презентации и фрейминге (структурировании) политических и общественных смыслов через информационно-коммуникативные механизмы (Грибовод, 2015). Как отмечает Е.Л. Вартанова, в современном мире медиатизация превратилась из тренда в императив, став ключевым условием и неотъемлемой чертой цивилизационного прогресса (Вартанова, 2016).

С. Рукетт предлагает следующую трактовку данного феномена: «Les médias accordent depuis très longtemps un espace d’expression à leurs lecteurs, leurs auditeurs et même leurs téléspectateurs» – *Средства массовой информации уже в течение многих лет предоставляют возможность своим слушателям, читателям и телезрителям поделиться своим мнением* (Rouquette, 2016).

Он отмечает тот факт, что комментарии, мнения массового адресата давно являются частью медийного пространства в том

смысле, что эти комментарии способствуют организации, обсуждению и оживлению дебатов между гражданами на актуальные и социальные темы

Вне всякого сомнения, уровень медиатизации в политической сфере достигает высокой отметки, поскольку политика пронизывает все общественные сферы деятельности, а активное использование медиа средств политическими деятелями позволяет мгновенно распространять необходимую информацию, охватывая все слои населения.

Данный феномен неразрывно связан с категорией политического медиапространства, которое, по определению А.В. Логиновой (2025), формирует систему медиакоммуникаций, обусловливающих синкретичный характер сосуществования традиционных СМИ и новых медиа. Эффективное функционирование этого пространства невозможно без актуализации его риторического измерения. Речь идет о системном применении комплекса риторических стратегий и приемов, среди которых ключевую роль играют суггестивный и фасцинативный типы воздействия на общественное сознание.

Цель политической медиакоммуникации, по определению А.В. Логиновой (2025), заключается в «моделировании мнения у массового адресата в медиапространстве». Эта категория напрямую связана с понятием политического медиадискурса, поскольку именно в его пространстве протекает сама коммуникация (Логинова, 2025).

Фундаментальные исследования указанных лингвистических феноменов были заложены в работах таких учёных, как Ю.Д. Апресян, А.Н. Баранов, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, В.В. Красных, А.П. Чудинов и В.Е. Чернявская.

В рамках данных исследований политический медиадискурс определяется двояко: с одной стороны, как «синтез печатных и электронных СМИ», а с другой — как «коммуникативный процесс интеракции между акторами политической арены и массовой аудиторией» (Логинова, 2025).

В современной науке оформилось новое направление — политическая медиариторика, которое сосредоточено на исследовании специфики языковых средств и риторических

стратегий, используемых в политической медиакоммуникации (Логинова, 2025).

Материал и методы

В данной статье мы рассмотрим изменение медиариторики Франции, проанализировав эволюцию риторических особенностей на примере таких президентов, как Ш. де Голль, Ф. Миттеран, Н. Саркози, Э. Макрон. В рамках статьи нами были взяты наиболее популярные выступления, имеющие письменную фиксацию, видеозаписи дебатов, интервью, социальные сети, материалы медиаплатформ.

Эмпирический материал исследуется с помощью комплекса методов: общенаучных (анализ и синтез, сравнение), когнитивных (интерпретационный анализ) и лингвистических (стилистический и описательный анализ).

Результаты и обсуждение

Риторические особенности политической коммуникации Ш. де Голля

Первый президент Пятой республики (1959-1969), премьер-министр Франции (1958-1959) и министр национальной обороны Ф (1958-1959) Ш. де Голль вошел в историю как главный лидер патриотического движения «Свободная Франция». Говоря о риторических особенностях Ш. де Голля, стоит отметить, что его выступления характеризуются высоким уровнем патриотизма, колоритными лексическими единицами, а также образностью, что позволяет реализовать персуазивную функцию. В ходе анализа мы пришли к выводу, что политические речи президента объединяет следующее: четко выстроенная композиция, где есть необходимые тезисы и аргументативная база. Говоря о риторических особенностях, выделим следующие отличительные черты:

1.Использование синтаксического параллелизма как одного из самых частотных риторических приемов.

«*J'invite* les chefs et les soldats, les marins, les aviateurs des forces françaises de terre, de mer, de l'air, où qu'ils se trouvent actuellement, à se mettre en rapport avec moi. *J'invite* tous les Français qui veulent rester libres à m'écouter et à me suivre» – *Я призываю командиров и солдат, моряков, летчиков французских сухопутных, морских и воздушных сил, где бы они ни находились в настоящее время, связаться со*

мной. Я призываю всех французов, которые хотят остаться свободными, слушать меня и следовать за мной.

Обозначенный риторический прием позволяет акцентировать внимание массового адресата на ключевых моментах выступления, а также последовательно выстраивать свое обращение.

2. Частотное употребление лексических повторов позволяет политику акцентировать внимание слушателя, апеллировать к чувствам адресата.

В речи от 18 июня 1940 г. используется лексический повтор: «...Elle n'est pas seule! Elle n'est pas seule!» – *Она не одинока! Она не одинока!* Основная цель данного риторического приема – убедить французов в том, что у Франции всегда есть союзники, тыл, которые помогут выстоять любое испытание, особенно когда речь идет о войне.

3. Использование риторического вопроса, ставшего впоследствии традиционным приемом для всех президентов Пятой республики.

Риторический вопрос еще с античных времен считается одним из самых эффективных способов реализации суггестивного воздействия на массовую аудиторию. В речи от 22 июня политический лидер использует следующий риторический вопрос: ««... Si les forces de la liberté triomphaient finalement de celles de la servitude, quel serait le destin d'une France qui se serait soumise à l'ennemi?» – *Что сталось бы с Францией, покорившейся врагу, если бы в конечном счёте победа всё же досталась силам свободы, а не рабства?*

Данный вопрос является открытым, он не имеет правильного ответа, при этом, заставляет задуматься еще раз о готовности народа сопротивляться.

4. Употребление метафорических выражений стало одним из ключевых приемов в политической коммуникации Ш. де Голля. Метафора, в свою очередь, позволяет создать яркий образ, который становится символичным для народа. Наиболее колоритным примером использования метафорических выражений стала «Речь в Байе»: «... Partout où se déchiraient *les voiles*, le sentiment profond du pays apparaissait dans sa réalité» – *Парус, рвущийся к горизонту, был живым символом нации — её мечты и тревоги, её страсть и тоска раскрывались в этом движении без остатка.* Использование

метафорического выражения «парус» служит символическим образом, олицетворяющим борьбу страны за независимость, устремленность в будущее. Риторический прием позволяет создать образ Франции, у которой есть мощная опора и поддержка, образ страны, где всегда горит «пламя французского сопротивления.

5. Использование приема обратной связи также характерно для политической коммуникации Ш. де Голля, целью которого является показать доброжелательное отношение ко всем категориям населения.

«*J'invite* les chefs et les soldats, les marins, les aviateurs des forces françaises de terre, de mer, de l'air, où qu'ils se trouvent actuellement, à se mettre en rapport avec moi. *J'invite* tous les Français qui veulent rester libres à m'écouter et à me suivre» – *Всем офицерам и солдатам сухопутных, военно-морских и воздушных сил Франции — где бы вы сейчас ни находились — немедленно установить со мной связь! Всем французам, кто не смирился с рабством, — слушайте меня и следуйте за мной!*.

Данный риторический прием показывает, насколько для французского лидера важно сохранить тесную связь со своим народом.

6. Важной особенностью политической коммуникации Ш. де Голля является отсутствие лексем сниженного регистра, что объясняется воспитанием и высоким качеством образования французского президента. Проводя сопоставительный анализ с действующим президентом Э. Макроном, мы пришли к выводу, что употребление лексем с низкой стилистической окраской является частотным в его политической медиакоммуникации.

Обобщая вышесказанное, отметим, что риторика Шарля де Голля задала ориентиры речевого поведения для следующих поколений французских политиков. Кроме того, эпоха Ш. де Голля стала эпохой становления телевизионной риторики, а именно эпохой обращения к нации в прямом эфире. «Речь от 18 июня» стала одним из самых ярких выступлений политического актора, давшее развитие движению Сопротивления во время Второй мировой войны. Обращение к французскому народу было сделано в студии Би-би-си и поначалу речь была расценена малозначительной.

Риторические особенности политической коммуникации Ф. Миттерана

Ф. Миттеран вошел в историю как двадцать первый президент Франции, четвертый президент Пятой республики, чье президентство отмечено как самое продолжительное с 1981 г. по 1995 г.

Рассмотрим и проанализируем риторические особенности политических медиатекстов, которые опубликованы на официальном сайте Ф. Миттерана.

1. Использование риторических вопросов и философской составляющей.

Одним из самых ярких и запоминающихся выступлений французского президента является речь, произнесенная в 1990 г. в городе Ла-Боль по случаю франко-африканского саммита.

«La première question est sous-jacente dans les campagnes qui se développent, un peu partout dans le monde, contre la politique de la France : faut-il que la France renonce afin de ne plus être exposée aux critiques nombreuses qui la frappent ? Faut-il qu'elle rapatrie chez elle tous les moyens et qu'elle les consacre à ses ressortissants nationaux ? Faut-il qu'elle se replie, faut-il qu'elle cherche en elle-même ses seules ambitions ?» – *Первый вопрос лежит в основе кампаний, которые разворачиваются по всему миру против политики Франции: должна ли Франция отказаться от своих действий, чтобы не подвергаться многочисленной критике? Должна ли она вернуть все средства домой и направить их на нужды своих граждан? Должна ли она замкнуться в себе, должна ли она искать свои амбиции только внутри себя?*

Риторические вопросы усиливают смысл высказывания, позволяют массовому адресату задуматься о дальнейшей судьбе страны, ее развитии.

2. Апелляция к авторитету.

В своей речи 10 октября 1991 г., посвященной проблеме свободы прессы, Ф. Миттеран цитирует французского писателя, политика, дипломата Ф. де Шатобриана:

«Cette liberté ne se mesure pas à l'aune des satisfactions ou des désagréments qu'elle procure aux acteurs de la vie publique. Longtemps revendiquée, difficilement conquise, enfin obtenue, la liberté d'expression est désormais totale. C'est bien la marque d'une véritable démocratie. Vous avez parlé de Chateaubriand. Il est vrai qu'on retrouve dans plusieurs de ses ouvrages quelques définitions fameuses qui

suffiraient pour la démonstration. Il a dit, en tout cas, de la liberté de la presse - je vous le cite - qu'elle vaut toutes les autres» – *Эта свобода не измеряется удовлетворением или неудобствами, которые она доставляет участникам общественной жизни. Давно востребованная, с трудом завоеванная и, наконец, достигнутая, свобода выражения мнений теперь является полной. Это действительно признак подлинной демократии. Вы упомянули Шатобриана. Действительно, что во многих его работах можно найти известные определения понятия свободы. Он высказался о свободе прессы, «что она стоит всех остальных».*

Апелляция к авторитету позволяет показать не только хороший уровень образования и кругозор политического актора, но и выглядеть более убедительным в глазах массового адресата.

3. В целом, для политической коммуникации характерно следующее: четкое композиционное построение выступлений, отсутствие иронии, изобилия метафорических выражений, экспрессивных фразеологических выражений, неологизмов.

Наиболее частым приемом Ф. Миттерана является использование анафоры с целью акцентирования внимания жителей Пятой республики на имеющиеся проблемы как во внутренней, так и во внешней политике. Рассмотрим данную особенность на примере дискурсивного фрагмента, взятого из выступления Ф. Миттерана 16 января 1991г.

«*Je vous ai dit* alors quels étaient les devoirs de la France … pourquoi nous avions appliqué les résolutions des Nations unies, notamment par l'envoi d'une force armée dans la région du Golfe. *Je vous ai dit* aussi que rien ne serait négligé par la France pour tenter de sauver la paix». – *Как я уже говорил, мы руководствовались долгом Франции… что и привело к поддержке нами соответствующих резолюций ООН, в частности, о направлении войск в Персидский залив. Я также дал понять, что Франция не останется в стороне от любых дипломатических усилий по спасению мира.*

Отличительной особенностью данного выступления стало употребление редких лексем, которые игнорируются современными политическими деятелями: «clairvoyance» (дальновидность, проницательность), «lucidité» (ясность мышления), «persévérance» (упорство, настойчивость).

4. Использование личного местоимения 1 лица мн.ч. «nous» (мы), а также притяжательного прилагательного «notre, nos» (наш, наши).

«Les résolutions adoptées par les Nations unies, que nous avons votées, représentent à mes yeux la garantie suprême d'un ordre mondial fondé sur le droit des peuples à disposer d'eux-mêmes. De ce droit, nous avons le plus grand besoin. Nos libertés, notre indépendance, notre sécurité sont à ce prix» – *Резолюции, принятые Организацией Объединённых Наций, за которые мы проголосовали, представляют собой, на мой взгляд, высшую гарантию мирового порядка, основанного на праве народов на самоопределение. Это право нам нужнее всего. От него зависят наши свободы, наша независимость, наша безопасность.*

Употребление личного местоимения и притяжательного прилагательного позволяют показать сплоченность, единство народа, а также отражают политический курс Ф. Миттерана – мирное урегулирование военного конфликта.

Ф. Миттеран является создателем первого «медиатизированного президентского стиля», который подразумевает как вербальные особенности политической речи, так и невербальные.

Анализируя его основные интервью, мы пришли к выводу, что французский президент стремился создать образ «тайного короля», умеющего сочетать интеллектуальную глубину политической речи. Использование аллюзий, цитат позволяет создать образ яркого, сильного, авторитетного, но скрытного политического лидера.

Ключевыми чертами президентского стиля в СМИ стали следующие особенности:

- Соблюдение дистанции и сохранении загадочности, а также формирование повестки дня СМИ

Французский президент старался избегать конфронтации, лишних подробностей, используя аллюзии и философские рассуждения;

-Умение держаться перед камерой, рациональное использование просодических средств общения, манера поведения закрепило за ним образ «Тайного короля»;

-Умелое использование литературных, философских отсылок свидетельствует о его блестящей эрудиции, закрепляя за ним образ влиятельного политического деятеля.

Рассмотрим дискурсивный фрагмент, взятый из его интервью 25 октября 1993 г в программе «L'heure de vérité»(Час правды).

«Je ne le crois pas, mais c'est ainsi comme toujours et depuis le début, depuis Jean Monnet, Robert Schuman, Adenauer ou Gasperi, une affaire de volonté. On veut faire l'Europe parce qu'on en est convaincu, parce qu'on pense que c'est bien... Je pense que c'est bien pour la France» – *Я в это не верю, но так было всегда и с самого начала, со времен Жана Монне, Робера Шумана, Аденауэра или Гаспери, Мы хотим создать Европу, потому что мы в этом убеждены, потому что мы думаем, что это хорошо... я думаю, что это хорошо для Франции*.

Использование аллюзии и апелляции к авторитету таких известных политических деятелей, как Ж. Монне, отца-основателя ЕС, Р. Шумана, основателя Совета Европы и НАТО, К. Аденауэра, первого федерального канцлера ФРГ, А. де Гаспери, итальянского премьер-министра, позволяет создать образ авторитетного политика, который владеет современной политической ситуацией как в стране, так и в мире.

Риторические особенности политической коммуникации Н. Саркози

Н. Саркози, двадцать третий президент Пятой республики с 2007 по 2012 г., является одним из самых ярких и противоречивых политических деятелей с точки зрения политического имиджа. Многие исследователи относят время правления Н. Саркози к «гиперпрезиденству», объясняя это тем, что он всегда стремился принять участие в решении максимального количества вопросов, расширяя свои полномочия по отношению к другим ветвям власти.

Отметим, что Н. Саркози, обладатель противоречивого, харизматичного стиля ведения политической коммуникации, делает акцент на общение с массовым адресатом при помощи социальных сетей Facebook и Twitter, покоряя президентский Олимп.

В целом, для политической коммуникации президента характерно использование неологизмов, иронии, риторических вопросов, анафор.

Рассмотрим функционирование вышеупомянутых приемов на конкретных дискурсивных примерах.

1.Н. Саркози можно отнести к политическим деятелям, устремленным в будущее, что ярко проявляется в его политических

выступлениях при помощи использования форм будущих времен Future Simple, Future Proche. Использование глагольных форм в будущем времени позволяет убедить массового адресата в серьезности намерений президента по развитию страны, дальнейшей перспективе.

«La France *restera* engagée en Afghanistan parce que l'avenir de ce pays est un enjeu décisif pour la sécurité du monde. L'année qui s'ouvre *portera* un grand rendez-vous démocratique : l'élection présidentielle. La clé du succès réside dans le soutien du peuple afghan et dans l'afghanisation. Ce *sera* tout le centre de notre politique» – *Франция сохранит свою приверженность Афганистану, поскольку будущее этой страны — ключевой вопрос для глобальной безопасности. В следующем году нас ждёт важное демократическое событие: президентские выборы. Ключ к успеху — поддержка афганского народа. Это будет в центре внимания нашей политики*.

2. Использование комплексной анафоры и апелляции к авторитету, истории.

«Je pense à tous les Présidents de la Ve République qui m'ont précédé. *Je pense* au Général De Gaulle qui sauva deux fois la République, qui rendit à la France sa souveraineté et à l'Etat sa dignité et son autorité. *Je pense à* Georges Pompidou et à Valéry Giscard d'Estaing qui, chacun à leur manière, firent tant pour que la France entrât de plain-pied dans la modernité»… – *Сегодня я мысленно склоняю голову перед своими предшественниками. Перед де Голлем — спасителем Республики и архитектором французского суверенитета. Перед Помпиду и Жискар д'Эстеном — реформаторами, чья работа заложила основы современной Франции. Их наследие — моя путеводная звезда..*

В данном дискурсивном фрагменте комплексная анафора и апелляция к авторитету предшественников Н. Саркози позволяет показать не только преемственность политических традиций, а желание президента войти в историю.

3. Изобилие риторических вопросов, подчеркивающих важность затронутой проблемы, а также желание президента показать себя в качестве амбициозного, харизматичного политика, который привык действовать решительно.

« Le temps n'amène rien à l'affaire. Ce qu'il faut faire, nous le savons. Alors, faisons-le. … Tout le monde. Alors, qu'attendons-nous ? *Il n'y a*

pas assez de morts? Pas assez de misère? Il n'y a pas assez de souffrance ? Pas assez d'incompréhension? Je vais même plus loin : ce que l'on ne fera pas en 2009, sera encore plus difficile à faire en 2010» – *Время не имеет значения. Мы знаем, что нужно сделать. Так что давайте действовать. Мы прекрасно знаем, где и кто должен идти на компромиссы. Все. Так чего же мы ждём? Разве мало смертей? Разве мало несчастий? Разве мало страданий? Разве мало непонимания? Я пойду ещё дальше: то, чего мы не сделаем в 2009 году, будет ещё сложнее сделать в 2010-м.*

4. Использование метафор для создания колоритности политического выступления, эффективной реализации персуазивного эффекта.

Приведем наиболее яркие из них:

-«Cependant, il était intéressant de voir la France hypercentralisée *autour de son cœur,* de sa capitale, qui était un désert en termes de nouvelles infrastructures ou de construction d'ambitions grandioses» – *Однако было интересно увидеть Францию, сконцентрированную вокруг своего сердца, столицы, которая была пустыней с точки зрения новой инфраструктуры или амбициозных строительных проектов.*

Президент сравнивает столицу Франции с сердцем, что создает положительный яркий образ, который легко запоминается у массового адресата.

Н. Саркози использует метафору и антитезу для создания негативного образа рабства.

Анализируя особенности политической коммуникации Н. Саркози, отметим, что он использует гамму противоречивых риторических приемов, интерактивных элементов, целью которых является установление контакта с массовым адресатом.

Риторические особенности политической коммуникации Э.Макрона

Э. Макрон, бывший министр экономики, промышленности, банкир, основатель партии «La République, en Marche!» до 2022 г., отсылающей к инициалам президента (партия «Renaissance» в настоящее время), стал действующим президентом с 14 мая 2017 г. Многие исследователи считают, что высокая популярность политика связана с его нестандартным подходом в ходе политической медиакоммуникации. Проанализируем подробнее

основные риторические приемы, используемые действующим президентом.

1. Употребление собирательной лексики

Использование таких лексических единиц, как «mes chers compatriotes» (*дорогие соотечественники*), «concitoyens» (*сограждане*), «ensemble» (*вместе*), «unité» (*единство*), «tous ensemble» (*все вместе*).

2. Идентичная форма обращения в выступлениях

«Françaises, Français, mes chers compatriotes» – Француженки и французы, мои дорогие сограждане», «Vive la République.Vive la France» – *Слава Республике! Слава Франции!*

3. Связность, логичность, хорошо выстроенная композиция политических речей, использование логических коннекторов.

Использование таких лексем, как «l'objectif, le défi, l'enjeu» позволяет сконцентрировать внимание реципиента на реальной проблеме, вызове, которые предстоит решить стране.

Логические коннекторы, такие как «tout d'abord» (*сначала*), «premièrement» (*во-первых*), «deuxièmement» (*во-вторых*), «en suite» (*затем*), «puis» (*далее*), «en plus» (*к тому же*), «enfin» (*в заключении*), «en conclusion» (*в заключении*).

4.Употребление личных местоимений 1 лица ед.ч. «je» (*я*).

Рассмотрим несколько дискурсивных фрагментов.

«Cependant, mes chers compatriotes, je veux vous le dire ce soir avec beaucoup de gravité, de lucidité mais aussi la volonté collective que nous adoptions la bonne organisation, nous ne sommes qu'au début de cette épidémie. Partout en Europe, elle s'accélère, elle s'intensifie. Face à cela, la priorité absolue pour notre Nation sera notre santé. Je ne transigerai sur rien» – *Сегодня вечером я обращаюсь к вам, дорогие сограждане, предельно чётко и ответственно. Наша общая решимость сейчас важна как никогда, ведь мы лишь на пороге эпидемии, которая в Европе уже ускоряется. Здоровье нации — это тот фундамент, на котором мы будем стоять. В его защите я не отступлю ни на шаг, и меры будут приняты самые необходимые.*

Отметим, что чаще всего французский президент использует данную категорию местоимений, чтобы показать, с одной стороны, свою обеспокоенность за жизнь и судьбу Пятой республики, желание показать народу свою вовлеченность в текущее состояние

дел, с другой стороны, чрезмерное использование личного местоимения является прямым свидетельством эгоцентризма, чрезмерных амбиций и самолюбия французского президента.

5. Использование военной метафоры также стало особенностью политической медиа коммуникации Э. Макрона с 24 февраля 2022 г.

Согласно зарубежным корпусным исследованиям 2024 г., наиболее частотной метафорой Э. Макрона и, в целом, французского политического медиадискурса стала военная метафора “le réarmament” (*перевооружение*), взятая не только в контексте украинского кризиса, но и в контексте мирной жизни граждан Пятой республики. Рассмотрим подробнее примеры ее использования.

Отметим, что вокруг этой метафоры было построено новогоднее поздравление Э. Макрона на 2024 г.

«Nous serons déterminés à agir pour l’école, l’enfance et l’éducation, afin de rétablir le niveau de nos élèves, l’autorité de nos professeurs, la force de notre enseignement laïc et républicain. Après le réarmement économique, le réarmement de l’Etat et de nos services publics, il nous faudra ainsi engager notre réarmement civique. La France c’est une culture, une Histoire, une langue, des valeurs universelles qui s’apprennent dès le plus jeune âge. A chaque génération» – *Мы должны проявить непоколебимую решимость ради школы, детства и образования. Наша цель — вернуть прежний уровень знаний нашим ученикам, авторитет — учителям, а силу — светской и республиканской школе. После модернизации экономики и обновления государства и его институтов настал черед гражданского перевооружения. Ибо Франция — это её культура, её история, её язык и её универсальные ценности, которые должны передаваться из поколения в поколение, с самого раннего возраста.*

Использование таких метафор, как «*le réarmement économique», «le réarmement de l’Etat et de nos services publics»* является отражением политического курса Пятой республики, направленного на защиту безопасности Франции, Европейского союза. Французские журналисты и политологи считают, что использование данного типа метафор формирует не только политическую повестку дня, но и повестку дня СМИ. Основная цель использования военной метафоры в контексте экономической,

социальной, культурной сфер жизнедеятельности общества состоит в том, чтобы придать нынешней ситуации исторический характер, показать неизбежность того, что украинский кризис влечет за собой последствия для всей Европы. Э. Макрон пытается создать новые условные обозначения для тех категорий, которые не относятся к военной сфере: экономическое перевооружение, гражданское, промышленное, перевооружение суверенитета, демографическое перевооружение и т.д.. Тем самым, президент не просто создает новые категории обозначений, которые впоследствии актуализируются в политических документах, программах, речах, а активно продвигает их, стараясь внедрить в сознание массового адресата при помощи медиаресурсов.

6. В ходе своих выступлений Э. Макрон использует историческую аллюзию, ссылаясь на исторические события, изменившие ход истории Пятой Республики, на исторические личности, которые внесли неоценимый вклад в прошлое, настоящее и будущее Франции.

«Aujourd'hui, la France et l'Europe sont bel et bien plongées dans l'histoire. Notre temps n'est pas celui de la quiétude et de l'insouciance. Il ne doit pas non plus être celui du cynisme ou du défaitisme. Nous devons nous confronter à aux défis qui sont les nôtres sans rien céder à la peur et nous devons le faire en sachant qui nous sommes et d'où nous venons. Car le passé, toujours, brûle notre époque et le présent est gros de ce qui a été. Et dans notre passé, il est des traces vibrantes qui doivent nous éclairer, nous aider à retrouver le fil de cette histoire millénaire qui tient notre peuple debout. Or, Jeanne d'Arc appartient à cette histoire, à notre histoire» – *Вместе со всей Европой Пятая республика по-настоящему погружены в историю. Сейчас не время для самоуспокоения и беспечности. Не время для цинизма и пораженчества. Мы должны противостоять стоящим перед нами вызовам, не поддаваясь страху, и мы должны делать это, зная, кто мы и откуда. Ведь прошлое все еще горит в нашем времени, а настоящее полно того, что было. И в нашем прошлом есть яркие следы, которые должны просветить нас, помочь нам заново открыть нить этой тысячелетней истории, которая поддерживает наш народ. И Жанна д'Арк принадлежит этой истории, нашей истории.*

В контексте данного выступления Жанна д'Арк показана национальным героем Франции, чей пример учит современных французов, по мнению президента, трем основным вещам: борьбе с несправедливостью, усилению сплоченности народа и использованию единства Франции с целью победить врага и всевозможные вызовы в современном мире

7. Использование лексем в стиле franglais также отличает риторический портрет французского президента. В средствах массовой информации Э. Макрон фигурирует как «Macron, the Franglais president».

В своем Twitter-аккаунте французский президент опубликовал следующее сообщение: «Je crois dans l'autonomie et la souveraineté. La démocratie est le système le plus bottom up de la terre» – *Я верю в автономию и суверенитет. Демократия – это самая низкоуровневая система на земле».*

Э. Макрон не скрывает свое предпочтение использовать англицизмы в своих выступлениях, придавая им динамический, нестандартный характер.

Использование блендинга как французских, так и английских лексических единиц в одном медиаполитическом пространстве объясняется том, что французский президент, с одной стороны, относится не только к политическим деятелям, но и к бизнес-элите, где английский язык занимает передовую позицию, с другой стороны, использование блендинга позволяет замаскировать «ненужную информацию» для массового адресата.

8. Говоря о политической медиакоммуникации Э. Макрона, также отметим использование стилистически сниженной лексики и лексических единиц разговорного регистра. Рассмотрим несколько примеров.

«Au lieu de foutre le bordel, ils feraient mieux d'aller regarder s'ils peuvent avoir des postes» – «*Некоторые, вместо того, чтобы бардак устраивать, лучше бы работу поискали».*

«On met un pognon de dingue dans les minima sociaux». – «*Мы тратим непомерные деньжищи на социальные пособия».*

«Une gare, c'est un lieu où l'on croise les gens qui réussissent et les gens qui ne sont rien» – *Вокзал – это место, где встречаются успешные люди и неудачники.*

Согласно французским журналистам, использование сниженной лексики может свидетельствовать о пренебрежительном отношении действующего президента к среднему классу французского общества.

9. Использование модальных глаголов, форм повелительного наклонения и безличных конструкций также является отличительной особенностью политической коммуникации Э. Макрона.

Персуазивный эффект находит свое отражение в таких фразах, как «il faut» (*необходимо*), «il vaut mieux» (*будет лучше*), «il est indispensable» (*важно, необходимо*), «il sera utile» (*будет полезно*) и т.д.

В ходе своего обращения к французским согражданам 5 марта 2025 г. Э. Макрон призывает к сплочению всех европейцев перед потенциальными внешними угрозами.

«Nous devons donc agir en étant unis en européens et déterminés à nous protéger. … Pour cela, il faudra des réformes, des choix, du courage» – *Поэтомы мы должны действовать единодушно как европейцы и быть решительными в защите своих интересов. ... Для этого потребуются необходимые реформы, правильный выбор, мужество.*

Говоря о пандемии Covid-19, адаптации жизни французского общества в новых реалиях, президент Пятой республики неоднократно использует формы повелительного наклонения, чтобы быть более убедительным.

«Ne nous laissons pas impressionner. Agissons avec force mais retenons cela : le jour d'après, quand nous aurons gagné, ce ne sera pas un retour au jour d'avant» – *Не будем поддаваться эмоциям! Действуем решительно, но помним: следующий день, когда мы победим, уже не будет возвратом к прошлому.*

«En restant chez vous, occupez-vous des proches qui sont dans votre appartement, dans votre maison. Donnez des nouvelles, prenez des nouvelles. Lisez, retrouvez aussi ce sens de l'essentiel. Je pense que c'est important dans les moments que nous vivons. La culture, l'éducation, le sens des choses est important. Et évitez l'esprit de panique, de croire dans toutes les fausses rumeurs, les demi-experts ou les faux-sachants» – *Оставаясь дома, заботьтесь о близких, которые находятся в вашей квартире, в вашем доме. Сообщайте новости, узнавайте*

новости. Читайте, верните себе чувство того, что действительно важно. Я думаю, что это важно в такие моменты, как сейчас. Культура, образование, смысл вещей важны. И избегайте паники, не верьте ложным слухам, полуэкспертам или самозванцам.

10. Малопонятная лексика для массового адресата, устаревшие термины и архаизмы также являются неотъемлемой частью медиариторического портрета президента Пятой республики. Согласно В.А. Масловой, речь политика должна «уметь затронуть нужную струну в массовом сознании, а его высказывания должны укладываться во «вселенную» мнений и оценок его адресатов, «потребителей» политического дискурса» (Маслова, 2008).

Мы считаем, что использование лексических единиц такого вида выполняет следующие функции: эстетическую, персуазивную и коммуникативную.

Рассмотрим наиболее яркие примеры, взятые из предвыборных президентских дебатов 2017 г., где главным оппонентом Э.Макрона стала М. Ле Пен.

«La fermeture des frontières, ça ne sert à rien. Il y a des pays, nombreux malheureusement, qui ne sont pas dans Schengen et qui ont été frappés par le terrorisme. Depuis novembre 2015, nous avons rétabli des contrôles aux frontières pour lutter contre les terroristes. Ce que vous proposez, comme d'habitude, c'est de *la poudre de perlimpinpin» – Утверждать, что закрытие границ остановит терроризм, — ошибочно. Взгляните на страны вне Шенгена — они тоже стали его мишенями. Мы уже ответили на эту угрозу восстановлением пограничного контроля. Ваше предложение — это не решение, а популистский лозунг, оторванный от реальности.*

По определению словаря французского языка издательства Larousse, «poudre prétendument douée de vertus merveilleuses; médicament inefficace, chose sans valeur» – *порошок, обладающий чудодейственными свойствами, неэффективное лекарство, бесполезная вещь.*

«La grande spécialité des socialistes à donner des leçons de morale à la terre entière». Là, vous répondez sur Monsieur Trump et Monsieur Poutine? C'est vraiment *un galimatias» – Великая особенность социалистов — давать уроки морали всему миру». Вы отвечаете*

на вопросы о господине Трампе и господине Путине? Это действительно настоящая тарабарщина.

Согласно определению словаря, «un galimatias» представляет собой неразборчивую речь или письмо и может переводиться как *тарабарщина, ахинея, чепуха, бессмыслица.*

«J'ai un projet sérieux, qui n'est pas *du saut de cabri*. Madame Le Pen lutte contre le terrorisme sur les plateaux, quand le contribuable la paye pour aller au Parlement européen, elle n'y va pas pour voter les réformes contre le terrorisme» – *Я предлагаю не поверхностные лозунги, а комплексный проект. В отличие от госпожи Ле Пен, которая ведёт лишь показную борьбу, настоящая работа требует участия в европейских институтах. Тот факт, что её сторонники не голосуют за антитеррористические законы в Европарламенте, красноречиво говорит о сути её позиции.*

«Un saut de cabri» представляет собой зооморфную метафору, которая обозначает совершение необдуманных, поверхностных поступков. В данном контексте Э. Макрон стремится всеми возможными способами показать, что меры, предложенные М. Ле Пен, крайне неэффективны.

Медиаритрический портрет президента Франции ярко иллюстрируется использованием двух специфических лексем: психологического термина «idiosynchrosie» (указывающего на характерную гиперчувствительность) и культурологического понятия «palimpseste» («палимпсест»). Палимпсест представляет собой «рукопись, написанную на пергаменте, уже бывшем в подобном употреблении». Французский политический лидер использует данную лексему в метафорическом смысле для обозначения синергии цивилизации и культуры. «L'islam est né de ce palimpseste de cultures et de civilisations» – *Возникновение ислама стало результатом наложения и взаимодействия множества культурных и цивилизационных слоёв. Его становление можно представить как палимпсест, где различные традиции (арабская, иудейская, христианская, эллинистическая, персидская) оставили свои следы, создав новую синтетическую целостность.*

Среди малоупотребительных лексем отметим следующие: «ubuesque» – «гротескный», «oligarchie» – олигархия, «croquignolesque» – щелчкообразный, невероятный». С одной стороны, использование подобных выражений и лексем

подчеркивает авторитарность, высокопарность его стиля, с другой стороны, данные средства, входящие в инструментарий лидера общественного мнения, психологически отдаляют его от большей части населения, для которых понимание и интерпретация вышеупомянутых выражений представляет особую сложность.

Следовательно, медиариторический портрет политического актора является амбивалентным. С одной стороны, для его выступлений характерны интеллектуализм, высокая философская содержательность, интертекстуальность, с другой стороны, использование фамильярной лексики, просторечий, лексических инноваций выделяет его среди других политических предшественников. Французские эксперты отмечают, что философская содержательность его речей, интертекстуальность, следование правилам грамматики свидетельствуют о его высоком интеллектуальном уровне, а использование лексических инноваций является свидетельством его амбициозности и желания войти в историю.

Заключение

Резюмируя все вышесказанное, можно сформулировать следующие выводы:

Во-первых, медиасредства в современном мире являются не только источником информации среди массового адресата, а являются центральной силой, которая формирует восприятие реальности и общественное мнение. Особое значение медиасредства имеют для политической коммуникации, которая пронизывает все общественные сферы деятельности, а активное использование медиа средств политическими деятелями позволяет мгновенно распространять необходимую информацию, охватывая все слои населения.

Во-вторых, особая роль в настоящее время отводится политической медиариторике, объектом изучения которой являются риторико-стилистические особенности языка политической медиакоммуникации. Отметим, что изучение вышеупомянутых стратегий позволяет создать не только медиапортрет того или иного политического деятеля, но и проследить эволюцию риторических особенностей на примере исследования особенностей медиариторики французских

президентов, выделяя общие и отличительные черты речевого поведения.

В третьих, в рамках данной статьи мы выделяем следующие ключевые этапы эволюции политической медиариторики Пятой республики:

- 1950-1960 - эпоха Ш. де Голля, или становление телевизионной риторики;

-1980 - эпоха Ф. Миттерана, или первый медиатизированный президентский стиль;

-2000 - «гиперпрезиденство» Н. Саркози, или использование социальных сетей для общения с массовым адресатом;

- 2017 – по настоящее время: эпоха Э. Макрона, или использование мультимодальных платформ.

В-четвертых, общей чертой для вышеперечисленных политических акторов стало использование таких риторических средств, как анафора, идентичная форма обращения в выступлениях, использование риторических вопросов, апелляция к истории и авторитету известных государственных и общественных деятелей, что является связующим звеном для нескольких поколений президентов Пятой республики.

Литература

1. Вартанова Е.Л. «Человек медийный» – новая ступень эволюции или приложение к гаджету? [Электронный ресурс]. URL: https://www.nkj.ru/open/27523/ (дата обращения: 04.12.2025).
2. Грибовод Е.Г. Дискурс Soft power и медиатизация политики как коммуникативные стратегии ШОС // Soft power: теория, ресурсы, дискурс / Под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Издат. Дом «Дискурс-Пи», 2015. С. 263–276.
3. Коломиец В.П. Медиатизация медиа. М.: 2020. 239 с.
4. Логинова П.Г. Политическая медиариторика: новый подход к анализу языка политической медиакоммуникации (на примере Франции) / П. Г. Логинова. Москва: Директ-Медиа, 2025. 236 с.
5. Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? / В.А. Маслова // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2008. Вып. (1) 24. С. 43–47.

6. Распопова С.С. Человек в российских медиа: этический аспект. // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 3 (45). С. 175-183.
7. Appel 8 juin 1940. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ccop.fr/wp-content/uploads/Texte-de-lappel-du-18-juin-1940-1.pdf (дата обращения 01.11.2025).
8. Appel du 22juin 1940 [Электронный ресурс]. URL: https://www.charles-de-gaulle.org/wp-content/uploads/2017/03/Appel-a-continuer-le-combat.pdf (дата обращения 01.11.2025).
9. BFMTV.com. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bfmtv.com/politique/elections/presidentielle/perlimpinpin-galimatias-le-petit-lexique-du-debat-macron-le-pen_AV-201705040026.html (дата обращения: 17.11.2025).
10. Conseil constitutionnel. [Электронный ресурс]. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/dossiers_thematiques/presidentielle_2007/disc-investiture-16-05-07.pdf (дата обращения: 03.12.2025).
11. Discours de Bayeux. [Электронный ресурс]. URL:https://mjp.univ-perp.fr/textes/degaulle16061946.htm (дата обращения 03.11.2025)
12. Elysée.fr. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elysee.fr/francois-mitterrand/1990/06/20/allocution-de-m-francois-mitterrand-president-de-la-republique-sur-la-situation-economique-de-lafrique-les-possibilites-daide-des-pays-les-plus-riches-et-la-position-francaise-en-matiere-de-cooperation-et-daide-financiere-la-baule-le-20-juin-1990 (дата обращения: 03.12.2025)
13. Elysée.fr. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elysee.fr/francois-mitterrand/1991/01/16/message-de-m-francois-mitterrand-president-de-la-republique-adresse-a-la-nation-a-la-suite-de-lexpiration-de-lultimatum-contre-lirak-paris-le-16-janvier-1991 (дата обращения: 03.12.2025).
14. Elysée.fr. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elysee.fr/francois-mitterrand/1993/10/25/interview-de-m-francois-mitterrand-

president-de-la-republique-accordee-a-france-2-lors-de-lemission-lheure-de-verite-le-25-octobre-1993-notamment-sur-la-greve-dair (дата обращения: 05.11.2025).
15. Elysée.fr. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elysee.fr/nicolas-sarkozy/2009/01/16/declaration-de-m-nicolas-sarkozy-president-de-la-republique-sur-les-priorites-et-defis-de-la-politique-etrangere-de-la-france-a-paris-le-16-janvier-2009 (дата обращения 02.12.2025).
16. Elysée.fr. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elysee.fr/nicolas-sarkozy/2009/01/16/declaration-de-m-nicolas-sarkozy-president-de-la-republique-sur-les-priorites-et-defis-de-la-politique-etrangere-de-la-france-a-paris-le-16-janvier-2009 (дата обращения: 01.12.2025).
17. Elysée.fr. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2025/03/05/adresse-aux-francais-6 (дата обращения: 30.11.2025).
18. Elysée.fr. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/03/16/adresse-aux-francais-covid19 (дата обращения: 30.11.2025).
19. France 24. [Электронный ресурс]. URL: https://www.france24.com/en/20180402-french-english-macron-franglais-francophonia-language-academie-francaise (дата обращения: 02.12.2025).
20. Ina.fr. [Электронный ресурс]. URL: https://fresques.ina.fr/de-gaulle/liste#sort/Type.Nom/direction/DESC/page/1/size/10 (дата обращения 01.11.2025).
21. Institut François Mitterand. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mitterrand.org/ (дата обращения: 03.12.2025)
22. Leparisien.fr. [Электронный ресурс]. URL: https://www.leparisien.fr/elections/presidentielle/debat-poudre-de-perlimpinpin-et-galimatias-les-expressions-desuetes-de-macron-04-05-2017-6916131.php (дата обращения: 02.11.2025).
23. Leparisien.fr. [Электронный ресурс]. URL: https://www.leparisien.fr/elections/presidentielle/debat-poudre-de-perlimpinpin-et-galimatias-les-expressions-desuetes-

de-macron-04-05-2017-6916131.php (дата обращения: 02.11.2025).
24. Leparisien.fr. [Электронный ресурс]. URL: Schuck N. Parlez-vous le Macron? https://www.leparisien.fr/politique/do-you-speak-macron-02-02-2018- 7538088.ph (дата обращения: 01.12.2025).
25. Ouest-France. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ouest-france.fr/politique/emmanuel-macron/de-foutre-le-bordel-ceux-qui-ne-sont-rien-6-phrases-polemiques-d-emmanuel-macron-5293359 (дата обращения: 01.12.2025).
26. Rouquette S. Aux marges de l'espace public médiatique. Politique de communication. 2016 / 1(№6). PP. 81 -111. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cairn.info/revuepolitiques-de-communication-2016-1-page-81.htm?ref=doi (дата обращения: 01.12.2025).
27. RT français. [Электронный ресурс]. URL: https://francais.rt.com/france/49375-democratie-systeme-plus-bottom-up-terre-que-veut-dire-emmanuel-macron?ysclid=min74imjxs206980912 (дата обращения: 11.11.2025).
28. Texte de l'appel 18 juin 1940. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ccop.fr/wp-content/uploads/Texte-de-lappel-du-18-juin-1940-1.pdf (дата обращения 01.12.2025).
29. UN News. [Электронный ресурс]. URL: https://news.un.org/ru/story/2023/05/1441387 (дата обращения 01.11.2025).
30. Vie-publique.fr. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vie-publique.fr/discours/132262-discours-de-m-francois-mitterrand-president-de-la-republique-sur-la-l (дата обращения: 09.11.2025).
31. Vie-publique.fr. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vie-publique.fr/discours/199353-declaration-de-m-emmanuel-macron-ministre-de-de-leconomie-de-lindus (дата обращения:12.11.2025).
32. Wikipedia.org. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Палимпсест (дата обращения: 01.12.2025).

References

Appel 8 juin 1940. Retrieved from: https://www.ccop.fr/wp-content/uploads/Texte-de-lappel-du-18-juin-1940-1.pdf (accessed: 01.11.2025).

Appel du 22 juin 1940. Retrieved from: https://www.charles-de-gaulle.org/wp-content/uploads/2017/03/Appel-a-continuer-le-combat.pdf (accessed: 01.11.2025).

BFMTV.com. Retrieved from: https://www.bfmtv.com/politique/elections/presidentielle/perlimpinpin-galimatias-le-petit-lexique-du-debat-macron-le-pen_AV-201705040026.html (accessed: 17.11.2025).

Conseil constitutionnel. Retrieved from: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/dossiers_thematiques/presidentielle_2007/disc-investiture-16-05-07.pdf (accessed: 03.12.2025).

Discours de Bayeux. Retrieved from: https://mjp.univ-perp.fr/textes/degaulle16061946.htm (accessed: 03.11.2025)

Elysée.fr. Retrieved from: https://www.elysee.fr/francois-mitterrand/1990/06/20/allocution-de-m-francois-mitterrand-president-de-la-republique-sur-la-situation-economique-de-lafrique-les-possibilites-daide-des-pays-les-plus-riches-et-la-position-francaise-en-matiere-de-cooperation-et-daide-financiere-la-baule-le-20-juin-1990 (accessed: 03.12.2025)

Elysée.fr. Retrieved from: https://www.elysee.fr/francois-mitterrand/1991/01/16/message-de-m-francois-mitterrand-president-de-la-republique-adresse-a-la-nation-a-la-suite-de-lexpiration-de-lultimatum-contre-lirak-paris-le-16-janvier-1991 (accessed: 03.12.2025).

Elysée.fr. Retrieved from: https://www.elysee.fr/francois-mitterrand/1993/10/25/interview-de-m-francois-mitterrand-president-de-la-republique-accordee-a-france-2-lors-de-lemission-lheure-de-verite-le-25-octobre-1993-notamment-sur-la-greve-dair (accessed: 05.11.2025).

Elysée.fr. Retrieved from: https://www.elysee.fr/nicolas-sarkozy/2009/01/16/declaration-de-m-nicolas-sarkozy-president-de-la-republique-sur-les-priorites-et-defis-de-la-politique-etrangere-de-la-france-a-paris-le-16-janvier-2009 (accessed: 02.12.2025).

Elysée.fr. Retrieved from: https://www.elysee.fr/nicolas-sarkozy/2009/01/16/declaration-de-m-nicolas-sarkozy-president-de-la-republique-sur-les-priorites-et-defis-de-la-politique-etrangere-de-la-france-a-paris-le-16-janvier-2009 (accessed: 01.12.2025).

Elysée.fr. Retrieved from: https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2025/03/05/adresse-aux-francais-6 (accessed: 30.11.2025).

Elysée.fr. Retrieved from: https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/03/16/adresse-aux-francais-covid19 (accessed: 30.11.2025).

France 24. Retrieved from: https://www.france24.com/en/20180402-french-english-macron-franglais-francophonia-language-academie-francaise (accessed: 02.12.2025).

Gribovod, E.G. (2015). *Diskurs Soft power i mediatizaciya politiki kak kommunikativnye strategii SHOS [Soft power discourse and mediatization of politics as communication strategies of the SCO]*. Ekaterinburg: Izdat. Dom «Diskurs-Pi». (in Russian).

Ina.fr. Retrieved from: https://fresques.ina.fr/de-gaulle/liste#sort/Type.Nom/direction/DESC/page/1/size/10 (accessed: 01.11.2025).

Institut François Mitterand. Retrieved from: https://www.mitterrand.org/ (accessed: 03.12.2025)

Kolomiec, V.P. (2020). *Mediatizaciya media [Mediatization of media].* Moscow.

Leparisien.fr. Retrieved from: https://www.leparisien.fr/elections/presidentielle/debat-poudre-de-perlimpinpin-et-galimatias-les-expressions-desuetes-de-macron-04-05-2017-6916131.php (accessed: 02.11.2025).

Leparisien.fr. Retrieved from: https://www.leparisien.fr/elections/presidentielle/debat-poudre-de-perlimpinpin-et-galimatias-les-expressions-desuetes-de-macron-04-05-2017-6916131.php (дата обращения: 02.11.2025).

Leparisien.fr. Retrieved from: Schuck N. Parlez-vous le Macron? https://www.leparisien.fr/politique/do-you-speak-macron-02-02-2018- 7538088.ph (accessed: 01.12.2025).

Loginova, P.G. (2025). *Politicheskaya mediaritorika: novyj podhod k analizu yazyka politicheskoj mediakommunikacii (na primere Francii) [Political Media Rhetoric: A New Approach to Analyzing*

the Language of Political Media Communication (Based on the Case of France)]. Moscow: Direkt-Media. (in Russian).

Maslova, V. A. (2008). Politicheskij diskurs: yazykovye igry ili igry v slova? [Political discourse: language games or word games?]. *Politicheskaya lingvistika, (1) 24*, 43–47. (in Russian).

Ouest-France. Retrieved from: https://www.ouest-france.fr/politique/emmanuel-macron/de-foutre-le-bordel-ceux-qui-ne-sont-rien-6-phrases-polemiques-d-emmanuel-macron-5293359 (accessed: 01.12.2025).

Raspopova, S.S. (2022). Chelovek v rossijskih media: eticheskij aspect [The Human in Russian Media: The Ethical Aspect]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya, 3 (45)*, 175-183. (in Russian).

Rouquette S. (2016). Aux marges de l'espace public médiatique. Politique de communication. Vol. 1(№6). PP. 81-111. Retrieved from: https://www.cairn.info/revuepolitiques-de-communication-2016-1-page-81.htm?ref=doi (accessed: 01.12.2025).

RT français. Retrieved from: https://francais.rt.com/france/49375-democratie-systeme-plus-bottom-up-terre-que-veut-dire-emmanuel-macron?ysclid=min74imjxs206980912 (accessed: 11.11.2025).

Texte de l'appel 18 juin 1940. Retrieved from: https://www.ccop.fr/wp-content/uploads/Texte-de-lappel-du-18-juin-1940-1.pdf (accessed: 01.12.2025).

UN News. Retrieved from: https://news.un.org/ru/story/2023/05/1441387 (accessed: 01.11.2025).

Vartanova, E.L. *«Chelovek medijnyj» – novaya stupen' evolyucii ili prilozhenie k gadzhetu?* ["Media Man" – a new stage of evolution or an appendix to a gadget?] Retrieved from: https://www.nkj.ru/open/27523/ (accessed: 04.12.2025). (in Russian).

Vie-publique.fr. Retrieved from: https://www.vie-publique.fr/discours/132262-discours-de-m-francois-mitterrand-president-de-la-republique-sur-la-l (accessed: 09.11.2025).

Vie-publique.fr. Retrieved from: https://www.vie-publique.fr/discours/199353-declaration-de-m-emmanuel-macron-ministre-de-de-leconomie-de-lindus (accessed:12.11.2025).

Wikipedia.org. Retrieved from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Палимпсест (accessed: 01.12.2025).

УДК 811.111
https://doi.org/10.25076/vpl.60.06
Т.А. Светоносова[6]
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

ИНАУГУРАЦИОННЫЕ ОБРАЩЕНИЯ АМЕРИКАНСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ: ТОПОСЫ

В настоящем исследовании проведен анализ текстов инаугурационных обращений американских президентов с целью определения топосов, которые являются общими темами для этих текстов. Инаугурационные обращения имеют долгую историю и являются традиционными в президентской риторике американских президентов, и поэтому имеют высокий потенциал для лингвистических исследований. Тексты инаугурационных обращений содержат общие темы, которые сформулированы президентами страны, регулярно повторяются в инаугурационных обращениях и становятся частью политической культуры страны. В данном исследовании определены общие темы, топосы, характерные для текстов инаугурационных обращений американских президентов: обращение к подлинным идеалам и истинам страны, установление ответственности перед будущими поколениями, восхваление американского народа, укрепление единства внутри страны, проведение обновления в стране. Результаты исследования топосов позволяют, во-первых, понять, как устроены тексты инаугурационных обращений, во-вторых, уяснить, как можно структурировать содержание текстов инаугурационных обращений, в-третьих, осознать, как

[6] © **Светоносова Т.А.** 2025
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License https://creativecommons.org/licenses/by/4.0

исторический ход событий в стране представлен в текстах инаугурационных обращений, в-четвертых, разобраться, как воздействуют формулировки топосов на народ и культуру страны. Материалы данного исследования представляют интерес для филологов, специалистов, занимающихся исследованием публичных выступлений и ораторского искусства, политологов.

Ключевые слова: американские президенты, американская культура, президентская риторика, инаугурационное обращение, топосы, общие места, публичное выступление

UDC 811.111
https://doi.org/10.25076/vpl.60.06
T.A. Svetonosova
MGIMO University

AMERICAN PRESIDENTS' INAUGURAL ADDRESSES: TOPOI

In the given research the American presidents' inaugural addresses texts have been analysed with the aim of defining topoi which are common themes in these texts. Given a long-lasting history in the country and a traditional character in the American presidential rhetoric, inaugural addresses have huge research potential. The inaugural addresses texts contain themes which formulated by presidents, reiterated by them regularly and become part of the political culture of the country. In the given research several common themes or topoi have been distinguished which are typical of American presidents' inaugural addresses texts: addressing the country's original ideals and truths, establishing responsibility to next generations, cherishing an American people, strengthening unity in the country, conducting renewal processes in the country. The results of the present research allow firstly, understanding how the inaugural addresses texts are organized, secondly, working out how the inaugural addresses texts are structured, thirdly, realising how the American history course is presented in the inaugural addresses texts, fourthly, figuring out how the topoi formulations impact both the people and the culture. The given research materials are of interest to linguists, specialists who are engaged in

investigating public speaking and the art of oratory, political science researchers.

Keywords: American presidents, American culture, presidential rhetoric, inaugural address, topoi, loci communes, public speech

Введение

Инаугурационное обращение американских лидеров – это устоявшийся жанр президентской риторики. Каждый вновь избранный президент США обращается к американской нации с речью в день своей инаугурации. Традиция обращения американских президентов к нации в день инаугурации продолжается с 1789 года, когда Джордж Вашингтон, первый президент США, обратился к народу с речью.

Под президентской риторикой следует понимать целый спектр выступлений, заявлений, обращений президента, и все они обладают высоким потенциалом для лингвистических исследований. Президентская риторика содержит разнообразные языковые средства выражения взглядов и установок президента, и поэтому она представляет объект для разнообразных языковых исследований (Антонова, 2011, с. 61).

Даже церемониальная риторика инаугурации обладает значительным интерпретационным ресурсом, предполагающим декодирование политической позиции президента на основании традиционно используемых им риторических средств ритуального дискурса (Антонова, 2011, с. 61).

Инаугурация в США имеет более двухвековую историю и проводится по выверенным временем правилам и процедурам. Ввиду длительной истории проведения инаугураций в США, инаугурация является частью культуры страны и транслирует информацию о культуре страны.

В современном английском языке существительное *inauguration (инаугурация)* имеет значение – *a special ceremony at which a new public official or leader is introduced; the introduction of a new development or an important change* (перевод: *специальная церемония, на которой новое государственное должностное лицо или новый лидер представлены; введение нового плана развития или важного изменения* (Здесь и далее перевод наш. – Т.С.) (Oxford Learner’s Dictionary Online).

По данным этимологического словаря Уолтера Скита глагол *inauguration* обозначает *consecration, instalment, entering upon or investing with an office formally, beginning formally; consulting the divining birds, practising augury* (перевод: *освещение, внедрение, вступление в должность официально, наделение должностью официально, начинать официально; совещаться с птицами, которые предсказывают что-л., практиковать предсказание* (Skeat, 1958, p. 292).

Современные и этимологические значения слова *inauguration* оказываются схожими, за исключением этимологических значений *consulting the divining birds, practising augury*, которые не отражены в современных значениях.

Существительное *augury* по данным этимологического словаря Уолтера Скита имеет один корень с существительным *augur*, которое обозначает *a soothsayer, a diviner by the flight and cries of birds (*перевод: *предсказатель, прорицатель по полёту и звукам птиц)* (Skeat, 1958, p. 38).

Согласно тому же этимологическому словарю слова с таким же корнем – *augurre* и *augurie* – содержатся в произведениях английских поэтов John Gower (Джона Гоуэр) и Geoffrey Chaucer (Джефри Чосер): *augur*, *a priest at Rome, who foretold events, and interpreted the will of the gods from the flight and singing of birds (перевод: авгур, священник в Риме, который предсказывал события и интерпретировал волю богов по полёту и пению птиц).* Существительное *augur* происходит от *auis / a bird (*перевод*: птица)* и от *gur,* которое происходит от *garrire*, *garrulus*, что обозначает *to shout (*перевод*: кричать)* (Skeat, 1958, p. 38).

Таким образом, этимология слова *inauguration* сопряжена с темами *предсказания* и *пророчества авгуров* на основе наблюдения за *полётом и пением птиц*. Связывая современное и этимологическое значение слова *inauguration*, можно сделать вывод, что *официальное лицо, вступающее в должность, а именно президент, имеет способность предсказывать и прогнозировать события.*

Во время инаугурации американские президенты выступают с инаугурационным обращением, в котором, действительно, сообщают собравшимся о перспективе развития страны, рассказывают о будущих событиях в стране, представляют планы

по развитию страны, т.е. президенты прогнозируют и предсказывают развитие страны.

Закон США не регламентирует процесс проведения инаугурации американских президентов, за исключением даты и текста присяги, которые прописаны в Конституции США.

День инаугурации президента США является грандиозным событием в стране, которое согласно XX-ой поправке к Конституции США, принятой в 1937 году, проходит 20 января каждые четыре года. Инаугурация первого президента состоялась 30 апреля 1789, а инаугурации президентов в период с 1793 года по 1933 год проходили 4 марта.

«The terms of the President and Vice President shall end at noon on the 20th day of January, and the terms of Senators and Representatives at noon on the 3rd day of January, of the years in which such terms would have ended if this article had not been ratified; and the terms of their successors shall then begin» (Congressional Quarterly's Guide to the Presidency, 1996, p. 1580).

Инаугурация президента проходит у стен западного крыла Капитолия, местонахождении законодательной ветви власти США – Конгресса. На инаугурацию вступающего в должность президента приглашаются предшествующие президенты и вице-президенты, председатель Верховного суда, должностные лица, сенаторы, конгрессмены, представители духовенства. Граждане США и люди, проживающие в стране, собираются около стен здания Капитолия, чтобы поддержать вновь избранного лидера страны и стать свидетелями его вступления в должность президента США.

Перед вступлением в должность президент приносит присягу, текст которой зафиксирован в Конституции США, в Статье II, Разделе I:

«*I do solemnly swear (or affirm) that I will faithfully execute the Office of President of the United States, and will to the best of my Ability, preserve, protect and defend the Constitution of the United States*.» – The Constitution of the United States, Article II, Section 1. (Congressional Quarterly's Guide to the Presidency, 1996, p. 1577). (Перевод: *Я торжественно клянусь (или обещаю), что буду честно выполнять обязанности президента Соединённых Штатов и по мере своих сил охранять, защищать и поддерживать*

Конституцию Соединённых Штатов) (Американские федералисты, 1990, с. 305).

Текст инаугурационного обращения, с которым президент обращается к нации, не регламентирован законом США, но имеет характеристики, которые типичны для этого вида текста: массовый адресат, выверенная структура, схожее содержание.

Текст инаугурационного обращения адресован массовой аудитории ввиду того, что президенты обращаются к миллионам граждан страны, миллионам американцев, другим нациям мира. Президенты, как правило, используют следующие формулировки обращений: *(my) fellow citizens (*перевод: *(мои) сограждане*), *(my) fellow Americans (*перевод: *(мои) соотечественники-американцы), people of the world (*перевод: *народ мира*), *peoples of the world (*перевод: *народы мира)*.

В современном мире адресат инаугурационного обращения, как и всей президентской риторики, становится еще многочисленнее ввиду развития современных цифровых технологий.

Presidential rhetoric, whether written or oral, is one source of institutional power of the presidency. This power has been further enhanced in the information age by the ability of presidents to speak when, where, and on whatever topic they choose, and to a national audience through coverage by the electronic media (Shapiro, 2000). (Перевод: *Президентская риторика, устная или письменная, является одним из источников власти института президентства. Эта власть была усилена в информационный век возможностью президентов говорить когда, где, и на тему, которую они выбирают, говорить для национальной аудитории посредством электронных средств*).

Структура текста инаугурационного обращения имеет части, характерные для текста публичного выступления: вступление, основная часть, заключение.

Содержание текстов инаугурационных обращений имеет общие места или топосы, которые являются общепризнанными и известными для отправителя и получателя обращения. Топосы в текстах инаугурационных обращений делают их понятными и близкими для адресатной аудитории ввиду их традиционности и известности в обществе.

Общие места зависят от аудитории, её широты и узости, от интересов аудитории и от того, какой пафос свойственен речи, которая охватывает аудиторию. Общие места не могут складываться стихийно. Они складываются не путём механического соединения смыслов разных речей, выделения в них общего и отбрасывания различного. Общие места есть результат общественного договора. Общие места есть тексты, смысл которых служит объединению вокруг этого смысла других текстов с разной композицией (Рождественский, 2004, с. 383)

Материалы и методы исследования

Цель данного исследования заключается в определении топосов, которые являются общими для текстов инаугурационных обращений американских президентов.

Актуальность данного исследования заключается в неизменном интересе к изучению риторики американских президентов, в частности, к изучению текстов инаугурационных обращений. Ввиду того, что инаугурационное обращение, как жанр президентской риторики, имеет долгую историю существования, его содержание наполнено топосами, которые являются общими для всего корпуса текстов инаугурационных обращений. Изучение топосов в текстах инаугурационных обращений позволяет получить всеобъемлющее представление о политической жизни в стране, узнать дополнительную лингвострановедческую информацию, получить сведения по истории страны.

Материалы исследования включают девять текстов инаугурационных обращений шести американских президентов с 1993 года по 2025 год: William J. Clinton (1993); William J. Clinton (1997); George W. Bush (2001); George W. Bush (2005); Barack Obama (2009); Barack Obama (2013); Donald J. Trump (2017); Joseph Biden (2021); Donald J. Trump (2025).

Дискурс инаугурации (инаугурационный дискурс) – субдискурс президентского дискурса в системе общеполитического дискурса – определяется как политический перформатив (политическое действие), отражающий идеалистические реалии, традиционные идейные ценности и национальные ментальные особенности общества в условиях перехода и легитимизации государственной власти (Моргун, 2011, с. 10).

Центральное место в дискурсе инаугурации занимает инаугурационное обращение президента, которое рассматривается как ритуальный жанр президентской риторики.

Опрос респондентов показывает, что американцы ставят на первое место инаугурационную речь президента – 45% от всех других жанров президентского дискурса (Спиридовский, 2006, с. 14). В американской президентской риторике известны другие ритуальные жанры: инаугурационная / прощальная речь (inaugural address / farewell address), Рождественское обращение (Christmas Speech), юбилейная / торжественная речь, приуроченная к знаменательным датам, вручению премий, открытию форумов, фестивалей, выставок (jubilee / anniversary speech, speech/remarks on the occasion of), а также традиционное субботнее радиообращение президента (the weekly address of the president) США (Спиридовский, 2006, с. 12-14).

В инаугурационных речах американских президентов прослеживается преемственность национальных идеалов, традиций, ценностей, что отражается и в текстах инаугурационных обращений, характеризующихся вполне устойчивой композиционной структурой, включающей: клятву президента; обещание президента достойно исполнять свои обязанности; отсылку в историческое прошлое и новизну ситуации; изложение принципов внутренней и внешней политики; идеологическое осмысление насущных проблем; убеждение в великом предназначении Америки; обращение к Богу; оптимистический финал выступления (Моргун, 2011, с. 10).

В исследовании применены следующие методы работы с текстами инаугурационных обращений: метод контролируемой выборки, метод контекстуального анализа, метод описания, метод индукции и метод дедукции. Метод контролируемой выборки позволил отобрать релевантные для исследования контексты из текстов инаугурационных обращений; метод контекстуального анализа сделал возможным проанализировать отобранные контексты; метод описания позволил сделать описания контекстов; метод индукции и метод дедукции позволили сформулировать выводы исследования, исходя от частного к общему и от общего к частному.

Практическая значимость данного исследования заключается в возможности применения материалов исследования в обучении студентов высших учебных заведений по дисциплинам: межкультурная коммуникация, лингвострановедение. Материалы исследования имеют прикладной потенциал использования в рамках дисциплин по ораторскому искусству, публичным выступлениям, политологии.

Результаты и обсуждение

Тексты инаугурационных обращений включают изложение президентами своего видения текущего состояния дел в стране и перспективы будущего развития страны. Каждый президент излагает свои сценарии событий в текстах инаугурационных обращений, но последние характеризуются наличием общих мест, которые свойственны текстам инаугурационных обращений как жанру президентской риторики.

Общие места – естественные непререкаемые суждения, общепризнанные постулаты, которые кажутся естественными и потому истинными. Истинность общих мест состоит в общепризнанности, носящей эвристический характер для создателя и получателя речи (Рождественский, 2004, с. 383).

Общие места в текстах инаугурационных обращений представляют единые темы, к которым регулярно обращаются президенты. Адресат инаугурационных обращений, массовая аудитория, имеет обыкновение систематически, каждые четыре года, внимать сообщения, в части общие места. Ввиду историчности и общепризнанности, общие места обладают высоким потенциалом созидательной деятельности и лидера страны, и народа страны.

Название *общие места* происходит от латинского выражения *loci communes*, которое обозначает общие риторические места или *топосы*.

Основные способы создания речи известны в риторике под именем *топосов – мест* или *хранилищ* (лат. topos – место) идей, доказательств, с которыми должны согласиться слушатели речи. Топосы называются также общими местами, поскольку они содержат общие нравственные и философские положения, которые считаются общепринятыми в данном социуме. Задача ритора –

предложить общие места в новой, стилистически привлекательной форме для данной аудитории (Аннушкин, 2012, с. 69).

Некоторые топосы (перевод: topoi, мн.ч.), которые присущи тестам инаугурационных обращений, перечислены и описаны в работе *Inaugurating the Presidency* американских авторов K. Campbell и K. Jamieson. Авторы формулируют топосы, характерные для текстов инаугурационных обращений: *reconstituting the people* (перевод: *объединение народа*), *rehearsing traditional values* (перевод: *обращение к традиционным ценностям*), *enunciating political principles* (перевод: *провозглашение политических принципов*), enacting the presidency (перевод: *придание законной силы самому институту президенства*), *fulfilling epideictic requirements* (перевод: *использование приёмов, которые требует эпидейктическая речь*) (Campbell, 1985).

Е.И. Шейгал в монографии *Семиотика политического дискурса* рассматривает функции инаугурационного обращения, и в каждой функции выделяет релевантные для нее топосы. Согласно автору, инаугурационное обращение имеет четыре основные функции: интегративную, инспиративную, декларативную, перворматривную, и каждая из этих функций находит выражение в специфических топосах. Интегративня функция реализуется в топосах *взаимных обязательств и единства нации*; инспиративная функция – в топосах *обновления, единства нации и возвышенных эмоций*; декларативная – в топосах *долга, работы, насущных проблем дня*; перформативная функция – в топосах *вступления в должность, достойного лидера и законопослушности* (Шейгал, 2004).

В данном исследовании анализ текстов инаугурационных обращений позволяет выделить пять топосов этих текстов, которые являются общими и характерными для текстов инаугурационных обращений: *обращение к подлинным идеалам и истинам страны, установление ответственности перед будущими поколениями, восхваление американского народа, укрепление единства внутри страны, проведение обновления в стране*.

I. Обращение к подлинным идеалам и истинам страны.

Первоначальные идеалы и истины США закреплены в основополагающих исторических документах США, в частности, в Декларации независимости США, в которой задекларировала независимость от метрополии в ходе Войны за независимость,

Конституции США, в которой зафиксированы принципы функционирования всех институтов власти.

Президенты обращаются к первоначальным истинам страны в своих инаугурационных посланиях посредством прямого цитирования контекстов из основополагающих документов, хотя не исключены случаи парафраза, аллюзии и аппликации (Светоносова, 2022).

Декларация независимости представлена в инаугурационных обращениях цитатами контекста о неотчуждаемых правах человека – *life, liberty, the pursuit of happiness* (перевод: *жизнь, свобода, стремление к счастью*).

Уильям Клинтон, 42-ой президент США, говорит о необходимости изменений для сохранения американских идеалов:

«*When our Founders boldly declared America's independence to the world and our purposes to the Almighty, they knew that America, to endure, would have to change; not change for change's sake but change to preserve America's ideals:* ***life***, ***liberty***, ***the pursuit of happiness***» (William J. Clinton, 1993). (Перевод: *Когда наши отцы-основатели смело объявили миру о независимости Америки и о наших целях Всевышнему, они знали, чтобы все выдержать Америке необходимы перемены, но не перемены ради перемен, а перемены, чтобы сохранить идеалы Америки: жизнь, свободу, стремление к счастью*) (Уильям Клинтон, 1993).

Барак Обама, 44-ый президент США, в своем инаугурационном обращении в 2013 году цитирует контекст из Декларации независимости:

«*We hold these truths to be self-evident, that all men are created equal; that they are endowed by their Creator with certain* ***unalienable rights****; that among these are* ***life***, ***liberty***, *and* ***the pursuit of happiness***» (Barack Obama, 2013). (Перевод: *Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определёнными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь,* ***свобода*** *и стремление к счастью*) (Барак Обама, 2013).

Президенты цитируют выражение *the blessings of liberty* (перевод: блага свободы) из Конституции США:

«*And what a century it has been. America became the world's mightiest industrial power, saved the world from tyranny in two World*

Wars and a long cold war, and time and again reached out across the globe to millions who, like us, longed for ***the blessings of liberty***» (William J. Clinton, 1997). (Перевод: *Какой век был. Америка стала величайшей промышленной державой, спасла мир от тирании в двух Мировых войнах и в холодной войне и неоднократно предлагала помощь миллионам людей по всему миру, которые, как и мы, жаждут благ свободы*) (Уильям Клинтон, 1997).

II. Установление ответственности перед будущими поколениями в стране.

Президентам США в своих инаугурационных обращениях свойственно говорить о последующих поколениях американцев, чувствовать и укреплять ответственность по отношению к ним. Президенты обращаются к будущим поколениям, используя слова: *posterity (перевод: потомство), future generations (перевод: будущие поколения), generations to follow (перевод: поколения, которые последуют), our children (перевод: наши дети), our children's children (перевод: дети наших детей)*.

Президенты, говоря об ответственности перед будущими поколениями, часто связывают эти контексты с деятельностью предков: *our founding fathers; our founders (перевод: наши отцы-основатели), our fathers and mothers (перевод: наши отцы и матери), ancestors (перевод: предки), forebears (перевод: предки)*.

Топос *установление ответственности перед будущими поколениями в стране* демонстрирует наличие прочной связи между предшествующими поколениями и будущими поколениями.

Уильям Клинтон говорит, что *отцы-основатели* рассматривали свой труд и свою деятельность в свете *последующих поколений*, и президент разъясняет, что подразумевается под *последующими поколениями:*

«***Our Founders*** *saw themselves* ***in the light of posterity***. ***Posterity*** *is the world to come: the world for whom we hold our ideals, from whom we have borrowed our planet, and to whom we bear sacred responsibility*» (William J. Clinton, 1993). (Перевод: *Наши отцы-основатели воспринимали себя в свете последующих поколений. Последующие поколения – это мир, который наступит: мир, для которого мы храним наши идеалы, от которого мы заимствовали нашу планету, и для которого мы несем священную ответственность*) (Уильям Клинтон, 1993).

Джордж Уокер Буш, 43-ий президент США, акцентирует внимание современников на необходимости решения проблем сейчас, чтобы освободить будущие поколения от их решения:

«*We must choose if the example of* ***our fathers and mothers*** *will inspire us or condemn us. We must show courage in a time of blessing by confronting problems instead of passing them on to* ***future generations***» (George W. Bush, 2001). (Перевод: *Мы должны сделать выбор, если пример наших отцов и матерей вдохновляет нас или порицает нас. Мы должны продемонстрировать отвагу в период благоденствия, преодолевая проблемы вместо перекладывания проблем на последующие поколения*) (Джордж У. Буш).

Барак Обама, используя цитату – *we, the people* – из преамбулы Конституции США, говорит об обязательствах живущих американцев пред будущими поколениями:

«*We, the people, still believe that our obligations as Americans are not just to ourselves, but to all* ***posterity.*** *We will respond to the threat of climate change, knowing that the failure to do so would betray* ***our children*** *and* ***future generations***» (Barack Obama, 2013). (Перевод: *Мы, народ, все еще верим, что наши обязательства как американцев обращены не только к нам самим, но и ко всем нашим последующим поколениям. Мы ответим на угрозу изменения климата, мы знаем, что если этого не сделать, то мы предадим наших детей и будущие поколения*) (Барак Обама, 2013).

Джозеф Байден, 46-ой президент США, говорит о необходимости передать новый и лучший мир детям:

«*Will we meet our obligations and pass along a new and better world for* ***our children****? If we do this then when our days are through* ***our children*** *and* ***our children's children*** *will say of us they gave their best*» (Joseph Biden, 2021). (Перевод: *Ответим ли мы на обязательства и передадим ли новый и лучший мир нашим детям. Если мы сделаем это, то когда мы умрем наши дети и дети наших детей скажут о нас, что они сделали все, что могли*) (Джозеф Байден, 2021).

Топос *установление ответственности перед будущими поколениями в стране* тесно связан с предшествующими поколениями. Ответственность перед будущими поколениями устанавливается в разных категориях, например, решение конкретных проблем, выполнение обязательств по устранению

угроз изменения климата, сохранение и передача нового и лучшего мира.

III. Восхваление американского народа.

Инаугурационное обращение – это эпидейктическая речь, т.е. хвалебная речь, которая изобилует лексикой с положительной коннотацией. Президенты, как правило, лексику с положительной коннотацией используют для описания граждан и американского народа.

Кроме инаугурационного обращения к торжественным и хвалебным речам (eulogies) относят прощальную речь президента, а также речи по случаю Дня независимости 4-го июля, празднования Дня ветеранов, начала учебного года в университетах и речи по особым национальным случаям, например, речь Джорджа У. Буша в Национальном храме после атак 11 сентября 2009 (Jamieson, 2013, p. 154).

Американцы в текстах инаугурационных обращений представлены как люди, которые находятся в движении и поиске:

«*Americans have ever been* ***a restless, questing, hopeful people***» (William J. Clinton, 1993). (Перевод: *Американцы всегда являются неугомонным, интересующимся и подающим надежды народом*) (Уильям Клинтон, 1993).

Президенты особое внимание уделяют тем американцам, которые несут военную службу, и называют их *смелыми*:

«***The brave Americans*** *serving our nation in the Persian Gulf, in Somalia, and wherever else they stand are testament to our resolve*» (William J. Clinton, 1993). (Перевод: *Смелые американцы, которые несут службу в Персидском заливе, в Сомали и где-либо еще, являются подтверждением стойкости*) (Уильям Клинтон, 1993).

«*Our* ***brave men and women*** *in uniform, tempered by the flames of battle, are* ***unmatched in skill and courage***» (Barack Obama, 2013). (Перевод: *Наши смелые мужчины и женщины в форме, которые закалены пламенем сражения, не имеют себе равных в умении и смелости*) (Барак Обама, 2013).

В последующих примерах американцы представлены как великодушные, сильные, порядочные, праведные, величественные и законопослушные:

«***Americans*** *are* ***generous*** *and* ***strong*** *and* ***decent****, not because we believe in ourselves but because we hold beliefs beyond ourselves*»

(George W. Bush, 2001). (Перевод: *Американцы – великодушные, сильные и порядочные, не потому что мы верим в себя, а потому что наши убеждения находятся выше нас*) (Джордж У. Буш, 2001).

«*These are just and reasonable demands of* ***righteous people*** *and a* ***righteous public***» (Donald J. Trump, 2017). (Перевод:*Это справедливые и разумные требования праведного народа и праведной общественности*) (Дональд Трамп, 2017).

«*It (a Government) fails to protect* ***our magnificent, law-abiding American citizens****, but provides sanctuary and protection for dangerous criminals, many from prisons and mental institutions, that have illegally entered our country from all over the world*» (Donald J. Trump, 2025). (Перевод: *Правительству не удалось защитить величественных, законопослушных американских граждан, но правительство обеспечило убежище и защиту для опасных преступников, многие из которых из тюрем и психиатрических учреждений, и эти преступники приезжают незаконно в нашу страну со всего мира*) (Дональд Трамп, 2025).

IV. Укрепление единства внутри страны.

Освоение и заселение территории США выходцами из разных стран мира, а также исторические события: Война за независимость (1775–1783), Гражданская война (1861–1865) сделали топос *укрепления единства внутри страны* актуальным для каждого поколения американцев и важным на протяжении всей истории США.

Президенты уделяют особое внимание топосу *укрепления единства внутри страны* в своих инаугурационных обращениях.

Джордж У. Буш в 2001 году говорит о совместной работе лидеров и граждан в вопросах единства страны:

«***Our unity***, ***our union****, is the serious work of leaders and citizens in every generation. And this is my solemn pledge: I will work to build a single nation of justice and opportunity*» (George W. Bush, 2001). (Перевод: *Наше единство, наш союз – это серьезная работа лидеров и граждан в каждом поколении. Это мое торжественное обещание: я буду работать, чтобы построить единую нацию справедливости и возможности*) (Джордж У. Буш, 2001).

Барак Обама в 2009 году говорит о намерении создать инфраструктуру, чтобы связать и объединить жителей страны:

*«We will build the roads and bridges, the electric grids and digital lines that feed our commerce and **bind us together**»* (Barack Obama, 2009). (Перевод: *Мы построим дороги и мосты, электрические сети и цифровые линии, которые питают нашу экономику и связывают нас вместе*) (Барак Обама, 2009).

В инаугурационном обращении в 2013 году Барак Обама использует анафору, стилистический прием, для оформления топоса *укрепление единства внутри страны.* Президент начинает предложения с *together* и констатирует, какие результаты были достигнуты в совместной работе президента и американского народа в его первый президентский срок:

«***Together**, we discovered that a free market only thrives when there are rules to ensure competition and fair play*» (Barack Obama, 2013). (Перевод: *Вместе мы обнаружили, что свободный рынок процветает только тогда, когда есть правила для обеспечения конкуренции и справедливой игры*) (Барак Обама, 2013).

В другом предложении Барак Обама формулирует, что вместе с народом удалось решить и понять:

«***Together**, we resolved that a great nation must care for the vulnerable, and protect its people from life's hazards and misfortune*» (Barack Obama, 2013). (Перевод: *Вместе мы решили, что великая нация должна проявлять заботу об уязвимых и защищать своих людей от жизненных угроз и неудач*) (Барак Обама, 2013).

Джозеф Байден в своей инаугурационной речи в 2021 году говорит о единстве страны как об ускользающем феномене в демократии и приводит примеры противоположностей единству:

«*To overcome these challenges (racism, nativism, fear and demonisation) – to restore the soul and to secure the future of America – requires more than words. It requires that most elusive of things in a democracy: **Unity**. **Unity***» (Joseph Biden, 2021). (Перевод: *Преодолеть эти вызовы (расизм, нативизм, страх и демонизацию) – восстановить душу и обеспечить будущее Америке – все это требует больше, чем слова. Это требует самой неуловимой категории в демократии: Единства. Единства*) (Джозеф Байден, 2021).

Далее в инаугурационном обращении Джозеф Байден вновь говорит о своем стремлении – соединить Америку, объединить народ и нацию. В этом предложении Джозеф Байден использует

цитату *my whole soul is in this* из выражения Авраама Линкольна, 16-го президента США, которое он использовал, подписывая Прокламацию об освобождении рабов – *If my name ever goes down into history it will be for this act and my whole soul is in it*.

«*Today, on this January day, my whole soul is in this: **Bringing America together. Uniting our people. And uniting our nation**. I ask every American to join me in this cause*» (Joseph Biden, 2021). (Перевод: *Сегодня, в этот январский день вся моя душа в этом: соединить Америку. Объединить наш народ. Объединить нашу нацию*) (Джозеф Байден, 2021).

V. Проведение обновления в стране.

Топос *проведение обновления в стране* является частотной темой в инаугурационных обращениях американских президентов. Во-первых, *обновление* является важным пунктом в политическом курсе любого президента, во-вторых, *обновление, созидание, генерирование нового* характеризуют США с самого начала ее существования, когда за страной закрепилось название *the New World* (перевод: *Новый Свет*) (Америка против всех, 2023).

Тема Нового Света регулярно оперирует в текстах инаугурационных обращений американских президентов:

«***This new world** has already enriched the lives of millions of Americans who are able to compete and win in it*» (William Clinton, 1993). (Перевод: *Этот Новый Свет уже обогатил жизни миллионов Американцев, которые способны соревноваться и выигрывать в этом*) (Уильям Клинтон, 1993).

Уильям Клинтон в в этом же инаугурационном обращении говорит о нестабильности *Нового Света*:

«*Today, as an older order passes, **the new world** is more free but less stable*» (William Clinton, 1993). (Перевод: *Сегодня ввиду того, что старый порядок уходит, Новый Свет является более свободным, но менее стабильным*) (Уильям Клинтон).

Новый Свет и *Старый Свет* (перевод: *the Old World*) – две части планеты, жизнедеятельность которых переплетается в истории, экономике, политике и других сферах. Президент Джордж У. Буш в 2001 году употребляет *Новый Свет* и *Старый Свет* в одном контексте и констатирует, что *Новый Свет* стал другом и освободителем *Старого Света*:

«*We have a place, all of us, in a long story – a story we continue, but whose end we will not see. It is the story of* ***a new world*** *that became a friend and liberator of* ***the old****, a story of a slave-holding society that became a servant of freedom, the story of a power that went into the world to protect but not possess, to defend but not to conquer*» (George W. Bush, 2001). (Перевод: *У нас есть место, у всех у нас, в долгой истории – в истории, которая продолжается, но конца, которой мы не увидим. Это история Нового Света, который стал другом и освободителем Старого Света. Это история рабовладельческого общества, которое превратилось в слугу свободы, это история могущества, которое пришло в мир, чтобы защищать, но не обладать, защищать, но не завоевывать*) (Джордж У. Буш, 2001).

Топос *проведение обновления в стране* реализуется в текстах инаугурационных обращений через:

• использование лексемы ***new*** в сочетании с разными сферами жизни: *to need a new Government for a new century, to need a new sense of responsibility for a new century, to move with a new boldness, to build new roads and highways and bridges and airports and tunnels and railways, to bring new jobs and businesses to one's shores.*

Инаугурационная речь Уильяма Клинтона в 1997 году содержит достаточно много контекстов с лексемой *new* ввиду наступления нового тысячелетия:

«We need ***a new Government for a new century****, a Government that is smaller, lives within its means, and does more with less»* (William J. Clinton, 1997). (Перевод: *Нам нужно новое правительство в новом веке. Правительство, которое меньше, живет по средствам и делает больше меньшими средствами*) (Уильям Клинтон, 1997).

«We need ***a new sense of responsibility for a new century****»* (William J. Clinton, 1997). (Перевод: *Нам нужно новое чувство ответственности в новом тысячелетии*) (Уильям Клинтон, 1997).

«With ***a new vision of Government****,* ***a new sense of responsibility****,* ***a new spirit of community****, we will sustain America's journey»* (William J. Clinton, 1997). (Перевод: *Имея новое видение правительства, новое чувство ответственности, новый дух общности, мы продолжи путешествие Америки*) (Уильям Клинтон, 1997).

Президент Барак Обама в 2013 году говорит о возможности появления новых рабочих мест и предприятий в стране:

«*No single person can train all the math and science teachers we'll need to equip our children for the future, or build the roads and networks and research labs that will bring* ***new jobs*** *and* ***businesses*** *to our shores*» (Barack Obama, 2013). (Перевод: *Не может один человек обучить всех учителей математики и естественных наук. Нам необходимо дать нашим детям все необходимое для будущего, построить дороги, сети, исследовательские лаборатории, которые поспособствуют притоку новых рабочих мест и предприятий к нашим берегам*) (Барак Обама, 2013).

Дональд Трамп в 2017 году употребляет лексему *new* в контексте представления своих планов по строительству:

«*We will build* ***new roads and highways and bridges and airports and tunnels and railways*** *all across our wonderful nation*» (Donald J. Trump, 2017). (Перевод: *Мы построим новые дороги, шоссе, мосты, аэропорты, туннели и железные дороги по всей нашей прекрасной стране*) (Дональд Трамп, 2017).

• использование лексем с приставкой *a*: ***anew****: to think anew and move with a new boldness; to begin anew with energy and hope, with faith and discipline; speak anew to fellow citizens;* ***afresh****: to start afresh.*

Уильям Клинтон употребляет лексему *anew* и призывает сограждан начинать по-новому в XXI веке:

«And so, my fellow Americans, as we stand at the edge of the 21st century, let us ***begin anew*** *with energy and hope, with faith and discipline»* (William J. Clinton, 1993). (Перевод: *Итак, мои сограждане, мы стоим на пороге XXI века, давайте начнем его по-новому, с энергией и надеждой, с верой и дисциплиной*) (Уильям Клинтон).

Джордж У. Буш употребляет лексему *anew*:

«Today I also ***speak anew*** *to my fellow citizens»* (George W. Bush, 2005). (Перевод: *Сегодня я разговариваю по-новому со своими согражданами*) (Джордж У. Буш).

Джозеф Байден призывает граждан начать заново в данное время и в данном месте:

«And so today, at this time and in this place, let us start afresh» (Joseph R. Biden, 2021). (Перевод: *Итак, сегодня, в это время, в этом месте, давайте начнем по-новому*) (Джозеф Байден, 2021).

• использование лексем с приставкой *re:* ***to renew*** *America, to renew a nation, to celebrate the American* ***renewal****, democracy must be the engine of America's own renewal, a new season of American renewal, to play a part in America's renewal, an idea* ***renewed*** *through two centuries of challenge, to force* ***a spring reborn*** *in the world's oldest democracy,* ***to reinvent*** *America, to* ***revitalize*** *democracy, to rededicate oneself to the very idea of America,* ***to remake*** *the world, to rebuild the country,* ***to repair*** *the alliances.*

Президент Дональд Трамп в 2017 году говорит о великом национальном усилии перестроить страну и восстановить её обещание:

«We, the citizens of America, are now joined in a great national effort ***to rebuild our country*** *and* ***restore its promise*** *for all of our people»* (Donald Trump, 2017). (Перевод: *Мы, граждане Америки, объединены великим национальным порывом перестроить страну и восстановить ее обещание для всех наших людей* (Дональд Трамп, 2017).

Президент Джозеф Байден использует выражение починить/вновь соединить союзы/альянсы (to repair our alliances):

«We will ***repair our alliances*** *and engage with the world once again»* (Joseph R. Biden, 2021). (Перевод: *Мы восстановим наши союзы и будем взаимодействовать с миром снова*) (Джозеф Байден, 2021).

Заключение

В результате данного исследования были определены пять топосов в девяти текстах инаугурационных обращений шести американских президентов: *обращение к подлинным идеалам и истинам страны, установление ответственности перед будущими поколениями, возвышение страны и восхваление американского народа, укрепление единства внутри страны, проведение обновления в стране*.

Топос *обращение к подлинным идеалам и истинам страны* реализуется через обращения президентов к историческим документам США и цитирование основных идеалов и истин страны: *life, liberty, the pursuit of happiness; the blessings of liberty.*

Топос *установление ответственности перед будущими поколениями* выражен тем, что президенты фокусируют внимание живущего поколения на ответственности перед будущими

поколениями. Президенты часто говорят о будущих поколениях (*posterity*, *future generations*, *generations to follow*, *our children*, *our children's children*) в неразрывной связи с предшествующими поколениями (*our founding fathers; our founders, our fathers and mothers, ancestors*, *forebears*).

Топос *восхваление американского народа* проиллюстрирован президентами лексикой с положительной коннотацией: *restless, questing, hopeful, righteous, brave, magnificent, law-abiding*.

Топос *укрепление единства внутри страны* реализуется через лексемы *unity, union, together, to bring us together.* Президенты используют стилистический прием анафору для акцентирования внимания адресата на теме единства.

Топос *проведение обновления в стране* представлен лексемой *new*, лексемами с приставкой *a*: *anew*, *afresh,* лексемами с приставкой *re: to renew, to reconstruct, to renovate, to rededicate, to remake, to reinvent, to revitalize.*

Перспектива исследования топосов в текстах инаугурационных обращений американских президентов заключается в исследовании эволюции топосов во всем корпусе текстов инаугурационных выступлений.

Литература

1. Америка против всех. Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность : коллективная монография / А.В. Яковенко, К.А. Манасенко, О.Г. Карпович [и др.] / под ред. С.А. Феоктистовой. – М. : ООО «Содружество культур», 2023. – 585 с.
2. Американские федералисты: Гамильтон, Мэдисон, Джей. Избранные статьи. С приложением документов: Декларация независимости, Статьи Конфедерации, Конституция США. – М. : Chalidze Publications, 1990. – 327 с.
3. Аннушкин В.И. Риторика : учеб. пособие / В.И. Аннушкин. – 3-е изд. – М. : Флинта, 2012. – 224 с.
4. Антонова И.Б. Президентская и политическая риторика как средство моделирования реальности: к постановке проблемы / И.Б. Антонова // Вестник РГГУ. – 2013. – №1. – С. 144–155.

5. Антонова И.Б. Президентский дискурс в современной медийной среде / И.Б. Антонова // Вестник РГГУ. – 2011. – №1. – С. 59–76.
6. Моргун Е.А. Когнитивно-прагматический анализ системы концептов в инаугурационных речах американских президентов: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук : (10.02.04) / Моргун Елена Анатольевна; [Санкт-Петербургский университет экономики и финансов]. – Санкт-Петербург, 2011. – 20 с.
7. Рождественский Ю.В. Теория риторики / Ю.В. Рождественский. – М. : Флинта. Наука, 2004. – 512 с.
8. Светоносова Т.А. Интертекстуальность как риторический приём инаугурационных речей американских политиков (функционально-лингвистический анализ) / Т.А. Светоносова // Professional Discourse & Communication. – 2022. – №4(2). – С. 18–30.
9. Согрин В.В. История США / В.В. Согрин. – М. : Международные отношения, 2021. – 600 с.
10. Спиридовский О.В. Лингвокультурные характеристики американской политической риторики как вида политического дискурса: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук : (10.02.04) / Олег Владимирович Спиридовский; [Воронежский государственный университет]. – Воронеж, 2006. – 23 с.
11. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 324 с.
12. Campbell K. Inaugurating the Presidency / K. Campbell, K. Jamieson // Presidential Studies Quarterly. – 1985. – Vol. 15. No. 2. – Pp. 394–411.
13. Congressional Quarterly's Guide to the Presidency / Michael Nelson [editor]. – 2nd edition. – 1996. – 1703 pp.
14. Jamieson K.H. How Well has President Barack Obama Chosen from Among the Available Means of Persuation? // Polity. – 2013. – Vol.41. – p.p. 150–162.
15. My fellow Americans: the most important speeches of America's presidents, from George Washington to Barack Obama. Compiled by Micael Waldman. – China: Sourcebooks, Inc., 2010. – 364 pp.

16. Oxford Learner's Dictionary Online. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/ (accessed 15.11.2025)
17. Shapiro Robert Y. Presidential Power / Robert Y. Shapiro, Martha Joynt Kumar. – New York. : Columbia University Press, 2000. – 544 p.p.
18. Skeat W. Walter An Etymological Dictionary of the English Language. – Oxford : Clarendon Press, 1958. – 780 pp.
19. Speeches of the American Presidents. Edited by Janet Podell, Steven Anzovin. – New York. : The H.W.Wilson Company, 1988. – 820 p.p.
20. Tulis Jeffrey K. The Rhetorical Presidency. – Princeton University Press, 1987. – 209 p.

References

Annushkin, V. I. (2012). *Ritorika: Uchebnoe posobie [Rhetoric: A textbook]* (3rd ed.). Flinta.

Antonova, I. B. (2011). Prezidentskii diskurs v sovremennoi mediinoi srede [Presidential discourse in the modern media environment]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, (1)*, 59–76.

Antonova, I. B. (2013). Prezidentskaia i politicheskaia ritorika kak sredstvo modelirovaniia real'nosti: K postanovke problemy [Presidential and political rhetoric as a means of modeling reality: Problem statement]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, (1),* 144–155.

Campbell, K., & Jamieson, K. (1985). Inaugurating the presidency. *Presidential Studies Quarterly, 15*(2), 394–411.

Gamil'ton, A., Medison, D., & Dzhei, D. (1990). *Amerikanskie federalisty: Izbrannye stat'i. S prilozheniem dokumentov: Deklaratsiia nezavisimosti, Stat'i Konfederatsii, Konstitutsiia SShA [The American Federalists: Selected articles. With appended documents: Declaration of Independence, Articles of Confederation, Constitution of the USA]*. Chalidze Publications.

Iakovenko, A. V., Manasenko, K. A., Karpovich, O. G., et al. (2023). *Amerika protiv vsekh: Geopolitika, gosudarstvennost' i global'naia rol' SShA: Istoriia i sovremennost' [America against*

everyone: Geopolitics, statehood, and the global role of the USA: History and modernity]. OOO «Sodruzhestvo kul'tur».

Jamieson, K. H. (2013). How well has President Barack Obama chosen from among the available means of persuasion? *Polity, 41*, 150–162.

Morgun, E. A. (2011). *Kognitivno-pragmaticheskii analiz sistemy kontseptov v inauguratsionnykh rechakh amerikanskikh prezidentov [Cognitive-pragmatic analysis of the system of concepts in the inaugural speeches of American presidents]* (Abstract of candidate's dissertation). Sankt-Peterburgskii universitet ekonomiki i finansov.

Nelson, M. (Ed.). (1996). *Congressional Quarterly's guide to the presidency* (2nd ed.). Congressional Quarterly.

Oxford University Press. (n.d.). *Oxford learner's dictionaries*. Oxford Learner's Dictionaries. https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/ (accessed 15.11.2025)

Podell, J., & Anzovin, S. (Eds.). (1988). *Speeches of the American presidents*. The H. W. Wilson Company.

Rozhdestvenskii, U. V. (2004). *Teoriia ritoriki: Uchebnoe posobie [Theory of rhetoric: A textbook]*. Flinta.

Shapiro, R. Y., & Kumar, M. J. (2000). *Presidential power*. Columbia University Press.

Sheigal, E. I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]*. ITDGK «Gnozis».

Skeat, W. W. (1958). *An etymological dictionary of the English language*. Clarendon Press.

Sogrin, V. V. (2021). *Istoriia SshA: Uchebnik [History of the USA: A textbook]*. Mezhdunarodnye otnosheniia.

Spiridovskii, O. V. (2006). *Lingvokul'turnye kharakteristiki amerikanskoi politicheskoi ritoriki kak vida politicheskogo diskursa [Linguocultural characteristics of American political rhetoric as a type of political discourse]* (Abstract of candidate's dissertation). Voronezhskii gosudarstvennyi universitet.

Svetonosova, T. A. (2025). Kontsepty LIBERTY i FREEDOM: Skhodstva i razlichiia [The concepts LIBERTY and FREEDOM: Similarities and differences]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 18*(2), 798–803.

Tulis, J. K. (1987). *The rhetorical presidency*. Princeton University Press.

Waldman, M. (Comp.). (2010). *My fellow Americans: The most important speeches of America's presidents, from George Washington to Barack Obama*. Sourcebooks, Inc.